

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№1 2020

Казань - 2020

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №1 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – 132.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- С.В. Копырюлин* «ГАЛЛИПОЛИЙСКИЕ РАССКАЗЫ» Н.З.РЫБИНСКОГО:
ТЕМАТИКА И ОБРАЗНО-МОТИВНАЯ СИСТЕМА 7

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

- О.В. Игнатьева* ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТАХ КАК
ФАКТОР НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ СОЦИУМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ) 12
- О.В. Игнатьева* СПОРТ КАК ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 15

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

- Аль-хадитхи Басим Хашиа Абдулраззак* ПРАГМАТИКА ОБРАЩЕНИЙ РЯДА
МАТЬ, МАМА, МАМ...В ЖИВОЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ 18
- Л.У. Бикмаева, Е.А. Петрова, И.И. Файзуллина* КОММУНИКАТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКЦИОННОГО ЗАНЯТИЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«РУССКИЙ ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ» 21
- А.Г. Гилемшина* РАЗРАБОТКА ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА АРАБСКОГО,
РУССКОГО, ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 24
- Г.Г. Зайнуллин* ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРАБСКИХ ПАРЕМИЙ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА
НА РУССКИЙ ЯЗЫК 30
- И Лицунь* МЕТАФОРА В МОДНЫХ СЛОВАХ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ
ЯЗЫКАХ 35
- Г.К. Исмагилова, А.Р. Нурутдинова* РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЖАРГОНИЗМЫ ИЗ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ В ИНТЕРНЕТЕ 38
- А.В. Кривицкая* ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ»
В ЭРГОНИМАХ ПИТЕЙНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН 41
- О.О. Петрова* ВИДЫ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В ЛИРИКЕ
ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА 44

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

- Д.Г. Акубекова* К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР В
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ 48
- И.В. Белкина, Е.В. Машикова, Ю.Н. Яценко* ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА
«ПАМЯТЬ» ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ 51
- Р.Е. Богачев, Е.Н. Мусаелян, И.Э. Федюнина* ОТРАЖЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО
ЗНАЧЕНИЯ РУН В ИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ 54
- М.Е. Букеева* ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА «САЙТ» В
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 57
- В.Д. Грищенко, О.А. Юдина* АФФЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКИ
РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 60
- А.С. Даутова* МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ГРУППЫ «ПОКИДАНИЕ» 63

Г.Р. Еремеева, Ф.Х. Исмаева, Е.В. Мальцева МЕХАНИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЬЯХ	68
О.В. Звада К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТЕ СВОБОДА В КОНТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	72
Л.Е. Корнилова ЯПОНСКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ. ПРОБЛЕМЫ ОПОСРЕДОВАННОГО ПЕРЕВОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ	75
Е.Г. Котова, Е.Б. Савельева, Е.А. Линева, Т.Г. Юсупова СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОНАИМНОВАНИЙ	81
М.Н. Кузнецова, У.А. Казакова СПЕЦИФИКА ОЦЕНИВАНИЯ КАЧЕСТВА ПРОЦЕССА ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ	84
З.В. Маньковская СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ПРОФЕССИЙ И ДОЛЖНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	87
О.Г. Шевченко О ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЗОНАХ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ ГРУПП – ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВРЕМЕНИ И МЕСТА	90
Т.А. Юрова ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КОГНИТИВНОГО СОЗНАНИЯ	94

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Л.И. Антропова, Т.Ю. Залавина, Л.С. Полякова, Ю.В. Южакова РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ	97
Н.В. Еремкина, Е.Ф. Усманова СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЮРИСТА	100
С.Б. Какваева АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ	103
Е.В. Лимарова СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ И СПОСОБЫ ИХ ЭКСПЛИКАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ РЕЧИ Х. КЛИНТОН	106
М.А. Низамиева, Д.Р. Рахимова КОНЦЕПТ «МАТЬ» В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	110
Э.Г. Оздоева, С.А. Оздоева СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ	113
Э.Г. Оздоева, С.А. Оздоева АНТОНИМИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИНГУШСКИХ ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	116
Цуй Юйфэй СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ПЕРСОНАЖА В РАССКАЗЕ КИТАЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЧЖАН АЙЛИН И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	119

АННОТАЦИИ	123
-----------	-----

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

- S.V. Kopyriulin N.Z.RYBINSKIY'S "GALLIPOLI'S SHORT STORIES": TOPICS AND IMAGES 7

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

- O.V. Ignatieva VERBAL AGGRESSION IN JOURNALISTIC TEXTS AS A FACTOR OF NEGATIVE INFLUENCE ON SPEECH CULTURE OF SOCIETY (ON THE MATERIAL OF PRINTED MASS MEDIA IN ULYANOVSK REGION) 12
- O.V. Ignatieva SPORT AS A SUBJECT-THEMATIC DIRECTION OF MODERN DOMESTIC JOURNALISM 15

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

- Al-hadithi Basim Khashea Abdulrazzak PRAGMATICS OF APPEALS OF A NUMBER OF MOTHERS, MAMA, MAM... IN THE LIVING MODERN RUSSIAN SPEECH 18
- L.U. Bikmaeva, E.A. Petrova, I.I. Fayzullina COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF THE LECTURE LESSON ON THE DISCIPLINE "RUSSIAN LANGUAGE IN BUSINESS DOCUMENTATION" 21
- A.G. Gilesheva DEVELOPMENT OF THE PARALLEL CASE OF THE ARABIC, RUSSIAN, TATAR LANGUAGES: PROBLEMS AND PROSPECTS 24
- G.G. Zaynullin PRAGMATIC FEATURES OF ARABIC PAREMIAS ORIGINATING FROM LITERARY WORKS AND THE PROBLEM OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN 30
- Yi Liqun METAPHOR IN BUZZWORDS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES 35
- G.K. Ismagilova, A.R. Nurutdinova RUSSIAN – LANGUAGE JARGON FROM THE ENGLISH – SPEAKING ENVIRONMENT ON THE INTERNET 38
- A.V. Krivitskaya THEMATIC FIELD "ALCOHOL CONSUMPTION" IN ERGONYMS OF DRINKING ESTABLISHMENTS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN 41
- O.O. Petrova TYPES OF METONYMIC TRANSFERS IN THE POETRY OF IGOR SEVERYANIN 44

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

- D.G. Akubekova TO THE ISSUE OF ABBREVIATIONS TRANSLATION IN PROFESSIONALLY-ORIENTED TEXTS 48
- I.V. Belkina, E.V. Mashkova, Y.N. Yatsenko VERBALIZATION OF THE CONCEPT "MEMORY" BY THE ENGLISH VERBS OF MOTION 51
- R.E. Bogachev, E.N. Musaelian, I.E. Fidyunina THE SYMBOLIC MEANING OF RUNES IN THE ICELANDIC LANGUAGE 54
- M.E. Bukeeva LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF GENRE «SITE» IN GERMAN TECHNICAL DISCOURSE 57
- V.D. Grishenko, O.A. Yudina AFFECTIVE CHARACTER OF THE LANGUAGE IN TOURIST ADVERTS 60
- A.S. Dautova METALANGUAGE FOR THE DESCRIPTION OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE ENGLISH VERBS OF LEAVING 63
- G.R. Ereemeeva, F.Kh. Ismaeva, E.V. Maltseva MECHANICAL AND MATHEMATICAL TERMS IN ENGLISH ARTICLES 68

<i>O.V. Zvada</i> TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF LIBERTY IN THE CONTEXT OF ENGLISH-LANGUAGE FICTION	72
<i>L.E. Kornilova</i> JAPANESE MODERN LITERATURE IN GERMAN. PROBLEMS OF INTERMEDIARY TRANSLATION AND FUTURE PROSPECTS	75
<i>E.G. Kotova, E.B. Saveleva, E.A. Lineva, T.G. Yusupova</i> STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF COLOUR NAMES	81
<i>M.N. Kuznetsova, U.A. Kazakova</i> SPECIFICITY OF QUALITY ASSESSMENT OF THE PROCESS OF LANGUAGE TRAINING OF STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITIES	84
<i>Z.V. Mankovskaya</i> LINGUISTIC WAYS OF JOBS AND TITLES NOMINATION IN MODERN MEDIA SPACE	87
<i>O.G. Shevchenko</i> ON THE PERIPHERAL ZONES OF PREPOSITIONAL GROUPS USED AS ADVERBIAL MODIFIERS OF TIME AND OF PLACE	90
<i>T.A. Yurova</i> LINGUISTIC AND CULTURAL EVOLUTION OF THE COGNITIVE CONSCIOUSNESS	94

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>L.I. Antropova, T.Yu. Zalavina, L.S. Polyakova, Yu.V. Yuzhakova</i> REPRESENTATION OF LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF CONCEPT “MONEY” IN PROVERBS	97
<i>N.V. Yermkina, E.F. Usmanova</i> MEANS OF SPEECH IMPACT IN PROFESSIONAL COMMUNICATION OF A LAWYER	100
<i>S.B. Kakvaeva</i> ANALYTICAL FORMS OF THE EVIDENTIALITY CATEGORY IN LAK	103
<i>E.V. Limarova</i> POLITICAL DISCOURSE HIDDEN MEANINGS AND WAYS OF THEIR EXPLICATION ON THE MATERIAL OF ELECTION SPEECH BY H. CLINTON	106
<i>M.A. Nizamieva, D.R. Rakhimova</i> CONCEPT “MOTHER” IN THE RUSSIAN AND FRENCH PHRASEOLOGY	110
<i>E.G. Ozdoeva, S.A. Ozdoeva</i> DEGREES OF COMPARISON OF NAMES OF ADJECTIVES IN THE INGUSH LANGUAGE	113
<i>E.G. Ozdoeva, S.A. Ozdoeva</i> ANTONYMOUS RELATIONS IN INGUSH ADJECTIVES	116
<i>Cui Yufei</i> THE WAY OF DESCRIPTION OF FEMALE PRECEDENT NAME (FOR EXAMPLE WANG JIAZHI) FROM CHINESE FICTION BY ZHANG AILING	119

ABSTRACTS	123
------------------	-----

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

С.В. Копырюлин

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина»,
факультет филологии и журналистики,
кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики,
Тамбов, stas-kopr@yandex.ru

**«ГАЛЛИПОЛИЙСКИЕ РАССКАЗЫ» Н.З.РЫБИНСКОГО:
ТЕМАТИКА И ОБРАЗНО-МОТИВНАЯ СИСТЕМА**

В статье малоизученные «Галлиполийские рассказы» Н.З.Рыбинского рассматриваются как единый цикл. Их объединяет общая тематика, связанная с историческим феноменом Галлиполийского сидения, а также сходство доминирующих образов и мотивов: турецкого полуострова Галлиполи, русских офицеров, веры, тоски по Родине, замкнутого пространства и других.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Галлиполи, писатели-галлиполийцы, Н.З.Рыбинский, цикл.

Основными причинами формирования феномена литературы русского зарубежья стали революция 1917 года и Гражданская война. После поражения армии П.Н.Врангеля и последующей ее эвакуации из Крыма в ноябре 1920 года турецкий полуостров Галлиполи одним из первых принял русских беженцев. Стояние лагерем здесь русской армии составило яркое культурно-историческое явление Галлиполийского сидения. Русские офицеры организовали «Общество галлиполийцев», целью которого были взаимопомощь и сохранение войск для последующей борьбы с большевизмом. Галлиполийцы старались сохранить привычный уклад военной жизни, а литература стала для них главным источником сохранения национального самосознания и языка. На сегодняшний день феномен галлиполийского сидения достаточно хорошо изучен историками, однако до сих пор остается малоизвестным творчество большинства писателей, принадлежавшим к галлиполийскому феномену. На это имеется ряд причин: труднодоступность информации, неполнота источников, отсутствие отзывов критиков на произведения галлиполийцев. Представляется, что особого внимания заслуживает творчество Н.З.Рыбинского, в котором в полной мере отразился феномен Галлиполийского сидения.

Николай Захарович Рыбинский (1888–1955) – русский писатель, журналист, драматург, актёр, режиссёр; участник Белого движения, штабс-капитан. Родился в октябре 1888 г. в Киеве. Окончил Киевский университет Святого Владимира. В чине прапорщика участвовал в Первой мировой войне. В Белом движении воевал в чине поручика в Добровольческой армии и Вооружённых силах Юга России (ВСЮР). В 1920 г. работал в крымской вечерней газете, где вел театральный отдел. Рыбинского называют одним из основателей «Общества галлиполийцев». Он вместе с капитаном В.В.Ореховым, подпоручиком, профессором В.Х.Даватцем подал генералу А.П.Кутепову рапорт с предложением основать «Общество галлиполийцев».

По окончании Галлиполийского сидения Рыбинский попал в Болгарию, откуда в 1922 г. был выслан в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославию). В 1925 г. служил в чине штабс-капитана в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии [2, с. 377]. Активно участвовал в театральной жизни эмигрантов в Югославии: писал и ставил пьесы, как актёр играл в их театральных постановках. В 1940-х годах служил в Русском корпусе в Югославии. С 1945 г. по 1951 г. жил в Мюнхене. В 1951 г. переехал в Нью-Йорк. Писатель сотрудничал со множеством изданий Русского Зарубежья: «Россия и Славянство», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Часовой», «Казачий журнал» и др.

В эмиграции выходят сборник «Галлиполийские рассказы» (1926), «Лиза. Маленькая повесть» (1928), комедии «Наказанная добродетель» (1928), «Страшная эпидемия» (1928), «В Татьянин день: (Случай в «Эльдорадо»)» (1938), «Страшная эпидемия» (1953), уже в XXI веке были переизданы «Родство и чуждость: 1910-1941 годы: Лит. хроника» (1926, переиздан. 2003).

Также Рыбинский публикует статьи и очерки «Белград» (1932), «Памяти А.М.Петряева» (1933), «Генерал Кутепов: Железный генерал: Из воспоминаний об А.П.Кутепове» (1934), «Иммигранты в России 150 лет тому назад» (1952) и др.

В «Галлиполийских рассказах» (1926) Рыбинский не только подробно изображает Галлиполийское сидение с автобиографической точки зрения, но и заявляет о себе как о ярком, самобытном писателе русского зарубежья. Сборник включает три рассказа: «Семеро», «Весною», «Друг» и повесть «Володя». Все они объединены общей темой и образуют своеобразную автобиографическую тетралогию. Кроме того, поскольку между произведениями присутствует некая взаимосвязь, которая образует дополнительный смысл, можно рассматривать их как циклические. Цикл создает особый контекст, который позволяет ощущать связь между произведениями цикла и дает ощущение его целостности. Каждый последующий рассказ вытекает из предыдущего, но при этом имеет свой сюжет.

Главной чертой, объединяющей эти четыре произведения, является тоска по Родине. Герои в горестном томлении вздыхают: «Вне родины. Вне жизни значит...» [5, с. 17]. В сборнике преобладают мрачные тона: «серые камни», «густой туман», «липкая грязь» и постоянно моросящий дождь отражают внутреннее состояние героев. Лишь отдаленно звуки с минарета мечети напоминают русским офицерам колокольный звон и Россию. Вера для галлиполийцев – единственный спасительный маяк на чужбине, который нельзя потерять или продать. Лишь молитва в минуту отчаяния давала силы главному герою: «Дух же целомудрия, терпения, любви...» [5, с. 13].

Рассказ «Семеро» примечателен тем, что является частью авторских воспоминаний. Пролистывая свою старую записную книжку, Рыбинский заинтересовался одним из фрагментов и опубликовал его «Юбилейном Вестнике Гл. Правления Общества Галлиполийцев» под номером 11 в ноябре 1924г. [5, с. 3]. Этот эпизод лег в основу произведения, героями которого стали Глеб, Нефедин, братья Петровы, Иванов, Кузнецкий и рассказчик, от имени которого ведется повествование.

Действия, описываемые в «Семеро», происходят в землянке. Землянка – это проекция на типичное пристанище русских эмигрантов, оказавшихся на Галлиполи. Она символизирует могилу. Русские офицеры «мертвы» для России. В рассказе описание землянки действует угнетающе: «Серые камни, из которых она сложена, как губка впитывают темень, становятся черными. Тогда землянка – колодезь» [5, с. 3]. Важно отметить, что землянка построена из осколков мраморных плит храма времен «Древней Эллады». Мрамор – это уникальный камень, из благородной породы которого создавались произведения искусства и архитектурные сооружения. С помощью этой аллегории Рыбинский изображает белых офицеров, которые, как и осколки мрамора, уже не представляют былой ценности. А Эллада, когда-то великое государство, символизирует Российскую Империю, которая с приходом большевиков утратила былое величие. Герои рассказа пытаются соорудить для себя маленький мир, напоминающий родину. Но их попытки тщетны, нищета и столкновение культур препятствуют этому. Герои рассказа постоянно чувствуют холод, который дает ощущение присутствия не в своей тарелке. Они тоскуют по родине, но понимают, что России больше нет: «Галлиполи – колодезь, на дне которого томятся обреченные. Что же дальше?» [5, с. 5]. Этот вопрос терзает их каждый вечер.

Главные герои рассказа – это собирательный образ галлиполийцев. Среди них есть штабс-капитан, типичный интеллигент, переживающий об испорченной революцией карьере приват-доцента и не понимающий, для чего они находятся в Галлиполи, он постоянно говорит об этом. В ответ на его рассуждения вставляет язвительные замечания Нефедин – типичный циник, покоровшийся судьбе, он потерял все цели в жизни и просто плывет по

течению: «Боролись с рабочими, и сами рабочими стали. <...> Ирония судьбы. Оттого, что все время плыли по течению. Инициативы не было. <...> Теперь спасение – в личной инициативе...» [5, с. 6]. Другого мнения придерживаются Иванов с Кузнецким. Они видят необходимость в сплоченности в галлиполийском лагере и дальнейшем единстве на чужбине. Чаще всего такой тип людей находит свое предназначение, несмотря на различные преграды. В их лице показаны Рыбинским эмигранты, которые не сдаются, они продолжают верить, что смогут вернуться к привычной жизни даже вне родины. Менее всего заметными являются молчаливые братья Петровы, которые стараются держаться обособленно от других жителей землянки. Но при этом они также переживают свою личную драму.

Рассказ заканчивается сценой прощания в бухте, откуда уезжают в Бразилию на «огромном трехтрубном «Рионе»» Нефедин, Глеб и два брата Петровых в поисках лучшей жизни, подальше от войны. Примечательно, что прощание состоялось в страстной четверг во время дождя. Страстной четверг (Чистый четверг) в Православии – это день, когда человек может очистить свою душу от грехов. А дождь – это предвестник перемен, символ благодати и очищения. Сакральный смысл этого в том, что, уезжая, герои прощаются не только со старой жизнью, но и со старыми грехами.

Рассказ «Весною» словно продолжает предыдущий, показан огромный и мрачный «Рион», ожидающий пассажиров, и все также моросит «мелкий, противный дождь» [5, с. 9]. Происходящие события также представлены в серых красках: «Грязные улицы, грязное небо, грязное море...» [5, с. 9]. Даже церковь здесь окрашена в серый цвет: «В старенькой серой церкви много народа» [5, с. 9]. Рассказ разделен на две части. В первой писатель пересказывает отрывки разговоров русских эмигрантов, которые задаются вопросом: «Да и где она, настоящая Россия? Там, где под угрозой расстрела Интернационал поют?» [5, с. 11]. Тоска и бесконечные разговоры, где найти новый дом, в чем смысл Галлиполи и стоит ли ехать куда-либо за океан, «в какую-то далекую, неясную Бразилию...» [5, с. 13]. На протяжении всего рассказа главный герой повторяет одну и ту же молитву, она как фрагмент его прошлой жизни, единственное, что он не может продать или потерять: «Дух же целомудрия, терпения, любви...» [5, с. 13].

Во второй части рассказа вдруг жизнь героя приобретает яркие краски: «Ведь сегодня у нас в Москве...» [5, с. 14]. И никто из героев не решается произнести то, что в России сегодня празднуют Пасху. Даже в изгнании, все православные чтят это «Торжество из Торжеств» [1, с. 525].

Герои готовы отдать последнее, чтобы купить муки и испечь маленький кулич: «Ваничка, милый, я продам серьги и хоть маленький кулич сделаем...» [5, с. 15]. Словно верят, что после Светлого праздника Пасхи, придет Спаситель и их жизнь изменится. И лишь одно огорчает их: «Подумай только, какой день и где мы?» [5, с. 16]. Вместо пасхального звона они слышат призыв муллы, но даже он «как слабое далекое эхо русских церквей, больно отдается в сердце...» [5, с. 18]. Этот рассказ оканчивается вопросом, который одновременно является и центральной проблемой произведения: «Христос Воскрес... Воскреснешь ли ты, моя Россия?» [5, с. 18].

Рассказ «Друг» также имеет автобиографическую основу. Он посвящен В.Х.Даватцу, однопольчанину Рыбинского. В.Х.Даватц (1883-1944) – «подпоручик, активный участник Белого движения, галлиполиец, журналист, публицист, мемуарист» [4, с. 5, 6]. Вместе с Рыбинским и Ореховым являлся основателем «Общества галлиполийцев».

Произведение разделено на семь глав, но сюжетно можно разделить его на две главные части. Первая часть посвящена философскому разговору о дружбе, о возможности ее существования в Галлиполи. Полковник во время беседы с однопольчанами вспоминает историю о его невероятной дружбе с сенегальским солдатом. Во второй части повествование идет от лица полковника, он рассказывает о своей дружбе с «Сережей». Именем «Сережа» галлиполийцы называли всех сенегальских солдат, и «они охотно на него откликались» [5, с. 21]. Сенегальский корпус, являясь частью французских оккупационных сил в Турции, обеспечивал порядок в Галлиполи. Их лагерь дислоцировался неподалеку от русских эмигрантов.

Действие во второй части произведения происходит в темной землянке, в тесном замкнутом пространстве. И здесь, как и в предыдущих рассказах, преобладают безрадостные тона: «...Темнеющей водяной далью, из-за серых развалин Галлиполи...» [5, с. 21], «надвигалась черная южная ночь, и акварели дальнего берега заливались густым чернилом» [5, с. 23]. Главный герой знакомится с сенегальским стрелком французского оккупационного корпуса, и у них завязываются теплые дружественные отношения. Несмотря на языковой барьер и разные культуры, вероисповедание, им удается не просто осуществлять коммуникацию, но и стать близкими друзьями. В общении они касались различных тем: от семьи и путешествий до политики: «От меня Сережа узнал, что большевики – самое плохое, что существует в мире: хуже бедуинов, которые грабят сенегальские деревни» [5, с. 25]. И лишь снег как явление не смог понять, привыкший к жаркому климату, товарищ полковника.

Но их дружба вскоре «прервалась вынужденной разлукой», примечательно, что, когда настала пора расставаться, «наступил период осенних дождей» [5, с. 28], что является символом грусти героев из-за принудительного прощания. Согласно русской традиции осень – это подведение итогов. Сережа уехал в Сенегал, а полковник до сих пор задается вопросом: «Ну скажите, не прав ли я: ведь эта неожиданная русско-негритянская дружба чего-нибудь стоит...» [5, с. 29].

Последней в тетралогии является повесть под названием «Володя». Она состоит из девяти частей и является самой большой в сборнике. Отличительной чертой произведения можно назвать преобладание светлых тонов над темными («на белых гимнастерках цветные ленточки своих полков»), а также исчезают описания сырых и холодных землянок. Вместо этого Рыбинский показывает яркий колорит старой Турции («к запаху табака прибавился ароматный запах кофе, и от этого стало еще уютней»). Главный герой Сергей Васильевич, отставной военный, живет в доме уважаемой Хафыз-ханум, что в переводе означает «хранительница святого Корана» [5, с. 32]. В повести она олицетворяет саму Турцию.

Муж Хафыз-ханум погиб на войне, оставив ей прекрасную дочь Хатидже. Хатидже (Хатиджа, Хадижа) – «первая и единственная жена пророка Мухаммеда» [3, с. 190], которая являлась вдовой до того, как вошла в дом Мухаммеда. Одно из значений имени Хатидже означает «выкинутая» [3, с. 190], что отражается в судьбе героини. В доме Хафыз-ханум часто собираются русские эмигранты и обсуждают судьбу России, Галлиполи и свою собственную судьбу. Они представляют собирательный образ участников Галлиполийского сидения: одними из них являются профессор Дорн – типичный интеллигент (прообраз – В.Х. Даватц), актриса Флерова, страдающая без сцены, но не желающая предать свои идеалы и журналист Червяков, любитель ярких заголовков. В один из дней, в доме появляется «миловидный юноша в форме вольноопределяющегося» – Володя [5, с. 35].

Во всех произведениях сборника, помимо прочих, герои постоянно задают вопрос: что есть Галлиполи? Но никто не может найти на него ответ. Четвертое произведение, завершающее тетралогия, дает ответ на этот вопрос устами юноши по имени Володя, немудреного жизненным опытом: «Галлиполи, это – жизнь» [5, с. 76].

Еще одной важной особенностью четвертого произведения является наличие любовной линии. Володя влюбляется в Хатидже почти сразу: «Как только Володя услышал имя Хатидже, он побледнел» [5, с. 35]. Женщина была замужем, но брак был несчастлив. С разрешения муфтия, она развелась и уступила ухаживаниям Володи. Но с наступлением осени, пришла очередь Володи уезжать, вместе с этим померкли краски в произведении: «И только утром, когда грязное молоко тумана за окном стало сереть, – заплакала Хатидже» [5, с. 82]. Володя уехал, но дал обещание вернуться. Хатидже отпустила его, обещая ждать пять лет: «Ты – воин, и идти тебе надобно туда, куда зовет тебя твой долг. Иди, но знай, что я жду тебя и буду ждать пять лет...» [5, с. 82]. Финал повести символично остается открытым.

Таким образом, можно утверждать, что все «Галлиполийские рассказы» Рыбинского не только тематически связаны между собой, имеют общую автобиографическую основу, но и обладают образно-сюжетным единством, что позволяет говорить о возможности

рассмотрения произведений как единый цикл. Полуостров Галлиполи, ставший пристанищем для русских воинов-эмигрантов, выступает символом их тяжелых испытаний на Чужбине. В рассказах доминирующими являются мотивы веры, тоски по Родине, замкнутого пространства, из которого невозможно возвращение в Россию.

Список литературы

1. Богослужения Страстной Седмицы и Пасхи. Слово 45 Григория Богослова на святую Пасху. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2017. – 560 с.
2. Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса.– М.: Рейтар, «Форма-Т», 2009. – 528 с.
3. Гафуров А.Г. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. – М.: Наука, 1987. – 215 с.
4. Даватиц В.Х. На Москву.– Париж: Типография Рирарховского, 1921. – 116 с.
5. Рыбинский Н.З. Галлиполийские рассказы.– Белград: Русская типография, 1926. – 85 с.

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

О.В. Игнатьева канд. педагог. наук

Ульяновский государственный университет,
факультет культуры и искусства,
кафедра журналистики, филологии, документоведения и библиотековедения,
Ульяновск, olesjazidkova@rambler.ru

**ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТАХ
КАК ФАКТОР НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЧЕВУЮ КУЛЬТУРУ СОЦИУМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Статья посвящена изучению феноменологии речевой медиаагрессии. Дана оценка агрессивному медиаповедению как нарушающему общепринятые этико-речевые нормы, приводящему к деструкции в коммуникативном взаимодействии СМИ и их адресата. Продемонстрированы результаты лингводиagnостики вербальной агрессии в дискурсе средств массовой информации (на примере печатных изданий Ульяновской области).

Ключевые слова: *агрессивное медиаповедение, феноменология вербальной медиаагрессии, этико-речевая норма, журналистский текст.*

Средства массовой информации являются одним из наиболее авторитетных социальных институтов, деятельность которых направлена на просвещение, ориентацию, адаптацию аудитории ко всему, что происходит в окружающей действительности. Способность СМИ эффективно воздействовать на коллективное и индивидуальное сознание ставит их в ранг лидера общественного мнения. Оказывая каждодневное влияние на все сферы жизнедеятельности человека, журналистика использует в своем профессиональном арсенале особый медиаязык, формирующий систему мыслительных, поведенческих и речевых установок потребителя массово-информационной продукции. В процессе сбора необходимых сведений, работы с ньюсмейкерами журналисты получают возможность выявлять языковые новации и впоследствии ретранслировать их, пополняя тем самым активный лексикон собственной аудитории. Так язык СМИ, встраиваясь в обиход регулярного использования человеком в повседневной жизни, трансформирует его языковое сознание и речевую культуру. Однако последствия этих трансформаций не всегда оказываются положительными.

Если в советское время редакционные работники преимущественно следовали правилам грамотного речевого поведения, а печатное слово обогащало используемый язык, то сейчас мы можем наблюдать и обратную ситуацию. Условия рыночной экономики и диктат рейтингов усиливают стремление многих современных СМИ быть ближе к народу и использовать в медиадискурсе упрощенную и даже сниженную лексику. Подобное «заигрывание» с аудиторией меняет приоритетные требования отдельных редакций к профессиональным коммуникаторам: некогда обязательная грамотная речь все больше уступает место умению говорить раскованно. И раскованность эта порой выходит за границы этического коридора. Повсеместное употребление журналистами слов-паразитов, просторечий, диалектизмов, жаргонизмов, инвективной лексики обедняет публичную речь, делает ее похожей на бытовую. Освобождение от ограничений, демократизация публицистического стиля приводит к тому, что информативность подменяется сенсационностью, российский медиадискурс наполняется материалами с выраженной оценочностью, авторской экспрессией, а язык публикаций используется в качестве инструмента выражения эмоций, в том числе отрицательных. Речевое поведение

журналистов становится все более безапелляционным, нетерпимым, агрессивным по отношению к предмету разговора в тексте. Так в медиасреду проникает явление под названием «речевая агрессия».

Под вербальной (или речевой) агрессией понимают одну из форм речевого поведения человека, которая проявляется в сознательном стремлении дискредитировать другое лицо, группу или общество в целом.

Формы речевой агрессии можно классифицировать по разным основаниям. Так, по способу выражения различают эксплицитную (открытое внушение адресату определенной позиции) и имплицитную (скрытое, неочевидное навязывание идеи) агрессию. По психологическому типу воздействия вербальная агрессия подразделяется на активную прямую (команды в повелительном наклонении, требующие незамедлительного подчинения) и непрямую (дезинформация), а также на пассивную прямую (намеренное прекращение диалога с целью провокации адресата) и непрямую (отсутствие объяснения слов или поступков) агрессию. Кроме того, выделяют осознанную (целенаправленная провокация адресата с намерением оскорбить) и неосознанную (провокация адресата с желанием самоутверждения или самозащиты), сильную (бранные, ругательные высказывания в сторону адресата) и слабую (выражение отношения к адресату в форме сатирического замечания) виды речевой агрессии [1].

Агрессивное поведение в средствах массовой информации преследует самые разные цели – от привлечения внимания к проблеме, высмеивания ситуации, эпатаживания публики до клеветничества, манипулирования общественным сознанием и даже трансформации устоев общественной нравственности. Направленная на кого-то речевая медиаагрессия может носить характер провокации, последствия которой способны причинить адресату ощутимый моральный вред.

Ввиду своего деструктивного воздействия на индивидуальное и массовое сознание вербальная агрессия относится к серьезным нарушениям этико-речевых норм. Ученый А.П. Сковородников этико-речевой нормой называет «совокупность частных правил (отправных положений, установок) в форме советов, рекомендаций, предписаний положительной модальности, а также в форме предубеждений, предостережений, запретов (табу), выполнение которых обеспечивает продуцирование речи, обладающей качеством ценности (блага) для всех участников коммуникации» [2, с. 2]. Этико-речевая норма, воспринимаемая как свод правил социально разумного вербального поведения, коррелирует с понятием этико-речевой компетенции, или языкового этикета.

Нами было инициировано и реализовано исследование по выявлению в журналистских текстах речевых импликаций, содержащих негативную коннотацию и агрессивный подтекст. Эмпирическую базу исследования составили материалы публицистического (нерекламного) характера таких общественно-политических газет Ульяновской области, как «Народная газета», «Ульяновская правда», «Симбирский курьер», 566 номеров которых вышли в свет с 01 января 2016 г. по 30 апреля 2019 г. (сорок календарных месяцев).

На первом этапе эксперимента использовался частотный анализ, по итогам которого средства речевой агрессии были обнаружены в 6 номерах «Народной газеты», 11 номерах «Ульяновской Правды» и 53 номерах «Симбирского курьера». На втором этапе проводилось контент-аналитическое исследование, по результатам которого выявленные средства выражения речевой агрессии были типологизированы и ранжированы следующим образом: «просторечия и разговорные слова», 18,55 % («затарится», «Государство "затарится" маслом и сухим молоком», «Ульяновская правда», № 4 от 19 января 2016 г.); «инвективы», 12,36 % («людишек», «Людишек властям не жалко», «Симбирский курьер», № 33 от 11 мая 2016 г.); «ирония», 11,27 % («Как быстро протрезвели!», «Симбирский курьер», № 47 от 06 июля 2018 г.); «сравнения и метафоры», 9,45 % («акула капитализма», «Решено: это будет балаган», «Симбирский курьер», № 81 от 25 ноября 2017 г.); «номинации по роду деятельности», 8,73 % («коммерсантша», «Поначалу мы и сами так думали», «Симбирский курьер», № 2 от 11 января 2017 г.); «сниженная лексика», 8 % («дурят нас что ли?»),

«Градус любит счет», «Народная газета», № 9 от 27 февраля 2019 г.); «тенденциозная негативная информация», 6,18 % («*политическая шизофрения*», «Все ближе к пропасти», «Симбирский курьер», № 39 от 31 мая 2017 г.); «оценочные слова», 5,09 % («*дикие преступления*», «Каннибалы, коррупционеры и «телезвёзды», «Народная газета», № 2 от 10 января 2018 г.); «обценная, ругательная лексика», 4 % («*непроходимой тупостью*», «Запанибрата с Микеланджело», «Симбирский курьер», № 5 от 20 июля 2018 г.); «жаргонная лексика», 3,64 % («*пофигизм*», «Время забвения или пофигизм», «Симбирский курьер», № 49 от 13 июля 2018 г.); «языковая игра», 3,64 % («*Как это не работает*», «Бесполезные споры с УК», «Ульяновская правда», № 3 от 15 января 2016 г.); «неологизмы», 2,91% («*неэффективка*», «Увы, за «неэффективку» до сих пор не наказывают», «Ульяновская правда», № 10 от 10 февраля 2017 г.); «фразеологизмы», 2,18 % («*лиха беда начало*», «Волга» лиха беда начало... Восточные команды страны подтвердили заметное превосходство над западом», «Ульяновская правда», № 3 от 17 января 2017 г.); «интертекст», 1,82 % («*Помните, как в комедии «Ирония судьбы, или С легким паром» Ипполит оговорился и вместо «обогрели» сказал «обобрали»?*», «Градус любит счет», «Народная газета», № 9 от 27 февраля 2019 г.); «словообразовательные конструкты», 1,45 % («*шоуменничал*», «Трампа ждут как второго пришествия», «Симбирский курьер», № 4 от 18 января 2017 г.); «зоосемантические метафоры», 0,36% («*скотская жизнь*», «Жандарм на галерах», «Симбирский курьер», № 100 от 29 декабря 2017 г.); «иноязычная лексика», 0,36 % («*American dream*», «American dream – это жизнь в долг», «Ульяновская правда», № 8 от 03 февраля 2017 г.).

Проведенный анализ продемонстрировал единичные случаи использования в печатных СМИ Ульяновской области речевых импликатур с деструктивной семантикой.

Системное изучение феномена речевой агрессии, механизмов ее воздействия может способствовать идентификации агрессивных инвектив и сокращению употребления в медиатекстах негативных речевых средств, которые приводят к разрушительным последствиям как для современной медиасистемы, так и для общества в целом.

Список литературы

1. Сидорова Е.Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 319. – Режим доступа: - <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnaya-agressiya-kak-kommunikativno-pragmaticheskoye-yavlenie> (дата обращения: 21.01.2020).
2. Сковородников А.П. О содержании понятия «Этико-речевая компетенция» // Мир русского слова. – 2012. – № 4. – С. 2.

10.01.10

О.В. Игнатьева канд. педагог. наук

Ульяновский государственный университет,
факультет культуры и искусства,
кафедра журналистики, филологии, документоведения и библиотековедения,
Ульяновск, olesjazidkova@rambler.ru

СПОРТ КАК ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В работе нашли отражение результаты изучения структурно-функциональных особенностей отечественной спортивной прессы. Определены социальные доминанты спортивной журналистики. Дана оценка спорту как социокультурному феномену. На основании результатов контент-аналитического исследования материалов газет «Советский спорт» и «Спорт-Экспресс» выявлена специфика представления спортивного контента в печатной периодике России.

Ключевые слова: *концепт «спорт», спортивный контент, спортивная журналистика.*

Спорт является важным элементом жизнедеятельности социума, связанным с повсеместной реализацией принципов здорового образа жизни, пропагандой активного отдыха, формированием целостной системы физической культуры. Спорт носит общественно-полезный, созидательный характер, поскольку наряду с развитием физических возможностей людей вырабатывает волю, воспитывает моральные, духовные качества.

Концепт «спорт» может раскрываться через призму понятийного, образного и ценностного компонентов. Так, О.А. Панкратова определяет спорт, как «физически активную деятельность (понятийная составляющая), которая помогает людям стать сильными и здоровыми (образная), что необходимо для полноценной жизни (ценностная)» [1, с. 71-72]. И если понятийная и образная составляющие стремятся в целом к реализации идентичных идей, то, в отличие от них, ценностный компонент является менее однозначным, так как набор принципиально значимых спортивных ценностей является уникальным для каждого. Однако в независимости от того, главные или второстепенные позиции в жизни отдельно взятого человека занимает спорт, трудно переоценить его значимость для социальной системы в целом. Являясь фактором влияния на ценностные ориентиры людей, участвуя в интеграционных процессах, укрепляя межнациональное и межгосударственное сотрудничество, спорт оказывает комплексное воздействие на общественные отношения.

Спорт сегодня предстает как социокультурный феномен, который реализует в обществе целый ряд значимых функциональных задач. Благодаря своеобразной ритуализации спортивных действий, созданию ситуаций, вызывающих чувство коллективизма, товарищества, общности, контролю над напряжениями и внутренними конфликтами спорт помогает человеку сохранить социально-психическую стабильность. Командные состязания разного уровня способствуют расширению интеграционных возможностей спорта, создают чувство национальной идентификации. Социализирующее начало в спорте реализуется посредством погружения человека в выработанную определенной культурой систему представлений, формирующих его мыслительные, поведенческие установки, развивающих личностные качества. Таким образом, среди имманентных спорту основополагающих функций исследователь К. Л. Стивенсон выделил социоэмоциональную, интегративную, политическую, а также функции социализации и социальной мобильности [3, с. 58-65].

Эффективность спортивной деятельности во многом зависит от степени ее открытости. И главную роль в обеспечении активного взаимодействия между всеми субъектами спортивной деятельности играет журналистика. Производство и распространение информации

предполагает участие широкого круга представителей спортивной сферы деятельности, в том числе профессиональных спортсменов, руководителей спортивных организаций, тренеров, представителей любительского спорта и других лиц.

В сегменте отечественной спортивной прессы представлены несколько групп изданий, различающихся по аудиторному признаку и характеру передаваемой информации. Это общетраслевые универсальные издания, отражающие все сферы спортивной жизни; специализированные на освещении отдельной спортивной темы газеты и журналы; досуговые; рекламно-справочные, а также научно-практические и методические СМИ.

В целях определения специфики представления спортивного контента в общетраслевых печатных изданиях, посвященных спорту, нами было инициировано и реализовано исследование, направленное на выявление проблемно-тематического, жанрового, иллюстративного их наполнения. Эмпирическую базу составили материалы публицистического характера ведущих спортивных изданий России – «Советский спорт» (периодичность – 5 раз в неделю) и «Спорт-Экспресс» (периодичность – 6 раз в неделю), номера которых вышли в свет с 01 по 31 мая 2019 г. В общей сложности нами были проанализированы 731 материал и 1198 газетных иллюстраций.

На первом этапе эксперимента проводился частотный анализ, по результатам которого в каждом номере анализируемых изданий были выявлены смысловые единицы по следующим категориям: «тематическое наполнение», «жанровое наполнение», «иллюстративное наполнение». Нами использовались кодификаторы для анализа печати и иллюстраций в прессе, предложенные исследователем Л.Г. Свитич [2, с. 306-312].

На втором этапе в ходе контент-анализа определялась принадлежность каждой выявленной в газетах смысловой единицы к определенному типу. В категории «тематическое наполнение» за отдельную кодовую единицу принимались представленные в кодификаторе виды спорта («футбол», «хоккей», «волейбол» и др.); в категории «жанровое наполнение» применялось классическое деление на информационные («событийная информация, хроника», «репортаж» и др.), аналитические («аналитическая статья», «обозрение» и др.) и художественно-публицистические («очерк, портретная зарисовка» и др.) жанры; в категории «иллюстративное наполнение» смысловые единицы проходили дополнительную кодировку по основаниям «тип», «жанр», «цвет» иллюстрации, «объект» изображения.

В результате проведенного контент-аналитического исследования выяснилось, что чаще всего в газете «Спорт-Экспресс» встречаются журналистские тексты, касающиеся темы «футбол» (49,2 %) и «хоккей» (26,2 %). В издании «Советский спорт» ситуация сложилась аналогично – тематика большинства материалов посвящена футболу (56,9 %) и хоккею (20,5 %), равные позиции заняли «баскетбол» (6,7 %) и «теннис» (6,7 %). Реже в газете публикуются материалы, посвященные «автоспорту» (2,5 %), «смешанным единоборствам» (2,1 %), «шахматам» (1,2 %), «биатлону» (0,9 %), «фигурному катанию» (0,9 %), «художественной гимнастике» (0,4 %).

Наиболее распространенными в газете «Спорт-Экспресс» оказались информационные жанры, которые представлены в 265 материалах (24,4 % от общего числа материалов). Лидером в категории «жанровое наполнение» стала «диаграмма / схема / статистика» (49,8 %); далее следуют «событийная информация, хроника», 119 единиц (10,9 %), «интервью, диалог, беседа», 131 единица (12,1 %) и «репортаж», 15 единиц (1,4 %). В газете широко представлены аналитические жанры – «обозрение» (18 %) и «аналитическая статья» (2,5 %), которые фигурируют в 222 материалах.

В газете «Советский спорт» информационные жанры преобладают – 146 материалов (23,3 %). Аналитические жанры представлены в издании в 92 публикациях, к примеру, это «обозрение» (13,7 %) и «аналитическая статья» (0,9 %).

Что касается иллюстративного наполнения, то в газете «Спорт-Экспресс» часто применяется изображение к тексту (91,5 %), редко – «самостоятельная иллюстрация» (0,9 %). 7,6 % приходится на визуальную рекламу, которая публикуется в каждом номере и может

занимать как фрагмент полосы, так и отдельную полосу. Газета «Спорт-Экспресс» – полноцветное издание, поэтому большая часть изображений – цветные (98,5 %), в черно-белом варианте представлены лишь 9 единиц (1,5 %). Основной жанр представленных в газете иллюстраций – «фоторепортаж» (69,5 %), на втором месте рейтинга находится «фотопортрет» (14,7 %). В газете «Спорт-Экспресс» для наглядного представления расстановки игроков на матче или карты проезда гоночной трассы используется жанр «схема / диаграмма / инфографика» (10,4 %). В издании на фотографиях преимущественно запечатлевают людей, степень известности которых составляет 97,8 % (тренеры, заслуженные спортсмены, эксперты). В качестве объектов изображения чаще фигурируют мужчины (90,7 %). Возраст объектов чаще подпадает под категорию «молодежь» (36,5 %). Высокий процент иллюстраций представлен динамичными изображениями героев (81,8 %).

В издании «Советский спорт» доминирующими оказались иллюстрации к тексту (91,3 %). Самостоятельная иллюстрация составляет всего 5,9 %. Рекламные иллюстрации занимают всего 2,8 %. Газета «Советский спорт» не является полноцветным изданием, а значит 100 % иллюстраций в ней – черно-белые. Основные жанры иллюстраций – «фоторепортаж» (57,5 %), «фотопортрет» (31,8 %). Объектом изображения в газете преимущественно являются мужчины (90 %). Возрастная категория объектов – «молодежь» (59,7 %), «люди разного возраста» (22,9 %). Динамичные изображения героев встречаются в 68,7 % случаев.

В результате исследования, проведенного нами на материале газет «Советский спорт» и «Спорт-Экспресс», удалось определить специфику представления спортивного контента в отечественной печатной периодике, выявить ее структурные и функциональные особенности. Анонсируя, транслируя и анализируя спортивные события, периодические издания выступают в качестве посредника между спортом и всей заинтересованной общественностью. Однако в круг задач спортивной прессы входит не только информирование, но и формирование общественного мнения аудитории, создание привлекательного образа спортивной деятельности.

Список литературы

1. Панкратова О.А. Спортивная журналистика – инструмент реализации ценностей концептосферы «спорт» // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации. – М.: Изд-во МГУ; МедиаМир, 2012. – С.71-72.
2. Свитиш Л.Г. Социология журналистики (Методология, методы, направления и результаты исследований). – М.: ВК, 2010. – С. 306-312.
3. Стивенсон К.Л. Спорт как современный социальный феномен: функциональный подход // Спорт и образ жизни: сб. статей. – М.: ФиС, 1979. – С. 58-65.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Аль-хадитхи Басим Хашиа Абдулраззак

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
кафедра русского языка

**ПРАГМАТИКА ОБРАЩЕНИЙ РЯДА МАТЬ, МАМА, МАМ...
В ЖИВОЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ**

В статье рассматривается структура и прагматическая семантика имен родства открытого лексического ряда: мать, мама, мам, ма, мамаша, маманя, мамуся, мамусенька, мамулечка, мамусик, мамусичек, маман, мамочка, матушка, маменька, мамка, мамк... Выделяется 5 основных прагматических зон семантики обращений: временная, возрастная, социальная, гендерная и культурно-языковая. Отмечается, что прагматической семантики обращений важен как при обучении русских, так и иностранных студентов.

Ключевые слова: лексическая семантика, прагматика, термина родства, обращение.

Прагматика русских обращений в последнее время стала предметом целого ряда исследований лингвистов: [см., в частности: 1, 2, 3, 4, 6, 7].

В настоящей статье рассматривается структура и прагматическая семантика имен родства открытого лексического ряда: *мать, мама, мам, ма, мамаша, маманя, мамуся, мамусенька, мамулечка, мамусик, маман, мамочка, матушка, маменька, мам, а мам...*

В реальном общении могут быть отмечены и окказиональные обращения: *мамчик, мамун* и др.

Такого рода знания особенно важны для иностранцев, изучающих русский язык.

Как отмечает Д.О. Добровольский: «Временная, социальная и возрастная отмеченность разговорных обращений еще недостаточно изучена и практически не фиксируется словарями». [1: 1].

К прагматическим основаниям семантики обращений Д.О. Добровольского добавим гендерную и культурно-языковую компетенции говорящего. Получается 5 основных прагматических зон семантики обращений: временная, возрастная, социальная, гендерная и культурно-языковая. То, что словари в словарную статью помещают недостаточное количество прагматической информации, хотя тенденция расширения таких сведений в словарях очевидна, можно видеть на следующих примерах:

Шведова 2011: *Мать*. 4. Обращение к пожилой женщине или к жене как к матери своих детей (прост).

ТСРРР 2017: *Мать*. 1. Обращение к незнакомой (обычно немолодой) женщине (сниж., фам.). Суп: *дама, мадам* (во 2 знач.), *маманя, мамаша* (во 2 знач.), *матушка* (во 2 знач.).

2. Обращение мужа к жене во внутрисемейном общении (фам.).

3. Обращение к подруге (фам.).

В целом анализ словарных статей словарей позволяет отметить следующее:

а) в ТСРРР 2017 значительно выросла прагматическая информация ряда рассматриваемых имен родства и введена прагматическая зона PRAGM (хотя и непоследовательно в разных отношениях):

Мама. Обращение к матери ребенка.

PRAGM: Подобное обращение часто используется в официальных учреждениях (поликлиниках, детских садах и т.п.) в качестве более вежливого, более неформального (с точки зрения говорящего) обращения, чем *женщина*.

Примечание. Обращение *мама* в отношении к собственной матери в словаре не дано.

Мамаша. 1. Мать.

Мамаша. STYL: шутл. (в качестве обращения)...

PRAGM: обращение *мамаша* с уважительно-ласковым оттенком уже не характерно для современной городской речи.

Примечание. Обращение к матери не дано как отдельное значение.

2. Обращение к незнакомой пожилой женщине.

PRAGM: характерно для речи мужчин.

3. Обращение к матери ребенка.

PRAGM: подобное обращение часто используется в официальных учреждениях (поликлиниках, детских садах и т.п.) в качестве вежливого, неформального именованного.

б) словари потеряли *мать* 'обращение к собственной матери';

в) частотные модифицированные формы обращений к собственной матери *мам, мам, а мам, ма...* в отмеченных словарях не приведены.

Сравни в Национальном корпусе русского языка:

- Сел перед нами и... улыбнулся! "*Мам!* — Сын схватил меня

за руку. — Смотри, какие белые зубы! [Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даша», 2004].

- Инга отвела лохматого любимца в машину, посадила на заднее сиденье. - *Мам, а мам,* — тянет за рукав Ксения, — а когда мы пойдем домой? — Нет у нас больше дома, милая. Погорельцы еще долго сидели напротив подъезда. [Александр БОЙКО. Бывший детдомовец спас четырехлетнюю Ксюшу // Комсомольская правда, 2004.08.05]

- Говорила, говорит! — зычно воскликнул он, возмущенно махнув на ходу бутылкой.

- *Ма,* что ты гонишь? Опять под клавишу косишь? Может, у тебя критические дни?! [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

г) в словарях не отмечено, что обращение *мать* к незнакомой женщине или к подруге не допускает модифицированных форм;

д) *Мамка*. 1. *Мать*.

Словарь не отмечает, что у слова *мамка* может быть форма *мамк*.

- Картошек вареных возьмите. — *Мамк*, ты денег не бери! - заторопился Санька.- Слышь? [Эдуард Шим. Ребята с нашего двора (1976)].

Маменька. В словаре не отмечено. Между тем оно было активным в мещанских и купеческих семьях, и даже в деревне XIX в. Выражало почтительное отношение детей (чаще взрослых) к матери.

Оно достаточно частотно в художественных текстах.

Сравни в Национальном корпусе русского языка:

- Это всегда приятно. В "Правде хорошо, а счастье лучше" есть реплика одного из героев: "Не мешай, *маменька*, фантазия разыгрывается".

Если говорить о стилевом, жанровом решении спектакля, то это разыгравшаяся фантазия. - А актёры на репетициях сами тоже что-то придумывали? [Ольга Романцова. Сергей Женовач: «Театр не может быть индивидуальным» // «Известия», 2003.01.30].

- На улице угасающее лето никак не хотело выглядеть осенью, будто человек пенсионного возраста, не желающий уходить на "заслуженный отдых" и из последних сил молодящийся. В любимых мною романах прошлого века матерей часто называли на "вы": "Вы, *маменька*..." "В этом не было ничего противоестественного: у каждого времени своя мода на платья, причёски и манеры общения. В деревнях, я знала, матерей называют так и поныне: там трудней расстаться с обычаями. Но в городе это "вы" всегда казалось мне несовместимостью с веком, о чуждённостью, выдававшей себя за почтительность и деликатность. [Анатолий Алексин. Раздел имущества (1979)].

Сейчас еще были страдания, была борьба — и вдруг что-то напряглось, порвалось, раздался какойто неповторяемый, непередаваемый крик, и перед нами нет человека — человек раздавлен. Человека доби́ли - и вот оно, это страшное, перекосившееся, застывшее, точно каменное лицо и безучастные, холодные, как лоб мертвеца, страшные по смыслу, по

совершенно бесстрастному тону, слова: «*Маменька*, что вы со мной сделали?» Ни одной роли Стрепетова не проводила выдержанно от начала до конца. В ее исполнении были всегда страшные подъемы, крутизны, и зияли пропасти». [Л. Е. Остроумов. Мастера русской сцены. П. А. Стрепетова (1939.01.04) // «Советское искусство». № 2 (582), 1939].

Наконец, отметим употребление *мама*, сохраняющееся преимущественно в деревне по отношению к теще и к свекрови.

Сравни строки из популярной песни в 1980 годы:

Подруги замужем давно,

А я о принце всё мечтаю.

Его я видела в кино,

А в жизни как найти - не знаю.

Чтоб не пил, не курил,

И цветы всегда дарил.

В дом зарплату отдавал,

Тёщу *мамой* называл. (Автор неизвестен)

Оно выражает почтительное отношение зятя и невестки к теще или свекрови соответственно. Явление уходящее, любопытно тем, что оно, как правило, вызывает неприятия у молодых членов семьи - зятя и невестки, которые противятся патриархальным канонам семейного уклада.

Выводы. Прагматика обращения ряда *мать*...очень многослойна. Мы рассмотрели 5 основных прагматических зон семантики обращений: временную, возрастную, социальную, гендерную и культурно-языковую. Учет прагматической семантики обращений важен как при обучении русских, так и иностранных студентов.

Список литературы

1. Добровольский Д.О. Русские разговорные обращения: к динамике узуса. Эл. ресурс: <https://www.lexrus.ru/inout/12-04-12041/4.pdf>
2. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008, - 232 с.
3. Левонтина И.Б. Русский со словарем. - М.: Азбуковник, 2010. - 335 с.
4. ТСРРР: Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2: К-О / Авторы-составители: М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова, А.В. Занадворова, Е.В. Какорина, Л.П. Крысин, И.В. Нечаева, Е.А. Никишина, А.Р. Пестова, Н.Н. Розанова, Р.И. Розина, О.А. Шарыкина; отв. ред. Л.П. Крысин. - М.: Издательский дом ЯСК, 2017. - 804 с.
5. Шведова 2011: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов /РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. - М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». - 1175 с.
6. Янко Т.Е. Разрешите обратиться! // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2007 и 2008 / Ред.-сост. Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева. — М.: МЦНМО, 2009. — 440 с. С. 345-347.
7. Янко Т.Е. Вокативные стратегии русской речи // Речевая коммуникация в современной России: материалы I Международной конференции (Омск, 27-29 апреля 2009). Омск, 2009. С. 425-432.

10.02.01

**Л.У. Бикмаева канд. филол. наук, Е.А. Петрова д-р филол. наук,
И.И. Файзуллина канд. филол. наук**

Уфимский юридический институт МВД России,
кафедра иностранных и русского языков,
Уфа, bikmaevaliliya@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЛЕКЦИОННОГО ЗАНЯТИЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК
В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ»**

В статье рассматривается методика проведения лекционного занятия не только с позиции системно-структурного подхода, но и в коммуникативно-прагматическом аспекте. Цель исследования – разработка коммуникативно-прагматических и теоретических основ построения системы профессионально-ориентированного преподавания речевой деятельности и определение оптимальных путей ее реализации.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматический аспект лекционного занятия, культура речи, языковая компетенция, функциональные стили речи.

В образовательных организациях МВД России развитие навыков устной и письменной профессионально-ориентированной коммуникации является частью процесса улучшения профессиональной речевой культуры обучающихся. Формирование умения грамотного использования языковых средств достигается в процессе изучения дисциплины «Русский язык в деловой документации». Небольшое количество часов, выделенное на ее освоение, предполагает необходимость тщательной, чёткой разработки преподавателем каждого лекционного занятия, раскрывающего фундаментальные теоретические основы предмета и последние научные данные. По мнению Л. У. Бикмаевой [3, с. 280], все материалы лекции должны акцентировать внимание обучающихся на ключевых для восприятия моментов в форме, удобной для дидактических целей, и призваны облегчить усвоение соответствующей информации.

Актуальность данной статьи, таким образом, заключается в необходимости исследования коммуникативно-прагматического аспекта лекционного занятия в процессе реализации профессионально-ориентированного обучения и в разработке соответствующих рекомендаций, способствующих эффективной языковой подготовке будущих сотрудников органов внутренних дел.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые методы и приемы преподавания лекционного занятия рассматриваются не только с позиции системно-структурного подхода, но и в коммуникативно-прагматическом аспекте. При таком подходе лекционное занятие представляет собой форму передачи языковой информации, при которой созданный текст приобретает определенный прагматический потенциал, т.е. возможность произвести некоторый коммуникативный эффект на обучающихся.

Под коммуникативно-прагматическим аспектом подразумевается передача языковой информации, при которой созданный текст приобретает определенный прагматический потенциал, т.е. возможность произвести некоторый коммуникативный эффект на обучающегося [4, 126].

В качестве особой сферы деятельности сотрудников ОВД выступает языковая компетенция. Зависимость общественного мнения о степени общей и профессиональной культуры сотрудников ОВД, личного авторитета каждого из них, и, как следствие, представляемого сотрудниками авторитета государственного органа проявляется в соблюдении языковых норм, адекватности отражения содержания имеющейся информации, верного использования слов и терминов, а также формулировки некоторых фраз и предложений.

Основы профессиональных умений и навыков, в первую очередь, формируются на лекционных занятиях, главным аспектом которых является коммуникативно-прагматический принцип связи обучения с жизнью, теории с практикой. Специалисту-юристу необходимо постоянно совершенствовать свои профессиональные знания в области юриспруденции, а также уметь правильно излагать свои мысли. Поэтому обучающиеся должны знать особенности различных стилей речи и использовать каждый из них в соответствующих ситуациях общения.

Ввиду обновления содержания высшего образования, технологий обучения, форм организаций учебной деятельности следует обеспечить образовательный процесс методической литературой, в связи с чем мы осуществили разработку методических рекомендаций, предусматривающих проведение занятий по форме лекций, содержание которых направлено на повышение общей речевой культуры обучающихся и развитие навыков устной и письменной речи.

В первом разделе представлены рекомендации к лекционному занятию по теме «Культура речи сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», содержащему понятия языковая норма и ее виды, культура речи сотрудников ОВД, нормативный, коммуникативный, этический аспекты. Разъяснения основных орфоэпических, акцентологических, орфографических, лексических, морфологических, синтаксических и пунктуационных норм русского языка даны применительно к практике работы в юридической сфере.

Во втором разделе даются рекомендации по проведению лекционного занятия по теме «Стилевая система современного русского языка», в котором представлены основные функциональные стили современного русского литературного языка и их характеристика, особое внимание уделяется официально-деловому стилю речи.

В разработанных методических рекомендациях представлены инновационные методы и приемы, формирующие коммуникативно-прагматические аспекты проведения лекционных занятий. В пределах существующей методики для закрепления изученного теоретического материала осуществляется использование мультимедиа-презентаций в виде опорного конспекта занятия, включающего демонстрацию слайдов. Например, за счет возможности поэтапного продвижения к обозначенной цели в результате использования видеоматериалов различной тематики можно использовать просмотр видеофрагментов с текстовыми комментариями, позволяющих повышать эффективность и качество образования, осуществлять индивидуализацию и дифференциацию процесса обучения. Данный метод также формирует информационную культуру обучающихся, развивает умение осуществлять обработку информации, например, в процессе совместной, а затем самостоятельной подготовки к семинарскому занятию. Еще одним эффективным методом, стимулирующим познавательную активность и самостоятельность обучающихся, является наглядное раскрытие содержания правил с помощью схематических таблиц и рисунков.

На содержательное и глубокое разъяснение преподавателем нового материала и умение поддерживать внимание и мыслительную активность обучающихся нацелено использование таких приемов активизации познавательной деятельности, а именно: обновление проблемного материала, применение преподавателем четких примеров, фактов, включение обучающихся в обсуждение, а также необходимость подкрепить определенные теоретические положения непосредственно своими примерами и фактами. Мы считаем, что это способствует формированию навыка нахождения нарушений внутрисклилевых особенностей текстов официально-делового стиля, языковых норм, что, в свою очередь, способствует тому, что обучающиеся видят однотипные ошибки и в дальнейшем при составлении деловой документации их не допустят.

По мнению Л.Р. Бакировой, «использование интерактивных методов в системе обучения является важным условием для развития творческих и интеллектуальных способностей» [1, с. 27]. Действительно в современном мире необходимым аспектом профессионализма является владение инновационными педагогическими технологиями, одним из которых

является метод использования синквейна. В связи с этим целесообразно уже на первом лекционном занятии научить обучающихся давать определение понятиям и делать выводы с помощью метода «синквейн», формирующего у них умение устанавливать причинно-следственные связи. [2, с. 386] С одной стороны данные умения станут в дальнейшем хорошими помощниками в основной деятельности полицейского. С другой, составление синквейна выступает в качестве формы свободного творчества, в связи с чем автор должен научиться искать в информационном материале самые значимые элементы, делать кратко сформулированные выводы, закрепляя понимание определений, данных в лекционном занятии.

Таким образом, следует отметить, что владение устной и письменной речью выступает в качестве важнейшего и ключевого показателя профессионализма работника ОВД. Содержащиеся материалы методических рекомендаций сосредоточены на систематизации коммуникативно-прагматических аспектов лекционных занятий, а их использование может осуществляться в учебе в процессе изучения дисциплины «Русский язык в деловой документации», при этом следует отметить их максимальную полезность для сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы

1. Бакирова Л.Р. Об использовании интерактивных форм и методов проведения занятий по русскому языку как иностранному в Уфимском юридическом институте МВД России // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного: материалы III Международной научно-практической конференции; г. Уфа, 11 мая 2017 г. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2017. С. 22–27.
2. Бикмаева Л.У. Методы и приемы, используемые в юридическом вузе на практическом занятии «Стилистические модели служебных документов. Лингвистический анализ и правка текстов деловой документации» // Международный научно-практический юридический журнал "Евразийский юридический журнал" № 6 (121) 2018.– С.385-388.
3. Бикмаева Л.У. Основные методы и приемы проведения лекционного занятия по теме №1 «Стилевая система современного литературного языка. Характеристика официально-делового стиля. Основы культуры речи сотрудников ОВД» // Международный научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success» №5, 2019 г. – С. 277-282.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

10.02.01

А.Г. Гилемшина канд. филол. наукКазанский государственный медицинский университет,
кафедра русского и татарского языков**РАЗРАБОТКА ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА АРАБСКОГО, РУССКОГО,
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Статья рассматривает опыт создания корпусов текстов русского, татарского и арабского языков как базу для потенциального построения параллельного корпуса этих языков. При этом приводятся результаты обзорного изучения доступных корпусов указанных языков и анализируются возможные проблемы и трудности, связанные с построением параллельного корпуса. Также даются некоторые практические рекомендации по разметке и аннотированию параллельного корпуса русского, татарского и арабского языков.

Ключевые слова: *параллельные корпуса, русский язык, татарский язык, арабский язык, корпусная лингвистика, разработка корпусов.*

Одним из наиболее актуальных и перспективных направлений современного языкознания с уверенностью можно считать корпусную лингвистику. Именно языковые корпуса, появившиеся с развитием информационно-коммуникационных технологий, позволяют проводить разносторонние исследования лексики того или иного языка – благодаря им исследователь может получить максимально полную информацию о функционировании тех или иных лексических единиц в языке. Помимо этого, корпуса незаменимы для решения задач машинного обучения и автоматизации лингвистических исследований. По мнению ряда ученых, например В.А. Плунгяна (1), лингвистика XXI века в принципе – это лингвистика корпусов, поскольку научные задачи, на которые в докомпьютерную эпоху могли уходить недели и даже месяцы, сегодня благодаря электронным корпусам решаются в считанные секунды. Ученые – лексикологи, переводоведы, специалисты по семиотике и прагматической лингвистике – уже достаточно давно активно применяют языковые корпуса как эффективный и точный инструмент для исследований. Кроме того, всякий корпус – не просто собрание текстов, важным элементом любого корпуса является разметка, или аннотация, содержащая дополнительную информацию о свойствах текстов, включенных в состав этого корпуса.

Дополнительное значение языковые корпуса имеют для переводчиков и исследователей перевода, и здесь можно говорить прежде всего о важности параллельных корпусов. Под таковыми понимаются двуязычные и многоязычные корпуса, но при этом именно такие, в которых тексты на одном языке сопровождаются переводом тех же текстов на другой. Значение таких сводов текстов на двух и более языках трудно переоценить: они предоставляют исследователю возможность сопоставлять не только отдельные лексические единицы, но и контекст, в котором они предстают в оригинале и переводе. Нужно отметить, что тексты параллельных корпусов должны быть маркированы и выровнены таким образом, чтобы фрагменты текста на одном языке соответствовали переводу этих фрагментов на другой. Именно поэтому параллельные корпуса встречаются намного реже, чем одноязычные, и в составлении и пополнении таких корпусов заключается одна из важнейших задач современной лингвистики.

Вместе с тем, несмотря на большое количество существующих в сети Интернет корпусов – как предоставляемых открыто и бесплатно, так и доступных по платной подписке – все еще остро стоит проблема недостаточного количества параллельных корпусов. Частично это связано с тем, что составление параллельного корпуса – работа вдвойне трудоемкая, ведь

необходимо собрать тексты на одном языке и их переводы хотя бы на один другой, а также сопроводить их разметкой. Однако работа над составлением и разметкой корпусов продолжает вестись языковедами всего мира.

В настоящей статье будут рассмотрены существующие параллельные корпуса русского, арабского и татарского языков, а также сложности, с которыми сталкиваются ученые при разработке параллельных языковых корпусов.

Изученность проблемы. Составлением и исследованием языковых корпусов и их влияния на лексикологические и другие языковедческие исследования занимались многие исследователи. Всю исследовательскую работу по языковым корпусам можно условно разделить на две большие части:

1) Собственно языковые корпуса, которые всегда представляют собой плод труда ученых;

2) Статьи, монографии и другие публикации о языковых корпусах.

Что касается научной литературы по языковым корпусам, то отличным введением в проблему могут служить многочисленные статьи одного из основных разработчиков Национального корпуса русского языка В.А. Плунгяна, в том числе статья, которой этот корпус предваряется (8), а также ряд других научных и научно-популярных публикаций (9; 10; 11).

Значительное число публикаций как отечественных, так и зарубежных ученых посвящено применению языковых корпусов в преподавании языков. Изучением этого прикладного аспекта корпусной лингвистики занимались О.В. Нагель (4), П.В. Сысоев (16), Т.А. Чернякова (18), К. Aijmer (19), A Wichmann и S Fligelstone (29), G. Aston (21) и др.

В настоящей статье нас в первую очередь интересуют параллельные корпуса. Их научным исследованием занимались такие исследователи, как R. Barzilay и K.R. McKeown (23), С. Bannard и С. Callison-Burch (22), Д. Добровольский(1), С.Б. Потемкин и Г.Е. Кедрова (12) и др.

На основе работ вышеперечисленных и других авторов можно сделать вывод, что формирование, функционирование, а также научное и практическое применение корпусов изучается достаточно активно, однако в силу того, что корпусная лингвистика – относительно молодое направление, ученым предстоит еще много работы, и в рамках данного направления остается множество неизученных тем. В частности, вопрос параллельных языковых корпусов представляется нам еще недостаточно проработанным.

В настоящей статье нас интересуют вопросы развития параллельных корпусов трех языков: русского, татарского и арабского, поскольку от наличия или отсутствия таких корпусов в распоряжении ученых в значительной степени зависит дальнейшее развитие переводоведения в рамках этих языков. В условиях расширяющихся связей России и Татарстана с арабским миром этот практический вопрос едва ли целесообразно оставлять без ответа.

Существующие корпуса русского, татарского и арабского языков и их особенности. Рассмотрим теперь основные имеющиеся в открытом доступе корпуса отдельно русского, татарского и арабского языков.

Наиболее крупным и известным корпусом в русском языкознании без сомнения является Национальный корпус русского языка (НКРЯ), размещенный по адресу <http://ruscorpora.ru/> и разработанный коллективом ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа и ряда других городов России. Общий объем корпуса на сегодняшний день составляет более 600 миллионов слов, причем корпус продолжает пополняться. Корпус охватывает в основном период от середины XVIII до начала XXI века и состоит из множества подкорпусов, включающих огромное разнообразие текстов из разных областей. Но наиболее интересной для нас частью данного корпуса является многоязычный параллельный подкорпус, содержащий оригинальные тексты на русском языке в переводе на другие языки (английский, немецкий, французский, китайский, испанский, итальянский, польский, шведский и др.) и, наоборот, тексты на этих иностранных языках и их переводы на русский.

В настоящее время корпус доступен для скачивания и оффлайн-работы только по лицензии, однако онлайн-поиск свободный и бесплатный. К сожалению, текстов на интересующих нас арабском и татарском языках в параллельном подкорпусе в настоящее время нет, однако хочется надеяться на то, что это осуществимо в будущем.

Хотя НКРЯ остается крупнейшим и основным корпусом русского языка из существующих на сегодняшний день, стоит упомянуть и другие, в частности Уппсальский и Тюбингенский корпуса (26); созданный по инициативе академика А.П. Ершова Машинный фонд русского языка (3); Открытый корпус русского языка (6); созданный при помощи автоматической технологии сбора и разметки текстов из Интернета Генеральный Интернет-корпус Русского Языка (ГИКРЯ) (5); разработанный Санкт-Петербургскими учеными Корпус литературного русского языка объемом более 1 млн. словоупотреблений (2) и другие. Отдельно стоит отметить Русский учебный корпус, содержащий образцы устной и письменной речи тех, для кого русский не является родным языком (или является родным, но не основным языком общения) (14) и Корпус русских учебных текстов (КРУТ) объемом около 3,1 млн. слов, представляющий собой коллекцию текстов на русском языке, написанных студентами разных вузов (24). Последние два удобны и полезны для исследования различных языковых явлений, связанных с процессом изучения русского языка, в том числе как иностранного.

Перечисленные корпуса – далеко не единственные из существующих. Помимо них, существуют различные специальные, диалектные, диахронические и другие корпуса текстов.

Татарский язык в настоящее время главным образом представлен Татарским национальным корпусом “Туган тел”, разработанным по Программе фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук (22). Участие в работе над ним принимают исследователи Академии наук РТ и Казанского федерального университета, а также специалисты НИУ ВШЭ, аспиранты, магистранты и студенты КФУ. Особенно ценным является тот факт, что корпус содержит русско-татарский подкорпус. Основные разработчики также опубликовали заслуживающую внимания статью о концептуальных и лингвистических аспектах национального корпуса (15).

Интерес представляет также Письменный корпус современного татарского языка (7), созданный группой энтузиастов (М.Р. Сайхунов, Т.И. Ибрагимов, Р.Р. Хусаинов и др.) с целью разработки системы машинного перевода текстов с татарского на иностранные языки и содержащий более 116 млн слов.

Наконец, доступные корпуса арабского языка также достаточно многочисленны. Сразу несколько таковых можно найти на сайте SketchEngine (25), причем сайт предлагает не только сами корпуса, но и инструменты для работы с ними, например эскизы слов (word sketch), конкордансы и тезаурусы. Самым крупным параллельным корпусом, включающим в себя тексты на арабском языке, является корпус Организации объединенных наций (28). Неплохой корпус арабского языка с удобным поиском доступен по адресу <http://arabicorpus.byu.edu/> (20). А исследователь из Университета Карнеги-Меллона в Катаре Ваджди Загуани опубликовал прекрасный обзор доступных в свободном доступе корпусов арабского языка, представляющий достаточно полную информацию по ним (30). Из отечественных авторов подробная статья о составлении корпусов арабского языка принадлежит авторству О.И. Редькина, который рассматривает различные способы построения корпусов текстов и принципы отбора данных для них (13).

Наконец, отдельного упоминания достоин Коранический корпус арабского языка (27), возникший как результат исследовательского проекта специалистов Лидского университета и включающий все тексты Корана с максимально подробной разметкой, содержащей грамматический анализ текста и аннотированную древовидную структуру корпуса.

Перспективы построения русско-татарско-арабского параллельного корпуса. Хотя на сегодняшний день параллельного корпуса русских, татарских и арабских параллельных текстов не существует, задача его построения представляется нам вполне выполнимой в перспективе. Актуальность такой задачи для татарстанской науки и культуры не вызывает

сомнений, поскольку на разных этапах исторического развития татарского языка именно с русским и арабским языками он взаимодействовал наиболее тесно, о чем говорит большое количество заимствованной лексики из обоих этих языков. Однако задача создания такого параллельного корпуса осложняется целым рядом проблем:

1) Всякий корпус параллельных текстов – это коллекция текстов на одном языке и переводов этих текстов на другой (другие), поэтому данный корпус по определению будет ограничен такими текстами. Например, это могут быть произведения русской художественной литературы и их переводы на татарский и арабский языки. Другая альтернатива – Интернет-ресурсы, существующие на всех трех этих языках, например новостные сайты или сайты крупных государственных организаций, у которых есть версии на русском, татарском и арабском языках. Сюда же стоит отнести практическую задачу перевода определенного массива текстов в цифровой формат.

2) Всегда возникает на первый взгляд сугубо практическая, но на деле вполне научная задача аннотирования корпусов, т.е. создания разметки. Благодаря развитию соответствующих цифровых технологий эта задача может быть выполнена и автоматически, но для полноценной и безошибочной аннотации предпочтительнее размечать тексты вручную, что требует труда большого количества специалистов.

3) Разметка предполагает проведение параллельного морфологического анализа текстов, а это в свою очередь осложняется тем, что три рассматриваемых языка не являются родственными, т.е. принадлежат к разным языковым семьям. Соответственно, системы частей речи и синтаксические конструкции данных языков могут не соответствовать друг другу. Различен и типичный для каждого из этих трех языков порядок слов. Например, если для татарского языка типичен порядок “подлежащее-дополнение-глагольное сказуемое” (“*Бала мәктәпкә бара*”), то для арабского – “глагольное сказуемое-подлежащее-дополнение” (“*يذهب الطفل إلى المدرسة*”), а для русского – “подлежащее-глагольное сказуемое-дополнение” (“*Ребенок идет в школу*”). В этой связи легко прийти к мысли, что минимальной единицей параллельного выравнивания должно быть предложение. Однако перевод с одного языка на другой далеко не всегда осуществляется по предложениям – нередко одно предложение оригинала может разбиваться на 2, 3 или больше в переводе, или наоборот – несколько предложений могут объединяться в одно. Следовательно, разрешение этого противоречия возможно только в индивидуальном порядке в каждом конкретном случае.

4) Базой для создания русско-татарско-арабского параллельного корпуса могли бы стать уже имеющиеся корпуса, описанные выше.

5) Дополнительной задачей может стать включение в корпус переводов одного текста, выполненных разными переводчиками. Например, вполне осуществимой задачей видится построение параллельного корпуса Корана, где арабский оригинал сопровождался бы параллельными размеченными переводами на русский и татарский языки, причем авторства разных переводчиков.

Сферы применения такого параллельного корпуса могут быть самыми разнообразными. Во-первых, он позволил бы проводить комплексные лексикологические и переводоведческие исследования, позволяющие устанавливать актуальные межъязыковые эквиваленты и обнаруживать переводческие лакуны, т.е. слова и выражения, не имеющие эквивалентов в других языках. Кроме того, параллельные корпуса текстов – незаменимый инструмент для переводчиков и преподавателей языка и перевода.

Учитывая вышесказанное, заключим, что создание русско-татарско-арабского параллельного корпуса может стать одной из важнейших задач современной лингвистики, однако решение этой задачи требует значительных совместных усилий со стороны лингвистов и специалистов по информационным технологиям.

Список литературы

1. Добровольский, Д.О. Корпус параллельных текстов как инструмент анализа литературного перевода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Наука. – 2003. – С. 126-131.
2. Корпус литературного русского языка // Корпус литературного русского языка URL: <http://narusco.ru/> (дата обращения: 31.08.2019).
3. Машинный фонд русского языка // Машинный фонд русского языка URL: <http://cfrl.ruslang.ru/> (дата обращения: 31.08.2019).
4. Нагель, О.В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnaya-lingvistika-i-ee-ispolzovanie-v-kompyuterizirovannom-yazykovom-obuchenii> (дата обращения: 29.08.2019).
5. О проекте // Генеральный Интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ) URL: <http://www.webcorpora.ru/> (дата обращения: 31.08.2019).
6. Открытый корпус русского языка // OpenCorpora URL: <http://opencorpora.org/?page=downloads> (дата обращения: 31.08.2019).
7. Письменный корпус современного татарского языка. // Письменный корпус современного татарского языка. URL: <https://www.corpus.tatar/> (дата обращения: 31.08.2019).
8. Плунгян, В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? // Национальный корпус русского языка. – 2003. – Т. 2005. – С. 6-21.
9. Плунгян, В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. – 2008. – №. 2. – С. 7-20.
10. Плунгян, В.А. Корпус как инструмент и как идеология // Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования: материалы международной научной конференции. М.: ГУ-ВШЭ. – 2007. – С. 19-20.
11. Плунгян, В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов // Полит.ру URL: <https://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (дата обращения: 28.08.19).
12. Потемкин С.Б., Кедрова Г.Е. Выравнивание неразмеченного корпуса параллельных текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог–2008». – М.: РГГУ. – 2008. – №. 7. – С. 14.
13. Редькин, О.И. Формирование корпуса текстов и определение частотности слов в арабском языке: проблемы и решения // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-korpusa-tekstov-i-opredelenie-chastotnosti-slov-v-arabskom-yazyke-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 31.08.2019).
14. Русский учебный корпус // Лингвистические корпуса и сервисы URL: <http://webcorpora.net/RLC/> (дата обращения: 31.08.2019).
15. Сулейманов, Д.Ш., Хакимов, Б.Э., Гильмуллин, Р.А. Корпус татарского языка: концептуальные и лингвистические аспекты // Вестник ТГГПУ. 2011. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpus-tatarskogo-yazyka-kontseptualnye-i-lingvisticheskie-aspekty> (дата обращения: 31.08.2019).
16. Сысоев, П.В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. – 2010. – №. 1 (9).
17. Татарский национальный корпус «Туган тел» // Татарский национальный корпус «Туган тел» URL: <http://tugantel.tatar/> (дата обращения: 31.08.2019).
18. Чернякова, Т.А. Использование лингвистического корпуса в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2011. №4 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-lingvisticheskogo-korpusa-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 29.08.2019).
19. Aijmer, K. (ed.). Corpora and language teaching. – John Benjamins Publishing, 2009. – Т. 33.
20. arabiCorpus // arabiCorpus URL: <http://arabicorpus.byu.edu/> (дата обращения: 31.08.2019).
21. Aston, G. Small and large corpora in language learning // Practical applications in language corpora. – 1997. – С. 51-62.

22. *Bannard, C.; Callison-Burch, C.* Paraphrasing with bilingual parallel corpora // Proceedings of the 43rd Annual Meeting on Association for Computational Linguistics. – Association for Computational Linguistics, 2005. – С. 597-604.
23. *Barzilay, R.; McKeown, K.R.* Extracting paraphrases from a parallel corpus // Proceedings of the 39th annual meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2001. – С. 50-57.
24. Corpus of Russian Student Texts // Лингвистические корпуса и сервисы URL: http://web-corpora.net/learner_corpus (дата обращения: 31.08.2019).
25. List of available Arabic corpora // SketchEngine URL: <https://www.sketchengine.eu/corpora-and-languages/arabic-text-corpora/> (дата обращения: 31.08.2019).
26. Russian Corpora in Tübingen // SFB 441 URL: <http://www.lingexp.uni-tuebingen.de/sfb441/b1/en/korpora.html> (дата обращения: 31.08.2019).
27. The Quranic Arabic Corpus // The Quranic Arabic Corpus URL: <http://corpus.quran.com/> (дата обращения: 31.08.2019).
28. United Nations Parallel Corpus // United Nations, Department for General Assembly and Conference Management URL: <https://cms.unov.org/UNCorpus/> (дата обращения: 31.08.2019).
29. *Wichmann A., Fligelstone S.* Teaching and language corpora. – Routledge, 2014. 362 p.
30. *Zaghouani W.* Critical survey of the freely available Arabic corpora // arXiv preprint arXiv: 1702.07835. – 2017.

10.02.01

Г.Г. Зайнуллин д-р филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра алтаистики и китаеведения,
Казань, jam.zauni@kpfu.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРАБСКИХ ПАРЕМИЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья рассматривает различные паремиологические единицы (пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения), берущие начало в текстах арабской художественной литературы, с точки зрения проблемы перевода таких паремий на русский язык. Уделяется внимание паремиям, представляющим собой цитаты из Корана, хадисов и стихотворных произведений арабских авторов. Вопрос нахождения эквивалентов таких паремиологических единиц в русском языке или их перевода на русский язык иными способами представлен с позиций прагматической лингвистики.

Ключевые слова: *арабские паремии, паремиология, прагматическая лингвистика, арабско-русский перевод, перевод паремиологических единиц, арабские пословицы и поговорки.*

Данная статья посвящена рассмотрению авторских арабских паремий в арабской художественной литературе, то есть ставших устойчивыми и получивших распространение фраз и выражений (как правило, представляющих собой целостное предложение или его часть), изначально появившихся в произведениях литературы. Рассматривается проблема перевода таких речевых единиц на русский язык и связанная с ней проблема поиска русских эквивалентов арабских паремиологических единиц.

Паремии - это такие фразеологические единицы, как пословицы и поговорки. В большинстве случаев они являются анонимным продуктом народного творчества, то есть их происхождение неизвестно. Однако отдельная (и гораздо менее изученная) категория паремиологических единиц - это паремии авторского происхождения, возникшие в творчестве поэтов, писателей, философов и т. п. и получившие впоследствии распространение среди народа. С этим же сопряжена проблема авторского использования уже существующих и бытующих в народе пословиц и поговорок в авторских произведениях художественной литературы.

Ключевой проблемой настоящего исследования является вопрос способа перевода авторских арабских паремий на русский язык, рассматриваемой здесь в контексте прагматической лингвистики.

Настоящее исследование проводилось на базе авторских паремиологических единиц, представленных в словаре-справочнике арабского составителя Камали Халяили “معجم كنوز الأمثال والحكم العربية النثرية والشعرية” (“Словарь сокровищ арабских пословиц и поговорок в прозе и поэзии”) [15].

Основным методом исследования послужил метод диахронического анализа паремиологических единиц, поскольку большинство изучаемых арабских паремий закрепились в языке давно и по происхождению относятся к прошлым столетиям. То же можно сказать и о большинстве рассмотренных произведений художественной литературы, относящихся к традиции классической арабской литературы, достигшей зенита своего развития в эпоху Средневековья. Другим важным методом стал метод сопоставления параллельных (как переводных, так и непереводных) текстов в арабском и русском языках.

Существующие в науке подходы к исследованию паремий и степень изученности арабских паремий

Исследование паремий было и остается важным направлением арабского языкознания и литературоведения. Пословицы и поговорки нередко рассматриваются как отражение национального менталитета того или иного народа. Особое значение паремий в языковой и культурной жизни народа подчеркивалось еще такими выдающимися языковедами, как И.А. Бодуэн де Куртене, А.А. Потебня, В.Ю. Ключевский. Отдельно необходимо отметить фундаментальные работы по паремиологии Г.Л. Пермякова [8].

В арабском языкознании паремии также занимают особое место. Пословицы и поговорки существовали в арабской культуре с глубокой древности, но наряду с ними существовали и авторские афоризмы, цитаты из поэтических и прозаических произведений, ставшие крылатыми. Однако в научных исследованиях предпочтение зачастую отдается изучению именно пословиц и поговорок народного, т.е. анонимного, происхождения. Среди таковых следует отметить работы таких авторов, как Е.В. Кухарева [6], Т.А. Шайхуллин [10; 11; 12], Р.Р. Закиров [3], Э.Х. Шамсутдинова [13], А.М. Зарипова [4], Р.Д. Хамид [9], У.О. Максудов [7], Е. Gorska [14] и других.

Что же касается авторских паремий, то есть цитат из поэтических и прозаических произведений, ставших крылатыми выражениями, либо индивидуально-авторских преобразований пословиц и поговорок народного происхождения, то каких-либо серьезных исследований этого феномена в российской арабистике пока нет. Представляют интерес несколько работ по изучению авторских паремий в русском языке, в частности исследования А.В. Загребельного [1; 2]. Прагматический (или прагмалингвистический) подход к изучению паремий хорошо раскрыт в работах М.А. Кульковой, которая рассматривает его применение на примере русских и немецких паремий [5].

В нашем исследовании будет рассмотрено индивидуально-авторское использование арабских паремиологических единиц и проблема их перевода на русский язык с точки зрения прагмалингвистического подхода.

Арабские паремии индивидуально-авторского происхождения: прагматический анализ для поиска русских эквивалентов при переводе

Вопросы перевода арабских паремиологических единиц поднимаются в статье Р.Р. Закирова “Особенности перевода арабских паремий на русский язык”. Он выделяет такие межъязыковые соотношения арабских и русских пословиц и поговорок, как полные и частичные эквиваленты, аналоги, а также безэквивалентные (или лакунарные) единицы, подчеркивая, что для перевода последних применяются описательный и комбинированный методы перевода. [3:49].

Мы рассмотрели арабские паремии, собранные ливанским автором Камалем Халаяли в его “Словаре сокровищ арабских пословиц и поговорок в прозе и поэзии”. Сам Халаяли условно подразделяет их на следующие категории:

1) الأمثال الفصيحة (букв.: “красноречивые пословицы”, или “пословицы на литературном арабском языке”) - пословицы и поговорки на литературном арабском языке (“фусха”), получившие у арабов распространение еще в доисламскую (джахилийскую) эпоху и дошедшие до нас на древнем (классическом) арабском языке той эпохи;

2) الأمثال المولدة (букв.: “пословицы смешанного происхождения”) - пословицы и поговорки, появившиеся в эпоху Арабского халифата и часто несущие на себе след иноязычных влияний (например, это могут быть паремии, возникшие под влиянием персидской или тюркской культур, содержащие слова, заимствованные из соответствующих языков и т.п.);

3) الأمثال العامية (букв.: “простонародные пословицы”) - паремии, основанные на диалектальных, просторечных или иным образом искаженных вариантах арабского языка, часто содержащие множество заимствованных, иностранных слов [15].

Такая классификация представляется нам целесообразной, поскольку в ряде случаев позволяет с известной степенью точности предположить этимологию той или иной паремии. Стоит, однако, оговориться, что в случае указания о том, что определенная паремиологическая единица впервые появилась в том или ином художественном тексте, не всегда ясно, является ли она авторской по происхождению, либо автор текста лишь использовал уже существовавшую в народном обиходе пословицу или поговорку, зачастую по-своему ее интерпретировав.

Стоит также добавить, что паремии, берущие начало в художественной литературе, стоит скорее называть афоризмами или крылатыми выражениями, в отличие от традиционных пословиц и поговорок, имеющих анонимное (народное) происхождение.

Изучив приводимые Халяили упоминания паремий в художественной литературе (прозе и поэзии), легко обнаружить, что значительная их часть известна арабам из Корана (القرآن الكريم) или Сунны (الحديث الشريف). В этом случае первоисточником принято считать именно эти священные тексты, и именно их авторитетный в арабской культуре характер предопределяет широкое распространение данных паремий. Примерами могут служить такие пословицы и поговорки, как “انصر أخاك ظالما أو مظلوما” (“Помогай своему брату – угнетателю или угнетённому”, хадис), “كل نفس ذائقة الموت” (“Каждая душа вкусит смерти”, Коран, 3:185), “إن بعض الظن إثم” (“Добро есть привычка, а зло – упорство”, хадис), “الخير عادة والشّر لجاجة” (“некоторые предположения являются грехом”, Коран, 49:12) и др.

Поскольку очевидно, что Коран и хадисы являются уникальными источниками, не имеющими аналогов за пределами арабской культуры, то вопрос перевода паремий, берущих начало из этих текстов, не может быть однозначным. Эквивалентов этим паремиям в русском языке не существует, соответственно их можно считать безэквивалентными (лакунарными) паремиологическими единицами, поэтому способы перевода будут зависеть от конкретного изречения, контекста. При этом рекомендуется применять описательный и комбинированный способы перевода, например:

“اطلبوا العلم من المهد إلى اللحد” - “Ищите знаний от колыбели до могилы” (хадис).

В данном примере идиоматический элемент “من المهد إلى اللحد” имеет абсолютный эквивалент в русском языке (“от колыбели до могилы”), полностью совпадающий с оригиналом и по образности, и по значению, однако элемент “اطلبوا العلم” лучше перевести как “ищите знаний”, нежели как “требуйте знаний” или “просите знаний”, поскольку это в большей степени соответствует речевой норме русского языка.

Интересно, что ряд приводимых Халяили паремий берут начало из священных книг других авраамических религий - иудаизма и христианства, например:

“رأس الحكمة مخافة الرب” - “Начало мудрости - страх Господень” (Псалтирь, 110:10, синодальный перевод Библии);

“ليس النبي بلا كرامة إلا في وطنه وبيته” - “...не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем” (Евангелие от Матфея, 13:57), ср. русскую поговорку “Нет пророка в своем отечестве”, берущую начало отсюда же.

В этих случаях переводчику рекомендуется опираться на уже существующие канонические переводы библейских текстов на русский язык с тем, чтобы сохранить аллюзию и сделать паремию прозрачной, понятной для русскоязычного читателя.

Значительную часть собранных Камалем Халяили пословиц и поговорок восходит к стихотворным произведениям, среди которых как восходящие к Средневековью касыды доисламской эпохи и периода Арабского халифата (Зухейр Ибн Аби Сульма, Антара Ибн Шаддад, Абу-ль-Атахия, Аль-Мутанаббид, Абу Таммам и др.), так и поэтические тексты XIX, XX веков (Ахмед Шауки, Джебран Халиль Джебран, Халиль Мутран и др.). Нужно отметить, что последние - в несомненном меньшинстве, что объяснимо, поскольку для закрепления паремий в устном народном творчестве, в обиходе, необходимо время, и зачастую от авторского оригинала пословицы или поговорки нас отделяют несколько веков. Именно поэтому диахроническое изучение авторских паремий представляется наиболее

целесообразным подходом к их исследованию.

В качестве паремиологической единицы может закрепляться целый стихотворный бейт или часть бейта. Как правило, паремии стихотворного происхождения также не имеют аналогов, поэтому предлагается переводить их на русский язык комбинированным методом, по возможности с сохранением образности оригинала:

“وقد تتجو النفوس بأرض جذب - ويهلك أهله المغنى الخصيب” - “Души могут быть избавлены от земного притяжения, а людей земли губят каменные жилища” (Абу-ль-Аля аль-Маарри, из дивана “Лузумийят”);

“وإذا خشيت من الأمور مقدرًا - وفررت منه فنحوه تتوجه” - “Если ты боишься судьбы и бежишь от нее, то лишь приближаешься к ней” (Ибн ар-Руми). Данная паремия перекликается с русской пословицей “От судьбы не уйдешь”, закрепленной в словаре В.И. Даля, однако перевод с помощью русского эквивалента допустим лишь в определенных контекстах, когда сохранение отсылки к Ибн ар-Руми не является принципиально важным.

“لا يلبث القراء أن يتفرقوا - ليل يكر عليهم ونهار” - “Влюбленные вскоре расстанутся, ночи и дни к ним жестоки” (Джарир). Эта паремия перекликается с целым рядом русских поговорок “Все хорошее когда-нибудь заканчивается”, “Лучше не свykаться, коли расставаться”, “Как расстались, так и не видались”, однако и в этом случае на первое место при переводе встает языковая прагматика - контекст ситуации, цели высказывания. Переводчику важнее всего ответить на вопрос “С какой целью в данном контексте приводится данная паремия?” Рассмотрим другой пример:

“وفي تعب من يحسد الشمس نورها - ويجهد أن يأتي لها بضريب” - “И есть те, кто в усталости завидует солнцу и его свету, и пытается найти ему равню” (Аль-Мутанабби). Несмотря на то, что пословиц и поговорок о зависти довольно много, образность данного бейта требует перевода более точного и близкого к пословному значению оригинала.

Заключение

Рассмотрев различные паремии авторского (и в целом литературного) происхождения, собранные в “Словаре сокровищ арабских пословиц и поговорок” арабского составителя Камала Халаяли, можно заключить, что такие паремиологические единицы встречаются в основном в поэтических текстах, среди которых наибольшую долю составляют тексты доисламской эпохи и периода Арабского халифата, а также в священных текстах ислама, иудаизма и христианства, играющих заметную культурную роль на арабском Востоке. Эти паремии часто не имеют эквивалентов в русском языке в силу специфичности развития арабской литературы. Вопрос перевода таких паремиологических единиц рекомендуется решать, опираясь на прагматику переводимого текста, то есть на контекст и цель высказывания. Зачастую важно сохранение образности оригинала, поэтому возрастает значимость описательного и комбинированного способов перевода рассмотренных паремиологических единиц.

Список литературы

1. Загребельный А.В. Авторские пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения русского языка 1905-1907 гг., образованные на базе генерализованных структурных моделей паремий-источников // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. №443. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskie-poslovitsy-pogovorki-i-poslo-vichno-pogovorochnye-vyrazheniya-russkogo-yazyka-1905-1907-gg-obrazovannyye-na-baze> (дата обращения: 10.12.2019).
2. Загребельный А.В. Методика диахронического анализа авторских паремий русского языка: возможности применения // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-diahronicheskogo-analiza-avtorskih-paremiy-russkogo-yazyka-vozmozhnosti-primeneniya> (дата обращения: 10.12.2019).
3. Закиров Р.Р. Особенности перевода арабских паремий на русский язык // Вестник ТГГПУ. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-arabskih-paremiy-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 10.12.2019).
4. Зарипова А.М. Арабские паремии как этнокультурный феномен // Современный мусульманский мир. – 2018. – №. 4. – С. 3-3.
5. Кулькова М.А. Применение прагмалингвистического подхода к изучению паремий (на материале русского и немецкого языков) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-pragmalingvisticheskogo-podhoda-k-izucheniyu-paremiy-na-materiale-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (дата обращения: 10.12.2019).
6. Кухарева Е.В. Прецедентные имена и события как один из источников арабских паремий // Русистика. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-imena-i-sobytiya-kak-odin-iz-istochnikov-arabskih-paremiy> (дата обращения: 10.12.2019).
7. Максудов У.О. Арабские пословицы и поговорки: возникновение и развитие паремиологических словарей в арабской литературе // Вестник СПбГУ. Серия Востоковедение. Африканистика. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskie-poslovitsy-i-pogovorki-vozniknovenie-i-razvitie-paremiologicheskikh-slovaey-v-arabskoy-literature> (дата обращения: 10.12.2019).
8. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Изд-во "Наука", Глав. ред. восточной лит-ры, 1988. 237 с.
9. Хамид Р.Д. Отражение народной педагогики в русских, персидских и арабских паремиях // Русский язык за рубежом. – 2012. – №. 3. – С. 47-53.
10. Шайхуллин Т.А. Языковая вербализация отношений между родителями и детьми в русских и арабских паремиях // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-verbalizatsiya-otnosheniy-mezhdu-roditelyami-i-detmi-v-russkih-i-arabskih-paremiyah> (дата обращения: 10.12.2019).
11. Шайхуллин Т.А. Языковая репрезентация отношений между мужчиной и женщиной в русских и арабских паремиях // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №. 4. – С. 213-217.
12. Шайхуллин Т.А. Языковая репрезентация отношений между родственниками в русских и арабских паремиях // Вестник ТГГПУ. 2011. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-otnosheniy-mezhdu-rodstvennikami-v-russkih-i-arabskih-paremiyah> (дата обращения: 10.12.2019).
13. Шамсутдинова Э.Х. Сопоставительный анализ структурно-синтаксических особенностей арабских и английских паремий с компонентом-зоонимом // European Social Science Journal. – 2013. – №. 12-1. – С. 248-254.
14. Górski E. The image of the world in Polish and Arabic proverbs as a contribution to research in the field of comparative paremiology: a preliminary outline // Rocznik Orientalistyczny. – 2016. – Т. 69. – №. 2. – Р. 65-76.
15. الدكتور كمال خلايلي. معجم كنوز الأمثال والحكم العربية النثرية والشعرية. - الطبعة الأولى - بيروت: [Халяили К. Словарь сокровищ арабских пословиц и поговорок в прозе и поэзии. - Изд. Первое. - Бейрут: "Мактаба Любнан Наширун", 1998. - 508 с.]

10.02.01

И Лицюнь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Москва, yiliquan@mail.ru

МЕТАФОРА В МОДНЫХ СЛОВАХ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются модные слова и один из основных семантических процессов, характерных для модных слов, – метафорическое переосмысление, представленное в современном русском и в современном китайском языке. Актуальность настоящей статьи определяется исследованием феномена языковой моды, который является предметом обсуждения в русскоязычной научной среде. Оригинальность статьи заключается в том, что автор опирается на собственные наблюдения и сопоставляет русский и китайский языки. Анализ проводится на основе классификации типов метафор, представленной в научной литературе. Автором приводятся примеры по результатам исследования на двух языках. Исследование модных слов не только очень актуально в настоящее время, но и перспективно в аспекте: когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, прагматики и социолингвистики. Статья представляет интерес для специалистов и может быть использована в работах по изучению данной темы.

Ключевые слова: модное слово, метафора, семантическое переосмысление, китайский язык, русский язык.

В последние десятилетия феномен языковой моды привлекает все большее внимание исследователей. По мнению российского социолога А.Б. Гофмана, «современность – основополагающая ценность в структуре моды» [5, с.27]. Модные слова можно рассматривать как «счетчик времени» в языке, как запечатленную в языке хронику общественной жизни. С этой точки зрения модные слова являются самой информативной и инновационной категорией лексики. И.Т. Вепрева и А. Мустайоки интерпретируют признак современности по отношению к модному слову: «Современность как внутренняя ценность моды принципиально применима для характеристики модного слова, но, с другой стороны, по отношению к слову данный параметр предпочтительнее обозначить как признак новизны и свежести» [3, с.50]. «Свежесть» модного слова – это его экспрессия, обеспечивающая его широкое распространение. Экспрессия может происходить как от самого факта или события, вызвавшего к жизни модное слово, так и от его внутренней формы, словообразовательной структуры, стилистической ауры. Одним из наиболее ярких способов создания модных слов является метафора, при которой уже существующие в языке слова получают новые значения. «Эти слова в устах наших современников все чаще используются в значениях, не указанных в лингвистических словарях, приобретая тем самым новый смысл. Причем именно в новых значениях они становятся необычайно популярными, модными, благодаря СМИ, которые способствуют их распространению в обществе» [7, с.34].

Модные слова, возникшие, в результате метафорического переосмысления – это и существительные, и прилагательные, и глаголы. Рассматривая соотношение метафоры и лексических классов слов, Н.Д. Арутюнова выделяет следующие типы метафоры: а) субстантивная идентифицирующая метафора, составляющая в языке «основной ресурс «номинации» [1, с.358], б) образная метафора, «имеющая своим источником идентифицирующее (конкретное) имя и переключающая его в позицию предиката» [1, с.358]. Образным метафорам присуща, как пишет Н.Д. Арутюнова, «яркая первозданность», в) когнитивная метафора, свойственная предикатным словам (глаголам и

прилагательным). Процесс метафоризации в этом типе «сводится к присвоению объекту «чужих» признаков, т.е. признаков, свойств и состояний, выявляемых в другом классе предметов или относящихся к другому аспекту, параметру данного класса [1, с.361]. Метафора в модных словах – это, прежде всего, образная и когнитивная метафора.

Характеризуя феномен моды, А.В. Гофман пишет: «Стремление человека к новому опыту имеет в моде основное значение. Люди устают от старого и страстно желают нового [5, с.33]. Модные слова вербализуют этот новый опыт, активно используя метафорическую когнитивную модель. «На продуктивность метафоры как средства создания новых наименований сильное влияние оказывает ее антропометричность. Она выражается в том, что сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека анализировать что-то новое для себя по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми имеет дело человек в практической деятельности» [8, с.136]. Антропоцентричность метафоры наглядно проявляется как в русском, так и в китайском языках. Русское слово *рогалик* имеет значение: «маленькая булочка, имеющая форму рога» [2, с.1125]. В качестве модного слова оно стало названием жанра компьютерных игр, английское название которых (Rogerlike) имеет некоторое фонетическое сходство с *рогаликом*. Особенностью этих игр является не прямой (изогнутый) путь к финишу, и в русском языке эта черта нашла яркое воплощение в образной метафоре. Русское слово *облом* толкуется в словаре как «неудача, невезение, срыв планов» [9, с.670]. Будучи отглагольным, слово *облом* наследует когнитивную метафору, представленную в глаголе *обломаться*. Н. Д. Арутюнова указывает, что «метафорическое значение, приобретаемое теми или другими семантическими группами предикатов, предопределено той категорией неперцептивных сущностей, к которым данное значение прилагается» [1, с.364]. *Облом* в «модном» значении относится к именам эмоций, для которых характерны интенсивность и ограниченный срок существования. Эти семантические компоненты заимствуются из прямого значения глагола в результате семантического переосмысления.

В китайском языке модное слово *蜗居*(wōjū) «каморка» содержит образную метафору: в прямом значении это слово означает «дом улитки», то есть очень небольшое тесное помещение. Эти имплицитно присутствующие характеристики актуализируются в метафоре, так что возникает яркий наглядный образ. Модное слово *囧*(jiǒng) «смущение, неловкость, конфуз» – это иероглиф-смайлик, похожий на удивленное лицо с поникшими глазами и открытым ртом. Это иконический знак (метафора-икона) и одновременно результат метонимического переноса, внешнее выражение смущения становится обозначением переживания эмоции. Свою роль играет и значение данного иероглифа в древнекитайском языке: «прозрачное окно», «свет, светлый, озаренный». Метафорический образ делает прозрачным внутренним состоянием.

Н. Д. Арутюнова указывает, что «наиболее очевидными метафорическими потенциями обладают следующие категории семантических предикатов: 1) конкретные (физические) предикаты; 2) дескриптивные глаголы, в особенности те из них, которые включают в свое значение указание на способ осуществления действия и имеют одушевленный субъект; 3) предикаты, характеризующие узкий круг объектов и тем самым достаточно однозначно имплицитно предвещающие предмет сравнения» [1, с.362]. Русское слово *жест* в словаре толкуется как «очень тонкая листовая сталь» [2, с.2929]. Вместе с тем *жест* связано с *жестоким*. Таким образом возникает субстантивная предикативная метафора: *жест* – «признание жестокости нормой жизни, добровольное подчинение волчьим законам нашего дикого капитализма» [6, с.74]. Русское модное слово *подхрюкивать* связано с глаголом *хрюкать* – «О свинье: -издавать характерные отрывистые звуки, напоминающие «хрю-хрю»; также о некоторых других животных: издавать подобные звуки» [2, с.40027]. Значение модного слова основано на когнитивной метафоре слова: «хрюкать, вторя кому-либо, одновременно с кем-либо», переносное значение – «угодливо, с каким-либо умыслом соглашаться с кем-либо, поддерживать кого-либо» [4]. В китайском языке модное слово *卖萌*(màiméng) рождается в результате расширения значения: «прикидываться милым, кокетничать» только

в отношении детей и женщин, а сейчас – почти для всех (даже животных), кто ведет себя подобным образом. Модный китайский глагол 吆喝(yāohe) в процессе переосмысления получил значение «пропагандировать, распространять», и стал обозначать субъекта действия: продавец, промоутер, рекламщик. Данный предикат со значением «способ поведения» используется. В современном китайском языке появилось модное слово 雷(léi), прежде имевшее только прямое значение «гром». Сейчас оно употребляется как предикат и имплицитно предвещает предмет сравнения «ударить как гром» для выражения удивления.

Безусловно, вышеприведенная классификация не может претендовать на универсальное разделение типов метафор, которые связаны, в том числе, с грамматическим строем языка. Однако выявлено, что наиболее частотными являются образные и когнитивные метафоры. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «во всех случаях рано или поздно метафора исчезает... Переход метафоры к осуществлению вторичной для нее функции номинации исключает семантическую двуплановость, т. е. ведет в конечном счете к гибели метафоры» [1, с.366]. В обоих языках происходит огромное количество уникальных процессов, порождающих значительное количество модных слов, образующихся путем метафорического переосмысления и выражающих национальную специфику языковых картин мира. Отметим, что исследование модных слов не только актуально в настоящее время, но и перспективно в аспекте: когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, прагматики и социолингвистики.

Метафорические процессы, которые можно наблюдать в модных словах русского и китайского языков, показывают их сходство и с системными когнитивными процессами в этих языках. Однако в модных словах раскрываются новые возможности, заложенные в языковой системе. Модные слова несут в себе большой креативный потенциал, они раскрывают творческие способности носителей языка и становятся привлекательными для социума. Престижность модного слова неотрывна от яркой экспрессии, порождаемой метафорой. В модных словах получает отражение национальная специфика языковой картины мира.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Язык и мир человека», 1999.
2. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: «Норинт», 2004.
3. Вепрева И.Т., Мустайоки А. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62.
4. Викисловарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/подхрюкивать> (Дата обращения 09.12.2019).
5. Гофман А.В. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Наука, 2015. 228 с.
6. Новиков В.И. Словарь модных слов. М.: АСТ: CORPUS, 2018. 352 с.
7. Панова М.Н. Модные слова в речи чиновников // Русская речь. 2015. № 6. С. 34–39.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
9. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: Эксмо, 2007. 1132 с.

10.02.01

Г.К. Исмагилова канд. филол. наук, А.Р. Нурутдинова канд. педагог. наук

ФГАОУ Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра контрастивной лингвистики,
Казань, ismagilowagulyusa@yandex.ru, rstmnvn@gmail.com

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЖАРГОНИЗМЫ ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ В ИНТЕРНЕТЕ

Популярность сегодняшних Интернет - коммуникаций стала причиной заметного возрастания количества пользователей Сети. Находясь в Сети в течение долгого времени, молодое поколение придумывает собственный язык Интернет – коммуникации, который не может не вызывать интереса с лексикологического аспекта. Просторы виртуального мира стали частью жизни миллионов людей во всем мире. Современная молодежь как наиболее подвижная и переимчивая возрастная группа образует значительную часть общего количества пользователей. Объектом данной работы является жаргон, используемый подростками и молодыми людьми, при общении в рамках русскоязычных и англоязычных веб-сайтов.

Ключевые слова: лексика, жаргонизмы, Интернет, пользователь, русский, английский.

Жаргонные слова каждой социальной группы общества образуют недоступный для понимания неосведомленными язык общения, так называемый сленг. Жаргонизмы являются повторением языка писателя в форме, понятной исключительно объясняющимся людям в определенном обществе, синонимами традиционным определениям предметов, действий и дефиниций.

Актуальность этой статьи обусловлена необходимостью исследования довольно быстро развивающейся терминологии с учетом запросов информационного общества. На сегодняшний день эти слова сознательно применяют вместе с метафорами, синонимами, эпитетами для того, чтобы усилить и придать специальный окрас содержанию. В настоящее время жаргонизм является и общением в устной форме, и эффективным средством художественной выразительности.

Научная новизна статьи состоит в сопоставлении молодежного сленга, русскоязычных и англоязычных интернет – ресурсов. Основные результаты исследования могут стать научным основанием для дальнейших исследований в области изучения лексики ограниченного употребления.

Интернет-сленг по праву может считаться интернациональным феноменом, из – за того, что нестандартные ситуации общения формируются на всем его пространстве в независимости от национальных языков пользователей. По этой причине можно считать, что главная функция Интернет-сленга заключается в том, чтобы осуществлять продуктивное общение между людьми разного рода социального статуса, образования, возраста и национальности.

Таким образом, Интернет-сленг, являясь по форме эпистолярной формой, действительно входит в структуру разговорной речи и тем самым обладает всеми его базовыми показателями. Сленговая лексика в живой речи не может бытовать безотрывно от грамматической и фонетической формы. Неполноценная утвержденность фонетического и грамматического категорий, прерывистость и логическая противоречивость выражений в свою очередь являются своеобразными признаками сленгов. Разговорная речь также обогащается за счет лексического состава Интернет-сленга. Жаргонизму присущи простота, естественность и экспромтность коммуникации, экспансивность, образность, реакции восприятия. Сленгу приписывают вполне живые, то и дело утвердительные параметры. Далее нам будет предпринята попытка подвергнуть анализу лексические средства выражения эмоций в Интернет-сленге [3, 108].

Ключевую роль языка в Интернете признают практически все исследующие это явление ученые. Особенности интернет-коммуникации в целом и интернет сленг к примеру сказать вызывает не ослабевающий интерес отечественных и зарубежных ученых. В их число входят Ахманова О.С., Блау М.Г., Виноградов В.С., Сон Л.П., Стариченок В.Д., Розина И.Н., Факов В.Я., Сидорова М.Ю., Лимарова В.Я., Смирнов Ф.О., Turkle Sh., Schmitz U., Reuzabal M., Mingue H. и др.

Всем хорошо известно, что Интернет, на самом деле, вначале активно развивался и получил популярность только в США и странах Западной Европы, и потому с течением времени образовал особую среду, в которой преобладал английский язык, который был международным и потому универсальным языком для взаимодействия самых разнообразных наций и языковых групп. Здесь можно будет рассмотреть такое выражение / мем, как «ЛОЛ» или «LOL». Оно означает: «Laughing Out Loud» – то есть, буквально, «Смеюсь вслух». Бытует и схожее по смыслу «ROFL» – «Rolling On the Floor Laughing» («Катаюсь по полу от смеха») – тем не менее в устную речь этот образец входит крайне редко [4, 165].

Новые слова формируются и способом специальной деформации фонологической формы слова. В результате этого неологизмы оказываются связанными ассоциативно-образной связью со словами, образующими пласт разговорной, а порой и ограниченной лексики. А в дальнейшем такие слова вовсе переходят в разряд просторечных слов. В качестве иллюстрации мы бы могли привести следующие примеры:

1. юзать — применять. Возникло от английского to use – использовать. Этот глагол появился среди молодёжи очень давно, используется с начала нулевых. На сегодняшний день он уже прочно вошёл в повседневную жизнь. Употребляют его, как правило, когда говорят об обращении с разнообразными мобильными устройствами;

2. стримить — предоставлять материал (видео, аудио) в настоящее время. Оно также произошло от английского streaming, в переводе - потоковое транслирование. Слово «стримить» стало известным после того, как все пользователи Инстаграма, Фейсбука принялись проводить прямые видеотрансляции;

3. думер — от doomer — это поклонник игры Doom;

4. движок означает ядро, «двигатель» программного обеспечения;

5. хейтерство – свойственная исключительно для неизвестной среды Интернета категория межличностной вражды, применяющей разные средства такие как вымысел, насмешки, троллинг, лукавство и др. Данное явление во многих случаях обсуждается не только в самой Сети, но и в обычном СМИ;

6. чилить – расслабляться, отдыхать. Возникло от английского to chill – делать холодным. Молодые люди используют это слово для того, чтобы передать, что они проводят время бессмысленно, просто веселятся.

7. агриться – возмущаться, сердиться. Образовано от английского angry – злой, негодующий. Слово появилось в результате компьютерных игр. Там оно выражает, в первую очередь, наезжать на предполагаемого противника. В интернет-жаргоне «агриться» получило и дополнительный оттенок – показать агрессию, злобу применительно к любым темам, личностям;

8. гамать — играть, от английского слова game – игра. Гамать, гамить, гамиться — следовательно, тратить время за компьютерной игрой;

9. фуди — любители покушать, от английского слова food – пища. Молодые люди, которые любят вкусно покушать, нередко называют себя фуди. Они основательно подходят к выбору еды, брезгуют фастфудом из Макдональдса и элементарными блюдами типа яичница, макароны. Отправляясь в путешествие, фуди в первую очередь пробуют территориальную кухню. А дома они могут потратить много часов на приготовление сложного, но неординарного ужина. Для них поедание пищи приносит огромное удовольствие.

10. баг — постоянная ошибка в программе (англ. bug — жук). Термин не означает дефект, появившийся в силу износа, а ошибку, которая появляется спустя какое-то время на стадии работы программы.

Безусловно, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что Интернет является одним из числа наиболее ярких и впечатляющих феноменов медийной эпохи. Интернет — это не только (а может быть и не столько) особенная среда общения. Интернет — это многоаспектное явление, которое коренным образом изменило мир и наше представление о нем. Немалый компонент лексики, отличающейся разговорной, грубо-просторечной окраской, экспрессивностью, характерной молодежному сленгу, говорит о том, что в среде пользователей очень много людей молодого возраста [5, 70].

Проанализировав вышеизложенный материал, можно подытожить, что ни в коем случае нельзя относиться к жаргону, как к чему-то, тому, что только загрязняет речь. Жаргонизмы живут в сети полноценной жизнью, но воспринимаются нежелательными к использованию в литературном языке. Таким образом, мы можем назвать следующие положительные стороны жаргонизмов: молодежь любит использовать жаргоны, так как они раскрепощаются во время коммуникации, жаргоны делают речь быстрым и общение в целом становится более быстрым, живым, веселым. Несмотря на то, что жаргон считается разговорным языком, большинство ученых из Великобритании включают жаргон в свои словари. Сегодняшняя молодежь все больше и больше пользуется социальными сетями, аськами и прочими такими вещами..., и поэтому так много жаргонизмов, в которых нынешний человек волей-неволей разбирается считают британские лингвисты.

Список литературы

1. *Быков В.А.* Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1993., 222 с.
2. *Граудина Л.К., Ширяев Е.Н.* Культура русской речи, Москва: Норма, 2005, 23 с.
3. *Исмагилова Г.К., Сигачева Н.А.* Газетные статьи как средства повышения мотивации чтения на иностранном языке в непрофильных вузах // *Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки и образования»* Белгород, 2017. - № 4. С. 108-111.
4. *Исмагилова Г.К., Сигачева Н.А., Яхин М.А.* Русские заимствования в творчестве татарских писателей, *Казанская наука*. — № 10. - Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом. — 2018г., 165 с.
5. *Исмагилова Г.К., Фахретдинова Э.И., Михеева С.Д.* Русскоязычные жаргонизмы из англоязычной среды в Интернете // *«Современные технологии в мировом научном пространстве» Сборник статей Международной научно-практической конференции 25 мая 2017 года.* - Часть 5, г. Пермь, НИЦ Аэтерна, 2017 г. С.70-71.
6. *Приёмышева М.Н.* Из истории употребления слов арг и жаргон в русском языке. *Русский язык в школе*, 2009., 60 с.
7. *Рабинович Е.Г.* Риторика повседневности: Филологические очерки. - СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000., 26 с.
8. *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология: учебник для студентов вузов. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Аспект Пресс, 2011. 464 с.
9. *Скачинский А.А.* Словарь воровского языка. Тюмень, 1991., 24 с.
10. *Скворцов Л.И.* Культура языка — достояние социалистической культуры: Кн. для внеклассного чтения. (VIII-X кл.).- М.: Просвещение, 1981., 116 с.

10.02.01

А.В. Кривицкая

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Стерлитамак, nastena.str@yandex.ru

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ» В ЭРГОНИМАХ ПИТЕЙНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В работе представлены наиболее распространенные в республике Башкортостан эргонимы питейных заведений, относящиеся к тематическому полю «Употребление алкоголя».

Ключевые слова: *эргоним, тематическое поле, эргонимический термин.*

Тематическое поле «Употребление алкоголя» является частью лексической системы языка и отличается чёткостью внутреннего строения и определенностью границ, что связано с семантическими особенностями входящих в него лексических единиц. Тематическая группа (поле) представляет собой совокупность большого числа слов, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, единиц разных частей речи, относящихся к одной сфере действительности [3, с. 97]. Исследование тематических групп в составе актуального лексикона позволяет описывать и качественно, и количественно понятийные области, зафиксированные в языке [2, с. 8]. При всём многообразии материала, интерпретируемого как поле, целесообразно выделить некоторые наиболее общие характеристики лингвистического поля: поле представляет собой множество лексических элементов, связанных между собой специфическими структурными отношениями ядро-периферия, для которых характерна максимальная концентрация основополагающих признаков при ослаблении их интенсивности на периферии. Исследователь Долгова Е.Ю., считает, что тематическое поле «Употребление алкоголя» выражено совокупностью элементов, среди которых основными принято считать следующие:

- субъект ситуации – лицо (группа лиц), употребляющих спиртные напитки;
- объект ситуации – спиртные напитки;
- процесс употребления спиртных напитков;
- состояние человека после употребления спиртных напитков.

Так же отмечены элементы, находящиеся на периферии тематического поля:

- ёмкости для спиртных напитков, меры емкости;
- изготовление спиртных напитков;
- места продажи, употребления и изготовления спиртных напитков.

Учитывая данную классификацию, проанализируем эргонимы питейных заведений центральных городов Республики Башкортостан (Уфа, Стерлитамак, Салават, Ишимбай и др.) В республике Башкортостан чаще всего используются наименования, открыто говорящие об алкогольной продукции и месте его продажи. Таким образом, эргонимы содержат доступные для понимания слова магазин, бар и т.п., совпадая с эргонимическим термином. Эргонимический термин – это носитель важнейшей категориальной информации, который содержит сведения о типе и профиле предприятия, играет классифицирующую роль (выполняет функцию введения в ряд, без которой существование эргонима невозможно) [4, с. 76].

По нашим подсчетам, к тематическому полю «Употребление алкоголя» относятся почти 50% эргонимов питейных заведений, зафиксированных нами в 2017-2019гг. (393 наименований из 810). Расположим результаты анализа по частоте использования:

1. Эргонимы обозначающие места продажи, употребления и изготовления спиртных напитков (56,2% - 221 наименований из 393):

1.1.называющие место продажи (28,2% - 111 наименований из 393):

- имеющие в своем составе эргонимический термин «магазин» (место продажи): «Магазин пенных напитков», «Магазин разливных напитков», «Магазин разливного пива», «Магазин разливного пива на Блюхера», «Необычный магазин разливных напитков», «Пивной магазин» и др.;

- имеющие в своем составе сокращенный эргонимический термин «маг»: «БирМаг», «ГЛАВПИВМАГ», «ПИВМАГ», «Пивмагъ»; в том числе термин, записанный латиницей: «BeerMag», «Prazeska beermag» и др.;

- имеющие в своем составе иноязычный синоним эргонимического термина: 1) для повышения статуса заведения: «Алкомаркет», «БирМаркет», «Бутик напитков»; в том числе синоним, записанный латиницей: «Beer Market»; 2) для выражения широкого ассортимента: «Дом пива», «Пивоцентр», «Сеть магазинов разливных напитков», «Уфапивдом.рф», «Центр бочковых напитков», «Центр пенных напитков»; 3) для привлечения внимания с использованием дореволюционных терминов: «Гастраномъ пива», «Лавка разливных напитков», «Пивная лавка», «Пивной дворик», «Пенный дворик», «Хмельной двор» и др.;

- не называющие эргонимический термин, а лишь подразумевающие его: «ПЕРВЫЙ КЕГОВЫЙ», «Первый пивной», «Разливной», и др.

1.2. называющие место употребления (28% - 110 наименований из 393):

- имеющие в своем составе эргонимический термин «бар»: «Пенный бар», «Спорт-бар»; в том числе записанные латиницей: «Boardwalk Empire Bar», «Budda bar», «Peev-bar», «Redbox bar», «Sportbar», «Jagger bar» и др.;

- имеющие в своем составе синоним эргонимического термина: «pub»: «Bob`s pub», «Irish Dublin pub», «Morris Irish Pub & Grill», «Harat`s pub» и др. или «cafe»: «Rock`s cafe», «Cafe Cuba», «The Cafe» и др.

- не называющие эргонимический термин, а лишь вызывающий ассоциации с ним: «Вдали от жен», «Наше место», «У камина» и др.

Эргонимы, называющие одновременно и место употребления и место продажи: «бар-магазин разливного пива», «Магазин-бар разливных напитков».

Выделим эргонимы «ГАЛЕРЕЯ разливных напитков», «Империя разливных напитков», «Пивная академия». С одной стороны, они достаточно близки к эргонимическому термину, с другой – имена существительные (империя – государство, держава; галерея - помещение для демонстрации предметов искусства; академия - учебное заведение, научная организация) делают их уникальными.

2. Эргонимы, называющие спиртные напитки (19,7% - 77 наименований из 390):

- имеющие в своем названии слово «пиво»: «Башкирское пиво», «Главпиво», «Живое пиво» и др.; в том числе записанные латиницей «BEER»: «BEER», «Beer & go», «Best Beer», «Draught beer», «Fresh Beer», «Great Beer» и др.; или записанное при помощи транслитерации: «Мегабир», «Ситибир»;

- имеющие в своем составе корень «пив»: «Пивасик», «ПивАсс», «Пивко», «ПивКО», «Пивнячок» и др.;

- имеющие в своем составе синоним алкогольного напитка: «Вино и другие лекарства», «40 градусов», «Ершъ», «Малая крепость», «Перевары», «Разливушечка», «Razlivные Напитки», «Хмель & Эль» и др.;

- не называющие алкогольный напиток, а лишь подразумевающий его: «Живое разливное», «Коллекция разливного» и др.;

- не называющие напиток, а лишь вызывающие ассоциацию с ним: «Красное & Белое», «Светлое & Темное», «Темное и светлое» и др.;

3. Эргонимы, называющие емкость для спиртных напитков (9,5% - 37 наименований из 390): «Бочка», «Мега кега», «Пивная бочка», «ПИНТА», «Славный бочонок», «Хмельной бочонок», «Янтарная кружка» и др.; в том числе записанные латиницей: «KEGA» и др.;

4. Эргонимы, называющие субъекта, употребляющего напитки (7,2% - 28 наименований из 390): «Большой гурман», «Баринъ», «Барон», «Дружище», «Пан Пиванъ», «Пивной Босс», «Пивоман», «Сэр» и др.;

5. Эргонимы, связанные с изготовлением спиртных напитков (4,1% - 16 наименований из 390):

- называющие сырьё для изготовления напитка: «Добрый хмель», «Солод и Хмель», «Хмелъ»;

- называющие человека, изготавливающего напитки: «Алковар», «ПиВОвар», «Хмельник» и др.;

6. Эргонимы, обозначающие процесс употребления спиртных напитков (2% - 8 наименований из 390): «Давай за...», «По Кружечке», «По пивку», «По пивчику!» и др.;

7. Эргонимы, называющие состояние человека после употребления спиртных напитков (1,5% - 6 наименований из 390): «Добрый», «ПивЗдрав» и др.

Исходя из нашего анализа можно сделать вывод, что такие элементы тематического поля «Употребление алкоголя» как место продажи, изготовления и употребления спиртных напитков, находящиеся на периферии в классификации Е.Ю.Долговой, в нашей классификации имеют числовое преимущество и являются ведущими. Вероятно, это происходит из-за того, что исследователь Долгова проводит сплошную выборку из словарей русского языка: толковых, семантических, идеографических, тематических, фразеологических, паремиологических и др., а мы в нашем исследовании рассматриваем динамично развивающееся направление современной эргоники.

Список литературы

1. Долгова, Е.Ю. Лексика и фразеология, связанные со сферой употребления спиртных напитков, в русском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Долгова Елена Юрьевна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т] - Самара, 2009 - Количество страниц: 177 с. Самара, 2009. 177 с.
2. Ерофеева Е.В., Худякова Е.С. Психолингвистическое исследование ценностных установок билингвов (на материале тематической группы «Человек») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Выпуск 2(18). – С. 7-16.
3. Попова З.Д. Лексическая система языка: (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения): учебное пособие / Попова Зинаида Даниловна, Стернин Иосиф Абрамович. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1984. — 148 с.
4. Романова Т.П. Эволюционные процессы в области современной российской эргономической терминологии / Т. П. Романова // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3. — С. 76-83.

10.02.01

О.О. Петрова канд. филол. наук

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Калуга, poks1990@yandex.ru

ВИДЫ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В ЛИРИКЕ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

Данная статья посвящена обзору метонимических переносов в поэзии Игоря Северянина. Автор отмечает наиболее характерные модели метонимии для языка лирики поэта Серебряного века, иллюстрируя их многочисленными примерами. Более частотной в стихотворениях И. Северянина выступает субстантивная метонимия. Менее представлена адъективная метонимия. Кроме того, автор отмечает случаи синкретизма метонимии с прямым или метафорическим значением. Данная статья может быть полезной как для специалистов в области языкознания, так и для литературоведов.

Ключевые слова: *лексическая метонимия, модели метонимических переносов значений, субстантивная метонимия, адъективная метонимия, синкретизм значений.*

Следует отметить неоднозначность подходов к рассмотрению метонимии. Филологи-лингвисты пишут, как правило, о языковой или речевой (дискурсивной) метонимии, то есть рассматривают её как лексическое явление. Филологи-литераторы понимают метонимию более широко — в отношении к словам или фрагментам текста, формирующим образ. Анализируя творчество В.В. Маяковского и Б. Пастернака, М.Л. Гаспаров приводит многочисленные примеры как лексической, так и текстовой метонимии [4: 384 и след.]. Наиболее широко метонимию в отношении художественного текста рассматривал Р. Якобсон. Он пишет: «Его (Пастернака) лиризм, в прозе или в поэзии, пронизан метонимическим принципом, в центре которого ассоциации по смежности» [12: 329]. Для Р. Якобсона метонимия — это смежность образов, созданных словами или более протяженными языковыми средствами.

Вопросы лексической метонимии рассматриваются в работах Ю.Д. Апресяна, М.В. Сандаковой, Р.И. Розиной, О.П. Ермаковой, М.М. Покровского, А.Н. Ерёмкина, О.О. Петровой. [1; 11; 10; 7; 9; 5; 6]. Как «...перенос имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности...» определяет метонимию Н.Д. Арутюнова [2: 236]. Именно данное определение лексической метонимии взято за основу в настоящем исследовании.

Для поэзии И. Северянина характерно обилие лексических метонимий разного плана, прежде всего субстантивных и адъективных (В.В. Виноградова отмечала: «метонимия... частый троп в поэзии И. Северянина» [3: 122]). Из них самые разнообразные по моделям — субстантивные метонимические переносы. Это обусловлено тем, что наиболее контрастные оппозиции денотативных областей, представленных прямым и метонимическим значениями, свойственны существительным, менее — прилагательным и не свойственны глаголам. Прямое и метонимическое значения глагола — всегда действия.

Отметим наиболее любопытные и частотные модели субстантивных и адъективных метонимических переносов, встречающиеся в стихотворениях И. Северянина.

Метонимия имен существительных

1. Наиболее яркими субстантивными метонимиями являются переносы, построенные по модели: **обозначение отвлеченного качества → обозначение по смежности лица.** Рождается оценочная метонимия.

Вот прифрантившееся **обнищанье** / Глядит сквозь розовенькие очки, / Как в банях выпаренные мешане / Надели чистые воротнички.... / Три дочки **Глупости** — / **Бездарность, Зависть** / И **Сплетня** — шляются, кичась, в толпе, / Где пышно чествуются мать красавиц, / Кто в праздник выглядит ещё глупей. / Их лакированные кавалеры — / Хам, **Вздор** и барственный на вид **Разврат**, / — Собой довольные сверх всякой меры, / Бутылки выстроили вдоль ковра. / Кинематографом и лимонадом / Здесь открываются врата в тела, / И **Пошлость** радуется: «Так и надо», / И **Глупость** делает свои дела. «Праздники»

Народ, угнетаемый **дрянью**, / Безмозглой, бездарной, слепой. / Усвоил повадку баранью: / Стал глупый, упрямый, тупой. «Поэза упадка»

В этих стихах есть аллюзия к А.С. Пушкину: Ты там на шумных вечерах / Увидишь важное **безделье**, / **Жеманство** в тонких кружевах / И **глупость** в золотых очках, / И тяжелой **знатности** веселье, / И **скуку** с картами в руках. Всеволодскому «Прости, счастливый сын пиров...»

2. Обозначение предмета → обозначение по смежности лица.

Мясо наелось мяса, **мясо** наелось спаржи, / Мясо наелось рыбы и налилось вином. / И расплатившись с **мясом**, в полумясном экипаже / Вдруг покатило к **мясу** в шляпе с большим пером. / **Мясо** ласкало **мясо** и отдавалось **мясу**. / И сотворяло **мясо** по прописям земным. / **Мясо** болело, гнило и превращалось в массу / Смердного разложения, свойственного мясным. «Поэза 'Villamonrepos'»

3. Любопытны модели оценочной метонимии: **обозначение предмета, животного → обозначение по смежности социокультурного символа**. Такого рода метонимию можно определить как «коннотативная».

Мы обокрадены своей эпохой, / Искусство променявшей на **фокстрот**. «Бальмонту».

Фокстрот – символ ‘низкопробной формы искусства’.

И надев одеянье, изготовленное Славой / Для прославленных исто, то есть вовсе не для них, / **Животами** пустились в пляс животную оравой, / И скрываясь от гнуса со стреноженной пляской, / От запросов **желудка**, от запросов **живота**, / Смотрят с болью, презреньем и невольною опаской / На былого человека, превращенного в кота. «Стреноженные плясуны»

Желудок – символ ‘потребности в еде’; **живот** – ‘символ биологической стороны жизни человека’.

4. Выразительна модель переноса: **обозначение артефакта → обозначение социально устоявшейся оценки артефакта (при гиперонимическом смещении его семантики)**.

Да разве это жизнь — в болоте дрязг житейских, / В заботах мелочных о **платье** и **куске**, / В интригах, в сплетнях, в сальностях лакейских / С физиологией гнусней, чем в кабаке? «Развенчание»

Платье ‘одежда’; **кусоч** ‘пропитание’.

5. Небезынтересен перенос модели: **обозначение лица → оценочное обозначение по смежности этого же лица**.

Меж тем как век - невечный – мечется / И знаньями кичится век, / В неисчислимом человечестве / Большая редкость — **Человек**. «Стихи о человеке»

6. Нередки переносы модели: **обозначение автора → обозначение по смежности его творчества**.

Имя автора может замещать местоимение-существительное. Нередко прямое и метонимическое значения синкретичны.

Пастельно-мягок ясный **Бунин**, / Отчетлив и приятно свеж; / Он весь осолнечен, олунен, / Но незнаком ему мятеж. / **Кузмин** изломан чрезмерно, / Напыщен и отвратно-пряч. / Рокфорно, а не камамберно, / Жеманно-спецно обуян. / Нет живописней **Гумилева**: / В лесу тропическом костер! / Благоговейно любит слово. / **Он** повелительно-остер. «5 поэтов»

Меня не любят корифеи - / Им неудобен мой талант: / Им изменили лесофеи / И больше не плетут гирлянд. «Рескрипт короля»

7. Динамику образной ткани стихотворения придают обратно направленные актантные метонимические модели: **обозначение предмета (потенциального актанта) → обозначение действия, свойственного предмету**. Здесь часто наблюдается синкретизм прямого и метонимического значений.

И не грустя о шелке луга, / Услады *плуга* не познав, / Ты, для кого зеркалит Луга, / Глядишься в мутный блеск канав. «Ямбург»

Уют усадеб в пору листопада. / Благая одиночества отрада. / *Ружье. Собака. Серая Ока.* / Душа и воздух скованы в кристалле. / *Камин. Вино. Перо из мягкой стали.* / По отчужденной женщине тоска. «Бунин»

Из скромных домиков их гонят: кто - *дубиной*, / Кто - жаркой *банею*, кто - ватным *армяком*; / Кто подогадливей, их просто гонит *хиной*... «Пора безжизния»

8. **Обозначение актуального действия лица → обозначение потенциального действия лица.**

Вокруг нас жуть: в трагичном и смешном, <...> Во всем таится *мечь, вражда и вызов*. «Т.А. Горфман»

9. **Обозначение предмета → обозначение запаха от предмета**

Оттого так душисты мечты — / Не сиреневые ли цветы? / Оттого в упоенье душа, / Постоянно *сиренью* дыша... / На земле в красоте / Идти лесными тропами легко, / Бесчисленные обходить озера, / Идти не очень тихо и не скоро, / Дышать *сосной* и влагой глубоко. «В пустые дни»

Дышали уста *Изабеллой* — / Чуть терпкой, чуть тленною ленью... / «В тот май»

Метонимия имен прилагательных

Общим направлением для многих адъективных метонимий является модель: **являющийся таким (о человеческих качествах — денотативное поле «лицо») → обнаруживающий такое (денотативное поле «предметность»).**

Наивны сморщенные книги / Прадедушек, но аромат, / Как бы ни спорил Каратыгин, / Неподражаемый хранят. «Дюма и Верди»

Идеи *вздорные*, мечты напрасные, / Что в «их» теориях — путь к Божеству? «Крашенные»

Ее лорнет *надменно-беспощаден*, / Пронзительно-блестящ ее лорнет. / В ее устах равно проклятью «нет» / И «да» благословляюще, как складень. «Гиппиус»

1.1. **Являющийся таким (о человеческих качествах) → предметность, вызывающая такое качество.**

Сыграй мне из «Пиковой дамы», / Едва ль не *больнейшей* из опер, / Столь трогательной в этой самой / Рассудочно-черствой Европе. / «Играй целый вечер» / При свете *радостной* зари / В оранжевом соку / Уж вскоре будут глухари / Томиться на току. «Накануне весны»

1.2. **Являющийся таким (о человеке) → отражающий такое во времени (предметность).**

О ты, столетняя крапива, / Нам Расскажи про прежний пир, / Про вкус *студенческого* пива, / Про лязг студенческих рапир... «Юрьев»

2. **Отраженная метонимия.**

Художественного салона / И *пьяной* харчевни стезя / Совпали по сходству уклона. / Их было различить нельзя. «Поэза упадка»

И ты, вечерняя прогулка / На тройке вдоль Москвы-реки! / Гранатного ли переулка / *Радушные* особняки... «Стихи Москве»

Всегда-то *грязный и циничный*, / *Солдатский, пьяный, площадной*, / С культурным краем пограничный, / Ты мрешь над лужскою волной. «Ямбург» [В данном примере синкретичны прямое и метонимическое значения как главного, так и зависимого слов].

В заключение отметим: метонимия как троп часто синкретична с прямым или метафорическим значением (*меня* не любят корифеи); (Ведь кто живописует площадь, Тот пишет кистью *площадной*) (кисть ориентирована на описание жителей площади иконотативно символизирует низовые культурные ценности); нередко метонимия опирается на метонимическое или метафорическое исходное значение (постоянно *сиренью*

дыша: 'кустарник' → 'цветок кустарника' → 'запах цветка кустарника'); адъективная метонимия может сочетаться с именем в прямом, метонимическом или метафорическом значениях (При свете *радостной зари*... И *пьяной харчевни* стезя... Гранатного ли переулка *Радужные особняки*...

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995. – 472 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метонимия // Русский язык: энциклопедия. — М., 1997
3. Виноградова В.В. Игорь Северянин // Очерки языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. — М., 1995. — С. 100 – 132.
4. Гаспаров М.Л. Владимир Маяковский // Очерки языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. — М., 1995. — С. 363 – 396.
5. Ерёмин А.Н. Метафора. Метонимия. Оценка // Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований». Екатеринбург.- 15 - 17 октября 2019 – С. 74 -77
6. Ерёмин А.Н., Петрова О.О. Модели метонимического переноса у глаголов // Казанская наука: Издательство «Казанский Издательский Дом», 2019 , №4. – С. 59 - 61
7. Ермакова О.П. Семантический эллипсис или семантический сдвиг? (О разговорном употреблении конструкций типа: после селедки хочется пить, опоздал из-за детей) // Язык, факты, гипотезы: сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика Н.Ю. Шведовой. — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2016. — С. 293—301.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. — М., 2003. — 1597 с.
9. Покровский М.М. Соображения по поводу изменения слов // Избранные работы по языкознанию. — М.: Издательство Юрайт, 2018 (Серия: Антология мысли). — С. 36 – 60.
10. Розина Р.И. Семантическая деривация в аспекте нормы // Современный русский язык: Система – норма – узус / Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова РАН. — М.: Языки славянских культур, 2010 – (Studiophilologica). — С. 96 – 140.
11. Сандакова М.В. Метонимия прилагательного в русском языке. Монография. — Киров: Старая Вятка, 2004. — 280 с.
12. Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике / Сост. и общ.ред. М.Л. Гаспарова. — М.: Прогресс, 1987. С. 324 – 339.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Д.Г. Акубекова канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
Уфа, madam.akubekova@yandex.ru

**К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР
В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ**

В статье рассматриваются вопросы перевода аббревиатур в профессионально-ориентированных текстах. Представлены возможные способы переводческих трансформаций для адекватной передачи содержания иноязычного текста.

Ключевые слова: *аббревиация, перевод, профессионально-ориентированный текст, контекст.*

Целью овладения иностранным языком на неязыковых специальностях считается сформированность профессиональной коммуникативной компетенции, что предполагает специальное обучение профессионально значимым навыкам и умениям в сфере будущей трудовой деятельности на базе научных текстов.

Актуальность представленной статьи обусловлена значимостью адекватного и эквивалентного перевода профессионально-ориентированных текстов.

Языку научных текстов «... свойственны логичность, смысловая точность, объективность изложения, стереотипность...» [1] – единообразие и устойчивость при организации языкового материала, распространяемая на широкий круг явлений: стилистические проявления, синтаксические конструкции и применение особого пласта лексики – терминов, которые включают в себя как уже существующие, так и только появившиеся понятия в той или иной отрасли науки и техники. В немецком языке данный пласт лексики обозначается как Fachlexik, Berufslexik, в английском языке – LSP (Language for Specific Purposes) и ESP (English for Specific Purposes), где ESP – скорее является средством приобретения профессиональных знаний, нежели целью обучения. Следует отметить, что термины подчиняются общезыковому закону словообразования, т.е. новая профессионально ограниченная лексика может быть образована посредством префиксации, суффиксации, конверсии, словосложения и аббревиации в том числе.

Аббревиация как способ словообразования представляет сложное, многогранное явление, уходящее своими корнями в далекое прошлое, так, еще римляне обозначали сотни буквой С (centum), тысячи – М (mille); в латыни употреблялись, например, сокращения N.B. – nota bene или P.S. – post scriptum. Распространение аббревиатур связывают с появлением в реальной действительности сложных денотатов, требующих для своего обозначения словосочетаний или сложных слов. Функция аббревиатуры в процессе коммуникации заключается в более экономном выражении мысли и устранении избыточности информации, т.е., мы имеем дело с оптимизацией речевого сообщения посредством создания предельно экономных и семантически емких номинативных единиц. Необходимо отметить, что различают 2 основных вида сокращенных слов: лексические сокращения (аббревиатуры) – сложносокращенные слова, образованные путем удаления части составляющих их письма или от частей слов (the USA, die BRD, СНГ, УМКК) и графические сокращения – применяемые в письме сокращенные обозначения слов (usw, и т.д., кв.м). Лексические сокращения (аббревиатуры) функционируют как самостоятельные слова. Графические сокращения словами не являются, применяются только на письме и при чтении расшифровываются и читаются полностью.

Следует подчеркнуть, что единой классификации аббревиатур в лингвистике не существует. Так, В.В. Виноградова различает 8 типов сокращений: буквенные сложения, фонемные, буквенно-фонемные, слоговые, фонемно-слоговые, слого-словные, слого-словоформные, слоговые «телескопические». В основу классификации Э.А. Халифмана был положен родово-видовой принцип, где он разделяет аббревиатуры и усеченные слова. Е.А. Дюжикова подразделяет морфологические сокращения на три типа: слоговые аббревиатуры, инициальные аббревиатуры и сложно-слоговые аббревиатуры, в состав которых входят не только редуцированные части слов, но и полные слова. Сложно-слоговые аббревиатуры по морфологической классификации Е.А. Дюжиновой были разделены на собственно сложнослоговые (BoulMich <Boulevard Saint Michel), сращения (smog<smoke +fog) накладки (bedventure<bed+adventure), вставки (askillity<ability+skill) и частично сокращенные слова (prepschool<preparatory+ school) [3].

При работе с научным (техническим) текстом студентам необходимо усвоение терминов по своей специальности. Часть терминов будет в обязательном порядке представлена аббревиатурными единицами: “Abbreviations are widely used in modern texts..., especially in English. In a recent research of English Wikipedia, articles contain an average of 9,7 abbreviations per article, and more than 63% of the articles, were found to contain abbreviations” – «Аббревиатуры широко используются в современных текстах..., особенно в английском языке. Недавнее исследование английской Википедии показало, что каждая статья содержит 9,7 аббревиатур, и более 63% статей имеют в своем тексте хотя бы одну аббревиатуру...» [2]. Для успешного использования данных единиц требуется осмысленный подход к «раскодированию» аббревиатуры. Так, аббревиатура ABC в английском языке имеет 238 значение (согласно словарю акронимов и аббревиатур – The Web’s largest Resource for Acronyms and Abbreviations), начиная от “Australian Broadcasting Corporation” (Австралийская телекомпания) и “Automatic Brightness Control” (автоматическая регулировка яркости) до “Always Believe in Christ” (религиозное сообщество «Веры в Христа»), тем самым еще раз подчеркивая значимость контекста.

Традиционно выделяют следующие способы перевода аббревиатур:

1. Перевод соответствующей аббревиатурой русского языка. Чаще всего переводятся таким образом узнаваемые общие термины, которые будут наверняка понятны аудитории без расшифровки, такие как РС (ПК), UFO (НЛО) или FMS (ГПС).

2. Описательный перевод аббревиационного сокращения его полной формой. Этот способ применим в тех случаях, когда в русском языке нет соответствия понятию, которое означает аббревиатура, то есть явление присуще только стране-донору, например, PhD (Doctor of Philosophy), которое мы не переводим как ДФ, а только как «доктор философии», или BO (Bed Only) – «размещение в гостинице без питания».

3. Интернациональные аббревиатуры (чаще в компьютерной индустрии) переводу не подвергаются: HTML, CDROM, DVD.

4. Названия политических организаций и других обществ часто транслитерируют, как, например, NATO (North Atlantic Treaty Organization) – НАТО, UNESCO (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) – ЮНЕСКО.

Авторские аббревиатуры можно переводить подобными сокращениями, однако обязательно нужно расшифровать их при первом упоминании в тексте. Например, в известной повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид»: «...Так появилась особая сеть детских домов-школ, в шеренгу которых стала и вновь испеченная «Школа социально-индивидуального воспитания имени Достоевского», позднее сокращенная ее дефективными обитателями в звучное «Шкид»...

Для удачной переводческой трансформации аббревиатур необходимо соблюдение последовательности этапов работы с текстом, а именно:

1 тщательный анализ контекста. Для выяснения общей картины необходимо ознакомиться со всем текстом, даже если расшифровка аббревиатуры предоставлена;

2 использование новейших словарей сокращений. Сокращения относятся к числу самых подвижных элементов лексики, а словари аббревиаций и акронимов устаревают гораздо быстрее, чем другие лингвистические словари, поэтому вероятность столкнуться с сокращениями, не нашедшими еще отражения в словарях, очень велика. При работе со словарем в ходе расшифровки аббревиатуры следует заранее установить по контексту, к какой сфере деятельности относится переводимое сокращение; следует иметь в распоряжении двуязычные общие и терминологические словари;

3 использование аналогий. Использование аналогий связано со структурным анализом аббревиатур (применяется как вспомогательный метод, так как может обеспечить только приблизительное понимание сокращения).

Относительно более употребительных и однозначных *ABS – acrylonitrile butadiene styrene* (бутадиен-стирол); *ALU – arithmetic-logical unit* (арифметико-логическое устройство); *CAM – computer-aided manufacturing* (система автоматизированного управления технологическим процессом); *CNC – computer numerical control* (числовое программное управление); *ECPD – the American Engineer's Council for Professional Development* (американский совет инженеров по профессиональному развитию); *FMS – flexible manufacturing system* (гибкое автоматизированное производство); *FWD – front-wheel drive* (передний привод); *GRP – glass-reinforced plastics* (стеклопластик); *HGV – heavy goods vehicle* и *LGV – large goods vehicle* (большие грузовые транспортные средства); *PVC – polyvinylchloride* (поливинилхлорид); *RWD – rear-wheel drive* (задний привод); *4WD – four-wheel drive* (полный привод) требуется обычная рутинная работа в виде лексико-грамматических упражнений, направленных на формирование и совершенствование профессиональной коммуникативной компетенции обучающихся.

Таким образом, аббревиация как способ словообразования – замена какого-либо устойчивого языкового выражения более коротким эквивалентом с сохранением первоначального смысла – служит для рационализации коммуникативного акта, что является основополагающим фактором при формировании научного (технического) текста. Для эффективной работы в профессиональной сфере необходимо постоянно отслеживать появление аббревиативных явлений, изучать их национально-специфические и контекстные особенности.

Список литературы

1. Акубекова Д.Г. Роль профессионально-ориентированных текстов в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Языковые единицы в свете современных научных парадигм - Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Газизов Р.А отв.редактор. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018 С3-6
2. Ammar W., Darwish K. ICE-TEA: In-Context Expansion and Translation of English Abbreviations // Waleed Ammar, Kareem Darwish, Ali El Kahki, Khaled Hafez [Электронный ресурс] // URL:<https://wammar.github.io/pubs/icetea.pdf> (дата обращения: 12.11.2019)
3. Дюжилова Е.А. Аббревиация сравнительно со словосложением (на материале современног английского языка): Автореф.дис на соиск.науч.степени д-ра филол.наук. М.,1997. – 96 с.

10.02.04

**И.В. Белкина канд. филол. наук, Е.В. Машкова канд. филол. наук,
Ю.Н. Яценко канд. филол. наук**

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский
университет»,

Институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации,
Белгород, Yatsenko_yu@bsu.edu.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПАМЯТЬ» ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена анализу лексико-семантических особенностей глаголов английского языка, вербализующих концепт «память». В фокусе внимания находятся глаголы движения, способные на функциональном уровне, в рамках предложения-высказывания, номинировать процессы воспоминания, сохранения, забывания и запоминания.

Ключевые слова: *концепт, концептуальный анализ, концептуальная метафора, мнемические процессы, системный уровень, функциональный уровень, концептуальный признак.*

Традиционно считается, что именно объект обуславливает выбор методов, а также характер исследования. Процессы памяти (запоминание, сохранение (включая обратный процесс – забывание), воспроизведение индивидом своего опыта) относятся к ментальной сфере. Это значит, что они протекают в незаметной для окружающих форме, не находя внешнего проявления в невербальных компонентах общения (мимике, пантомимике и жестах). Тем не менее, говорящий в процессе общения может испытывать потребность сообщить собеседнику о своем психическом состоянии, в частности о том, как именно протекают процессы памяти, какой эмоциональный опыт активизируется параллельно с процессами воспроизведения, запоминания, сохранения информации. В качестве иллюстрации к сказанному приведем цитату из словарной статьи электронного варианта Webster's International Dictionary, посвящённой лексико-семантическому описанию английского глагола remember: "When people talked about things they could remember Matey always wondered which kind of remembering they meant — the kind that was just a sort of knowing how something in the past had happened or the other kind when suddenly everything seemed to be happening all over again" [1]. Данный пример достаточно наглядно иллюстрирует два способа осмысления мнемических процессов. С одной стороны, память может рассматриваться как источник объективной информации о событиях прошлого. С другой стороны, процессы памяти могут оцениваться как субъективно переживаемые, когда ментальные процессы и действия сопровождаются определёнными эмоциональными состояниями. Ситуация первого типа описывается в английском языке главным образом глаголами, у которых значение одного из процессов памяти является системным, зафиксированным в словаре. Это такие глаголы, как to remember, to remind, to reminisce, to recall, to forget, to memorize, to recollect, to bethink, to mind и т.п. Ситуация второго типа, когда особенности протекания процессов памяти становятся объектом рефлексии, описывается на языковом уровне преимущественно глаголами других семантических групп (движения, чувственного восприятия, сохранения, познания, мышления). Тем не менее, эти глаголы выступают синонимами для глаголов с системным значением памяти в рамках когнитивной семантики, поскольку за ними стоит общее когнитивное основание, концепт «память». В современной лингвистике уже давно постулируется идея о множественности

воплощения когнитивных структур, когда одна и та же когнитивная структура может быть выражена различными значениями одного и того же слова (полисемия) или значениями разных слов (синонимия) [2]. Так, обращение к когнитивным категориям позволяет по-новому взглянуть на такую традиционную проблему семантики, как (квази)синонимия. Новизна когнитивного подхода к семантическому анализу лексики состоит в том, что семантическое сходство (интегральные признаки) и различия (дифференциальные признаки) между словами близкими по смыслу истолковываются либо как результат актуализации названными словами отдельных элементов концептуальной структуры, либо как результат выделения (профилирования) того или иного участка в пределах соответствующей ментальной области, либо как результат пересечения смежных структур. Таким образом, учёт принципа множественности воплощения когнитивных структур в языке позволяет в сфере лексических исследований выявить более глубокие парадигматические группировки в лексике по мере того, как изучаются различные «поверхностные» реализации одной концептуальной структуры. В случае, когда говорящий стремится квалифицировать своё состояние таким образом, чтобы у собеседника возникла определённая «мысленная картинка», он употребляет глаголы других семантических групп. Как писал Р. Солсо: «Встречаясь в первый раз с явлением, которое мы пытаемся объяснить другому человеку, мы зачастую говорим о нём как о чём-то хорошо известном... люди пытались описать память именно по принципу “это совсем как”...” [3]. Иными словами, для того чтобы осмыслить и обозначить всё то, что недоступно непосредственному наблюдению, человеку приходится использовать механизм концептуальной метафоры, то есть связывать один концепт с другим. В когнитивной лингвистике уже довольно давно сложилась традиция рассматривать метафору как когнитивный механизм, позволяющий уточнять и дополнять имеющиеся в сознании человека представления о том или ином явлении действительности посредством синтеза абстрактного и конкретного. Когнитивные метафоры отражают весь интеллектуальный и эмоциональный опыт жизни человека. Они являются общими для носителей одного языка, обеспечивая тем самым взаимопонимание между всеми участниками процесса коммуникации.

Чаще всего концепт «память» связывается в сознании носителей языка с концептом «движение». Именно динамический характер мнемических процессов позволяет устанавливать сходство этих «незримых» процессов с наблюдаемыми двигательными процессами. Память в этом случае описывается как подвижный, меняющийся во времени феномен. Концепт «движение» представляет собой разветвлённую структуру, поскольку движение дифференцируется по видам, по характеру, по интенсивности, по степени самостоятельности, по скорости и по целому набору других признаков. Анализируя метафорические (описывающие разные виды движения) контексты для памяти, мы можем понять, какие из характеристик движения являются наиболее значимыми для носителей языка и, соответственно, акцентируются в лексических значениях глаголов.

Так, образы памяти в процессе воспоминания могут отождествляться в сознании говорящего с жидкостью, изменяющей своё положение в пространстве без участия человека. Соответственно, важнейшим признаком концепта «память», активизируемым благодаря метафорическому использованию таких глаголов движения в описании ситуации мнемического воспроизведения, как: *to flood (back)*, *to flood over*, *to fill*, *to overwhelm*, *to engulf*, *to pour (back)*, *to surge (back, up)*, является «непроизвольность». Психологи уже давно связывают непроизвольную память с эмоциональной сферой жизни человека, поскольку она фиксирует смысл событий [4]. Названные глаголы указывают на избыточность образов прошлого, «поглощающих» человека: “Then I remember the dream. It floods back to me in spasms, like blood spurting from a wound. The scenes surge back overlaid with a red mist not there when I dreamed” [5].

Образы памяти могут также метафорически отождествляться в сознании говорящего с живыми существами, которые способны нападать. В этом случае помимо признака концепта «память» «непроизвольный характер», могут актуализироваться дополнительные признаки.

В описании ситуации непроизвольного воспоминания могут участвовать следующие предикаты: to rush back at, to hurtle back [возвратное движение + скорость]; to haunt [возвратное движение + повторяемость]; to overwhelm [движение + разрушение]; to seize, to invade [движение + нападение]; to niggle at, to swarm up on [движение + атака], to strike, to slam [движение + сильный удар]: She closed her eyes as the memory rushed back vividly into her mind again... [5].

Следует подчеркнуть, что предикаты движения способны, так или иначе, номинировать процессы памяти только в рамках предложения-высказывания, актуализирующего основные признаки концепта «память»: «ментальность», «реальность», «знание», «истинность», когда из самого предложения-высказывания становится понятным, что речь идёт о ментальном процессе, а именно о процессе памяти.

В актуализации концепта «память» могут также участвовать предикаты самостоятельного движения: to come back, to return, to veer и др. В этом случае общим признаком для концептов «память» и «движение» является обратная направленность, соответственно: временная (в случае мнемического процесса) и пространственная (в случае процесса движения): “Christy's words came back when Sandy puts for birdie on the 12th and 13th but misses them both” [5]. Такие глаголы самостоятельного движения, как to jump, to leap, to pop, to stand out, to race, to run и др., в качестве дополнительного концептуального признака, актуализируют признак «скорость», подчёркивая, что образы памяти возникают в сознании человека мгновенно: “Why did they think the Earth was flat for?...Just popped into my head” [5].

Среди прочих общих признаков концептов «память» и «движение», следует упомянуть такой признак, как «периодичность», актуализируемый глаголами to roll, to ripple, to revolve, to dangle, to loom и др. в рамках предложения-высказывания, описывающего ситуацию непроизвольного воспоминания. При этом названные предикаты отражают оценку образов памяти как навязчивых и нечётко оформленных, периодически возникающих в сознании: “Two words revolved glitteringly in Jahsaxa's mind: sex and power” [5].

Предикаты самостоятельного движения могут также участвовать в описании ситуации непроизвольного забывания, которая связывается психологами с влиянием факторов естественного порядка. To go (out), to leave, to pass, to fade, to vanish в сочетании с временными (gradually, abruptly) и пространственными (out of one's mind, head, memory), модификаторами смысла способны дополнительно указывать на то, как долго происходило забывание. При этом общим признаком для концептов «движение» и «память» является скорость, с которой происходит утрата образов, и противоположная направленность движения (движение прочь, изнутри - наружу): “Long after the medallists have faded from our minds, you will be remembered for having finished, for having tried so hard” [5]. – В данном примере глагол fade фокусирует внимание на постепенном угасании воспоминаний.

Таким образом, в отличие от глаголов с системным значением памяти, глаголы движения не могут репрезентировать все признаки концепта «память» («ментальность», «реальность», «знание», «истинность», «связь с прошлым») только своими лексическими значениями. Они могут участвовать в описании мнемической ситуации только при наличии в предложении-высказывании модификаторов смысла, репрезентирующих концептуальные признаки, не охваченные лексическим значением глагола.

Список литературы

1. Webster's Third New International Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar-vocab.com/english/websters-international-vocab/remember-8597427.html>
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики. // Известия АН. Сер. лит. и яз., 1997. Т. 56. № 1. – С.11-21.
3. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – М.: Триволга, 1996. – 598с.
4. Зинченко Т.П. Когнитивная и прикладная психология. – М.: Моск. Психолого-социальный институт, Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 608с.
5. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bncweb.lancs.ac.uk/> (дата обращения 10.01.2020).

10.02.04

¹Р.Е. Богачев канд. филол. наук, ¹Е.Н. Мусаелян канд. педагог. наук,
²И.Э. Федюнина канд. филол. наук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
¹педагогический институт,
факультет иностранных языков, кафедра иностранных языков,
Белгород, gomabog2@gmail.com,
²институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации,
Белгород, innafedyunina@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ РУН В ИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вопрос символического значения некоторых знаков рунического алфавита древних германцев. Анализируется их репрезентация в древнеисландском языке, а так же вербализация и изменение значений этих знаков в системе современного исландского языка.

Ключевые слова: *руническое письмо, символическое значение, исландский язык.*

При рассмотрении в одной из работ различия в значениях рунических знаков: Кауп – язва, болезнь; Hagall – голод, град; и Nauðr – нужда в древнеисландском, древненорвежском и древнеанглийском языках, и их противопоставления руническому знаку OS (AS), его значения в качестве противоположного концепта возникла необходимость конкретизировать значения этих знаков в древнеисландском и современном исландском языке. Нужно понимать, что символическое значение рун не всегда было в центре внимания: «Буквенная магия, рунические имена и порядок следования рун являются вторичными явлениями» [3]. Однако с точки зрения когнитивной лингвистики именно символические значения могут расширить наши знания о языковой картине древних германцев и ключевых концептах в современных языках.

Для начала определимся с концептом «Бог», конкретизируя его для исландского языка. В древнеисландском это слово «Ass», тогда как в послехристианском исландском уже имеется слово «Guð». Интересно, что помимо основного значения, словарь древнеисландского дает еще один вариант:

áss (gen. áss and ásar; pl. æsir, acc. æsi and ásu), m. *one of the old heathen gods in general, or esp. one of the older branch, in opp. to the younger ones (the Vanir).*

áss (gen. áss, pl. ásar), m. (1) *a thick pole, main beam (in a house); (2) in a ship, yard of a sail (beitiáss); (3) rocky ridge.* [5:31]

Таким образом, основная несущая балка в доме, которая держит основную нагрузку, получила ту же номинацию, что и дохристианское божество (сверхсущность), которая точно так же несет на себе нагрузку по удержанию этого мира. По сути, для древних исландцев их дом был моделью мира в миниатюре. В современном исландском языке акценты несколько сместились:

ás¹ m -s, -ar 1) балка, брус; шест; 2) мор. гик; 3) ось; 4) гребень, кряж;

ás² m -s, -ar 1) карт. туз; 2) одно очко, единица (при игре в кости). Ás m -s, Æsir миф. ac (древнескандинавское божество). [1:49]

Налицо потеря концептуальной связи между понятиями «несущая балка дома» и «божество, держатель мира». К этому же концептуальному полю можно отнести такую определяющее понятие как «áslátta». Словарь древнеисландского дает такой вариант: áslátta, f. *injury infected by some one (á. djöfuls).* [5:31] Итак, «áslátta» – вред здоровью, причиненный кем-то другим; далее для примера дается словосочетание «áslátta djöfuls», то есть насланный

дьяволом недуг. В данном случае интересно то, что вышеуказанное понятие содержится в самом слове «áslátta», а понятие «дьявол» в древнеисландском языке отсутствовало. Если посмотреть на составные части слова, то можно определить их как *ás+lát* где вторая часть означает «потеря, смерть, болезнь»: *lát*, n. (1) loss (*þeir sögðu konungi l. sitt*); (2) death, decease (*ek segi þér l. Eyvindar bróður þíns*). [5:238]

Таким образом, слово «áslátta» передает понятие «божественный недуг», или «недуг, вызванный божеством». Собственно это определенная иллюстрация того, что в дохристианской Исландии болезни, которые не могли лечить, и которые чаще всего были смертельными, вызывало именно сверхъестественное вмешательство, но не дьявола, как в примере у Цойга, не кого-то, противостоящего Богу как сверхсущности, поскольку картина мира тогда не включала такого концепта. Вышеуказанные болезни были обозначены как «сверхъестественные». Хорошей иллюстрацией является заклинание «Заговор от стрелы эльфа», которое мы разбирали на материале древнеанглийского языка, и где в качестве обозначения бога используется нейтральное слово «*drihten*», поскольку сам текст дохристианский и выходит за рамки христианского мировоззрения. Религиозный синкретизм изменил Одина на Христа, однако, чтобы не акцентировать внимание на этом факте, автор использовал нейтральное обозначение «*drihten*» для репрезентации обоих вариантов, как дохристианского, так и христианского. [4] В нашем случае «AS» – это, по сути, один концепт сверхсущности, который может быть как со знаком минус, так и со знаком плюс, (например, *ásjá f* -г помощь, поддержка; охрана, покровительство, защита) когда он преломляется с точки зрения языковой картины мира древних исландцев.

Теперь посмотрим на значения рунических символов, которые в языковой и мировоззренческой картине мира противоположны символу «AS». Обычно это как раз те самые три символа: *Кауп* – язва, болезнь; *Нагалл* – голод, град; и *Науðг* – нужда. В самой рунической песне они представлены так:

Кауп er barna bölok bardagi ok holdfúa hús. – Ребёнка проклятие и бедствие и разложение дома.

Нагалл er kaldakorn ok knappa drífaok snáka sótt. – Холодное зерно и ледяная стужа и змеиная болезнь.

Науð er þýjar þrá ok þungr kostur ok vássamlig verk. – Тоска рабыни и тяжкий выбор и утомительная работа.

В словаре Беркова-Бёдварссона даются такие значения:

Кауп n -s, рана, язва, нарыв; кома *við ~in hjá e-m* затронуть чьё-л. больное место; *blása í ~* дуть на руки (чтобы согреть кончики пальцев). [1:352]

В современном исландском языке сохранилось значение «рана, нарыв» (подразумевает гниение), то есть сохранилось и само вербальное обозначение символа, и его основное значение.

Нагл n -s, *högl* 1) град; 2) дробь. (*haglél* n сильный град.) [1:255]

В современном исландском языке вербальное выражение символа сохранилось, но только со значением (град, сильная метель), а вот со значением третьей руны *Науð* гораздо больше вариантов.

науð¹ f -ar, -ir 1) нужда, бедствие; 2) трудность; 3) pl родовые схватки; 4) нужда, необходимость.

науð² n -s 1) шум, гул; 2) надоедание, упрашивание.

науð||leitamaður m просящий о помощи; *~raka vt* гладко выбривать; *~staddur* a терпящий нужду [бедствие]; *~syn f* -jar, -jar необходимость, потребность, нужда; *landsins gagn og ~synjar* общественная польза, благо народа; *ganga ~synja sinna* пойти отправить естественные потребности.

науðugur a вынужденный; *mér er ~ einn kostur* у меня нет иного выбора; *mér er það nauðugt* я делаю это неохотно.

науðungar||eiður m вынужденная клятва; *~vinna f* принудительный труд. [1:471]

Обратим внимание на то, что в этом случае вербализованный символ не только сохранил форму, но и практически полностью сохранил содержание, которое было в него изначально заложено. Тут есть и «принудительный труд» (рабыни), и «тяжкий выбор» (под влиянием обстоятельств), и даже «тоска рабыни» находит свое отражение в значении *pauið*². Это же значение можно выразить русским словом «нуда» – «скучное однообразное занятие». Можно заметить также взаимосвязь значений *ásjá* – «помощь, поддержка», и *pauiðleitamaður* – «просящий о помощи». Первое несет положительный смысл – ты «поступаешь по-божески», а второе – исключительно негативный (нужда заставила это делать). И как усилительная приставка *pauið* выступает исключительно с негативной коннотацией.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что вербализованные значения знаков рунического письма достаточно полно представлены в лексике исландского языка. Если, к примеру, *As* в результате смены своего концептуального значения под влиянием христианства сохранился в основном как архаизм, поскольку получил новую форму *Guð*, то такие рунические символы как *Kaup* и *Naðl* сохранились только в рамках некоторых ключевых значений. В то же время символьное значение рунического знака *Nauið* репрезентируется в полном объеме. Однако само наличие этих значений в словарном составе исландского языка говорит о том, что это действительно ключевые, концептуальные значения в рамках этой языковой картины мира, а их общность с древнеанглийскими значениями подтверждает тезис Э. Макаева об общегерманском койне. [2]

Список литературы

1. Берков В.П. Исландско-русский словарь: 35 000 слов с прилож. краткого очерка грамматики исландского языка, сост. А. Бедварссоном. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. – 1032 с.
2. Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. – 2-е изд., стереотипное / Под ред. М. С. Кожуховой. — М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 78.
3. Askeberg F. Norden och kontinenten i gammal tid: studier i forngermansk kulturhistoria. – Almqvist & Wiksells boktr., 1944. – S. 41-42.
4. Bogachev, R.E. et al. The Notion Interconnections of “Os-Drihten” Within One Conceptual Meaning // The Social Sciences. – 2015. vol.10, № 6. – P. 1135-1137.
5. Zoëga G. T. A concise dictionary of Old Icelandic. – University of Toronto Press, 2004. – 632 p.

10.02.04

М.Е. Букеева канд. филол. наук

Омский государственный технический университет,
гуманитарный факультет, кафедра иностранных языков,
Омск, mbuluchevskaya@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА «САЙТ» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается немецкоязычный технический дискурс, который реализуется посредством жанра «сайт». Анализ сайта свидетельствует о многоуровневой жанровой гибридизации. Она вызвана многозадачностью и многофункциональностью, которые необходимы производителю. Гибридность жанра прослеживается в лексико-семантических и стилистических особенностях, демонстрирующих соединение черт нескольких видов дискурса для создания единого эффективного продукта коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, жанр, гибридность, специализированная лексика, коммуникация.

В настоящее время научно-технический прогресс, а также развитие информационных технологий способствуют появлению актуальных форм взаимодействия. Предприятия различного масштаба и рода деятельности от маленьких магазинов до производственных гигантов используют Интернет в качестве коммуникативной площадки. Этот факт обуславливает возникновение новых и непрерывную модернизацию существующих форм общения посредством электронной сети.

Следует начать данную тему с определения таких понятий, как *дискурс*, *жанр*, *гибридность*. Поскольку дискурс и жанр притягивают пристальное внимание ученых-лингвистов и по сей день, существует множество трактовок и дефиниций для данных терминов. Остановимся на том, что дискурс может пониматься как в широком [3, 5, 9], так и в узком [4, 7] смыслах. Для нас релевантным является именно более емкое определение, при котором дискурс – это «коммуникативное событие» [9], любое употребление языка. Так, Н.Д. Арутюнова описывает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [1]. Социокультурные параметры дискурса, в зависимости от того пространства, в котором он возник и реализуется, проявляются в процессе коммуникации как отдельного индивида, так и в дискурсивных сообществах.

Взгляд на дискурс с позиции социолингвистики наряду с лингвистическим анализом текста позволяет выделять различные виды дискурса. В нашем случае речь идет о техническом дискурсе, в котором доминантной является техническая и научно-техническая информация.

В процессе социализации у человека формируется и усваивается система правил и норм общения в различных коммуникативных ситуациях, которая выражается в появлении в сознании совокупности жанровых форм. Так, жанр представляет собой некую прототипную модель организации коммуникации, что вербализуется непосредственно в тексте или устной речевой деятельности. Опираясь на мнения лингвистов, мы считаем возможным рассматривать термин «жанр» в качестве синонима термину «тип текста» в отечественной лингвистике [4, 6] или Textsorte в зарубежной [10]. Таким образом, жанр представляет собой модель или образец для составления совокупности схожих текстов.

Иерархичность рассматриваемых понятий определяет выбор того или иного жанра для презентации определенного вида дискурса. В нашем случае технический дискурс репрезентуется посредством жанра «сайт», который мы рассматриваем на примере сайта компании Siemens.

Следует отметить, что в последние десятилетия произошло значительно перераспределение значимости информативных площадок, которые привлекают наиболее пристальное

внимание. Всемирная сеть Интернет заняла лидирующие позиции, являясь необходимым и многофункциональным источником в различных областях знания. Многие компании в качестве электронного коммуникативного средства используют жанр «сайта». Он позволяет аккумулировать всю имеющуюся информацию, создавая определенный контент для конечного потребителя. Многофункциональность жанра сайт обусловлена его гибридностью.

Гибридность относительно новое понятие для многих сфер нашей жизни, пришедшее из области зоологии. Сущность понятия сохраняется в различных областях и подразумевает соединение нескольких отдельных элементов с целью создания одного более совершенного и эффективного явления. Процессы лингвистической гибридизации только начинают масштабное распространение, выступая ответом на глобальные события в мировом научно-техническом сообществе. Язык фиксирует значимые явления современной жизни, что отражается в новых способах и формах коммуникации. Гибридность жанра «сайт» объясняется необходимостью размещения большого объема разноплановой информации в электронной форме. Исследование и анализ сайта известного мирового производителя – компании Siemens свидетельствует о неоднородности непосредственно технического дискурса. Во многом это связано с тем, что в крупных международных компаниях стоит непростая задача: «разработать мультиаспектный и многофункциональный» продукт [2] – информационно-рекламное средство коммуникации.

В техническом дискурсе происходит соединение черт нескольких видов дискурса, мы отмечаем особенности рекламного, научно-технического, бытового, новостного, экономического дискурса. Такая дискурсивная гетерогенность естественным образом вызывает смешение черт, присущих различным жанрам, и отражается на лексическом, стилистическом и других уровнях жанровой организации.

Рассмотрим следующие заголовки статей в разделе *Automobilherstellung* [11]: *Intelligente Fabrik für effiziente eCar Produktion; das volldigitale elektrische City Car; software, Systeme und Dienstleistungen für das Product Lifecycle Management; MindSphere: aus Daten wird Wissen; das cloudbasierte, offene IoT Betriebssystem von Siemens verwandelt Daten in Wissen und Wissen in Geschäftserfolg usw.*

Преобладание в текстах специализированной технической лексики и терминов, описание запатентованных продуктов компании-производителя и инноваций, а также специфика деятельности компании свидетельствуют о существовании технического дискурса. Однако представленные заголовки наглядно демонстрируют смешение лексического состава, характерного для различных отраслей знаний, а именно: технической (*Dienstleistung, Produktion, Daten, Betriebssystem*), экономической (*Management, Geschäftserfolg*), информационно-технологической (*Software, cloudbasierte, volldigitale*). Таким образом, в лексике проявляется первоначальное соединение нескольких видов дискурса в процессе создания единого технического дискурса. Лексическая гибридность демонстрирует потребность производителя разместить многоплановую информацию об инновационных продуктах, привлекательность которых заключается не только в технических характеристиках, но и экономической выгоде. Презентация новых продуктов обуславливает демонстрацию их уникальных свойств, с этой целью выбирается разноплановая лексика, а также в текст «вводятся» заимствования из английского языка, например: *der technologische Trendsetter, der digitale Zwilling der Performance, die Closed-Loop-Verbindung, Domain-Knows, optimierter Tools* [11]. Заимствования дополнительно сигнализируют о гибридизации лексического состава в техническом дискурсе, особенно в тех случаях, когда у заимствованной лексической единицы существует аналог в немецком языке. Англицизмы в технической отрасли, как и в других отраслях немецкого языка, свидетельствуют об общей тенденции увеличения роли английского языка и «глобальном распространении английского языка в неанглоязычных странах» [8].

Следует обратить внимание также на стилистическую гибридность жанра. Наряду с логическим последовательным изложением материала, характерным для технического дискурса, для описания оборудования автор нередко использует такие стилистические

средства как: эпитеты, метафора, метонимия, олицетворение, сравнение, свойственные, как правило, художественному, рекламному, маркетинговому дискурсу. Например: *Elektronische Systeme und die elektrische Architektur....; der digitale Zwilling in der Automobilindustrie....; Neubau einer intelligenten digitalen Fabrik....; ...Mehrwert entlang des gesamten Lebenszyklus von Maschinen und Anlagen* [11].

Подобное стилистическое смешение позволяет сделать текст «живым», не потеряв при этом ценности узкоспециализированных данных. Сохраняя основные черты, присущие языку науки и техники, а именно: логичность, достоверность, последовательность, текст приобретает большую легкость для понимания, это в свою очередь увеличивает потенциальную аудиторию.

Вместе с текстовой информацией на сайте размещены фотографии, изображения, рисунки, графические объекты, соответствующие разным темам. Невербальная составляющая усиливает восприятие за счет зрительных образов, помогая формировать заранее продуманные концепты в сознании потребителя.

В заключении мы можем сделать вывод, что прагматические установки компании-производителя способствуют дискурсивной диффузии, которая в свою очередь вызывает неоднородность жанровую. Анализ текста свидетельствует, что гибридизация дискурса и далее жанра «сайт» наиболее явно прослеживается в лексико-семантическом и стилистическом оформлении. Следует отметить, что лексическое и стилистическое многообразие является индикатором уникальности производственной специфики компании. Именно свойство гибридности позволяет добиться многофункциональности данного жанра, поскольку сайт используется, во-первых, как информативное средство со специализированной технической информацией, во-вторых, как коммуникативная площадка, в-третьих, как рекламно-маркетинговый инструмент, необходимый для привлечения новых клиентов и поддержания имиджа компании.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 688 с.
2. Букеева М.Е. Процесс метафоризации в техническом дискурсе на материале немецкоязычных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019, Том 12. Вып. 11. – с 276-280.
3. Гусейнова И.А. Жанровая организация маркетингового дискурса. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – 364 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Пермена, 2002. – 477 с.
5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог – МГУ, 1998. – 352 с.
6. Ризель Э.Г. К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц // Из научного наследия Э. Г. Ризель: К 100-летию со дня рождения / Сост. Н. В. Любимова, Г. М. Фадеева. – М.: МГЛУ, 2006. – С. 67 – 81.
7. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности Текст. / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманитар, ун-т, 1995. – 432 с.
8. Трошина Н.Н. Немецкий и английский языки в академической сфере немецкоязычного региона // Вестник МГЛУ Гуманитарные науки, Вып 3 (819). – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. – С. 142-151.
9. Dijk T.A. van Textwissenschaft: Eine interdisziplinäre Einführung. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1980. – 284 S.
10. Fix U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene / Ulla Fix. – Berlin : Frank & Timme. 2008. – 506 S.
11. <https://new.siemens.com/global/de.html> (электронный ресурс)

10.02.04

В.Д. Гришенко канд. педагог. наук, О.А. Юдина

Государственный социально-гуманитарный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, veragrishenko@rambler.ru, olgakoreva94@gmail.com

АФФЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В работе представлены результаты анализа лексических единиц рекламных текстов туристической тематики; рассматриваются методы эмоционального воздействия с помощью лингвистических средств; исследуется прагматический потенциал различных пластов лексики в текстах туристической рекламы.

Ключевые слова: *рекламные тексты, прагматический потенциал лексики, эмоциональное воздействие.*

Многообразие функций и роль, которую играет современная реклама в жизни социума, определяют непреходящий интерес к данному феномену и одновременно обуславливают потребность дальнейшего изучения рекламных текстов.

Реклама является активно развивающимся средством внутри- и межкультурного общения, а также представляет собой своеобразный процесс коммуникации между производителем и потребителем. Являясь одним из функциональных инструментов экономического прогресса, рекламный текст обладает огромной силой психологического воздействия на общество, колоссальной силой внушения, что свидетельствует о сложности и многогранности рекламы как явления, находящегося «на стыке» наук: экономики, социологии, психологии, истории, семиотики, языкознания, межкультурной коммуникации.

В последнее время появился ряд исследований, посвящённых анализу различных аспектов текстов рекламы. Например, в работах таких ученых, как: Абабкова Ю.Н., Анурина В.Ф., Атакьяна Г.С., Бернадской Ю.С., Гойхмана О.Я, Дуровича Т.С., Красавского Н.А., Кривоносова А.Д., Ластовецкой М.А., Мокшанцева В.И., Мудрова А.Н., Назайкина А.Н., Сычева О.А. и др. изучаются особенности стилистической организации рекламных текстов, их структурно-смысловое построение, а также исследуются лексико-семантические, грамматические параметры и прагматические параметры.

Изучение прагматического потенциала отдельных лексических единиц является одной из важнейших задач современной лингвистики. Многие вопросы, связанные с выявлением специфики рекламного текста, стратегий, методов и приемов воздействия на потребителя не получили ещё пока достаточно полного освещения.

В большинстве своем рекламные тексты являются поликодовыми и представляют собой особый визуально-вербальный феномен, в котором изобразительные и лингвистические средства образуют единое смысловое целое, обеспечивая, таким образом, комплексное воздействие на адресата.

Рекламный текст туристической направленности является ярким примером максимально эффективного использования лексико-грамматических средств, т.к., будучи результатом творческой деятельности, туристическая реклама всегда уникальна и предполагает полную свободу в использовании средств выражения основной идеи, заложенной в рекламе. Поэтому при создании рекламного сообщения рекламодатели стремятся воспользоваться спектром разнообразных лексических средств языка. В данной статье мы рассмотрим лексические средства, которые часто используются в рекламе для создания яркого прагматического эффекта.

Бернадская Ю.С. отмечает, что «смысловое и эмоциональное восприятие отдельных слов и выражений в ситуации контакта рекламного предложения и потребителем имеет некоторые

особенности» [Бернадская, 2015 : 72]. Например, в рекламе неприемлемо использование лексических единиц, способных вызвать отрицательные эмоции, поскольку они повышают степень недоверия к услуге и к компании в целом, и как следствие, снижают эффективность воздействия рекламного текста. В свою очередь, употребление в тексте рекламы слов с положительной коннотацией способно увеличить прагматический эффект рекламного обращения. Например, такие слова и словосочетания, как «spectacular», «fantastic», «stunning» в англоязычных рекламных текстах и «незабываемый», «удивительный», «уникальная возможность» в русской рекламе позволяют придать тексту эмоциональность и выразительность:

– *Explore the old town, take a river cruise and visit the impressive hilltop Ljubljana Castle which has **spectacular views** of the Old Town and beyond the river to the city centre.*

– *Совершите **незабываемое путешествие** над Полярным Кругом в Высокоширотную Арктику - царство белого медведя.*

Важно учитывать момент использования ключевых слов при создании рекламного сообщения. Двумя самыми впечатляющими и надежными словами, по мнению Ю.С. Бернадской, являются слова «новый» и «бесплатный» и их всевозможные вариации [Бернадская, 2015 : 73]. Среди самых часто употребительных слов также встречаются: *сейчас, здесь, сегодня; предлагаем вам, советуем; это то, что надо; улучшение; впервые; эффективный; экономия, выгодная сделка, быстро и легко; восхитительно, изумительно, сенсация* и т.д.

– *The specialist for South and North Asia, Australia, New Zealand, and Bali offers **unbeatable bargain!***

– *Макарская Ривьера расположилась у подножия горного массива Биоково, где череда скал и хребтов образуют **восхитительный фон** для потрясающих городов и пляжей.*

По статистике для потребителя информация о цене и качестве товара является самой важной, на информацию данного рода обращается первостепенное внимание. Наиболее эффективным считается употребление слова «цена» с прилагательными, передающими идею малого количества. Цены характеризуются как *смешные, низкие, невероятно низкие, безумно низкие, выгодные, сенсационные, специальные*:

– *We're now offering London - Hong Kong - Vietnam // Thailand - Australia - Bali - Malaysia - London all on one **bargain priced** £950 ticket.*

– *В межсезонье, апрель, май, июнь, сентябрь и октябрь, **цены** на жилье будут очень **низкими** и туристов будет мало.*

Не менее эффективным считается употребление слов, обращающих к внутренним ресурсам, «душа», «личный опыт», «интуиция», «внутренний голос», «знания», «память» [Балахнина, 2013:7]. Использование данных слов подчеркивает уважительное отношение к личности потребителя и помогает ему сделать правильный выбор:

– *Your **personal taste** may demand a certain level of luxury, or **your spirit** for adventure could make the kayaking or snow shoeing a must for your trip.*

– *Именно такая неустойчивая погода повлияет на курс, который вы выберете, и на **опыт**, который **вы** тут **приобретете**, и, конечно же, сделает ваше путешествие особенным и уникальным.*

В лексической системе выделяют такие группы слов, как синонимы, антонимы, паронимы, и явления, как полисемия и омонимия, которые являются значимыми для достижения прагматического эффекта в рекламном тексте.

Особое значение имеют стилистические различия между синонимами, которые определяют уместность того или иного слова в конкретной части рекламного сообщения. Например, в рекламе туристического продукта более эмоциональные экспрессивно-окрашенные слова можно встретить в заголовках: «*The beauty of this country is **brehtaking***», в то время как в основном рекламном тексте можно встретить употребление его менее экспрессивного синонима: «*Make the most of your stay in the fast-paced **exciting** city of Singapore with this 4 day/3 night stop over package*». Такие синонимы называют стилевыми.

В текстах туристической рекламы также можно встретить употребление контекстуальных синонимов (ситуативных, окказиональных, авторских). Это синонимы, которые сближаются по значению в условиях одного контекста: «...*the **busiest and hottest** time to visit is in the school holidays which fall in June and July so it is best to avoid visiting during this period if possible*». Такая синонимия возникает случайно и носит индивидуальный, авторский характер, обладает подтекстом, «мерцанием смыслов» [Балахнина, 2013 : 8], поэтому часто встречается в рекламных текстах.

Рассмотрим в качестве примера предложение: «*From iconic landmarks to beautiful beaches Sydney has something for everybody*», в котором мы видим градацию цепочки прилагательных «*iconic*» и «*beautiful*», а также встречаем окказиональные синонимы «*landmarks*» и «*beaches*», которые являются синонимами только в контексте данного предложения.

В предложениях синонимы выполняют свою важнейшую функцию – они являются средством наиболее точного выражения мысли. Товары, услуги, свойства и качества данных товаров называются словом более подходящим для отображения нужного значения.

Главной функцией антонимов принято считать их способность раскрыть противоречивую сущность предметов и явлений. Антонимы – средство создания антитезы (гр. antithesis – противоположение) – стилистического приема контраста, который применяется в рекламе для выделения достоинств рекламируемого товара: «*Being so northerly the Arctic Circle experiences **long** hours of **daylight** during its **summer** and conversely **short, darkdays** during the very cold **winter** months*».

Стилистический прием паронимии, состоящий в намеренном сближении слов, имеющих звуковое сходство, редко встречается в текстах туристической рекламы, однако часто используется в рекламных текстах другой направленности. Энциклопедия «Русский язык» дает следующее определение назначению паронимии – «придать тексту, фразе дополнительную выразительность, подчеркивая игрой созвучных сочетаний сопоставляемых слов авторскую мысль, образность высказывания, оригинальность художественной формы» [Бельчиков, 1997 : 399].

Например, заголовок «*Fly with **US***» основан на созвучии английского относительного местоимения «*us*» и аббревиатуры США «*US*», что подчеркивает принадлежность компании американским авиаперевозчикам.

В другом примере: «*Visit a native Maori village and observe their unique traditional dances in national **costumes** and **customs***» паронимию можно назвать случайной, т.к. авторы данного рекламного сообщения не преследовали цели придать тексту дополнительную выразительность.

В рекламных текстах часто обыгрывается значение одного и того же слова путем сопоставления двух смысловых планов – прямого и переносного. В рекламе туров в Амстердам мы встречаем следующее предложение: «*Although the Red Light District is **vibrant**, culture vultures seek out the Van Gogh Museum...*», в котором используется семантическая двуплановость, связывается значение слова «*vibrant*» прямое (улица Красных Фонарей действительно очень оживленная) и переносное (резонирующая, возбуждающая определенные чувства).

Данный прием сопоставления двух планов значения – прямого и переносного – выполняет функцию воздействия на адресата, т.е. выражает экспрессивное значение слова.

Таким образом, можно сделать вывод, что лексические единицы играют первостепенную роль в создании перлокутивного эффекта, возбуждают интерес реципиента к рекламируемому продукту и побуждают его приобрести товар или услугу.

Список литературы

1. Балахнина В.Ю. Мастер-класс «работа с текстами в рекламе». Учебное пособие. В.Ю. Балахнина. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. - 60с.
2. Бельчиков Ю.А. Паронимия/ Ю.А. Бельчиков// Русский язык. Энциклопедия. М.: Издательский дом «Дрофа», 1997. - 703с.
3. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. - 288с.

10.02.04

А.С. Даутова

Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акумуллы,
кафедра английского языка,
Уфа, aygule4ka@gmail.com

МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ГРУППЫ «ПОКИДАНИЕ»

В статье освещается метаязык описания семантической структуры английской глагольной лексики. Особое внимание уделяется разработке метаязыка исследования английских глаголов лексико-семантической группы «покидание» (leave, depart, desert, abandon). В число основных метапонятий вошли: Субъект действия X, Объект действия Y, Пространство A X-а, Пространство B Y-а, «сила», «контролируемость». Авторы определили, что наличие/отсутствие признака «контролируемость» в семантической структуре Субъекта действия X влияет на семантический тип предиката английских глаголов группы «покидание», а актуализация признака «ПОКИДАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ» в семантической структуре предиката глаголов модулирует их прототипическое значение.

Ключевые слова: *семантическая структура глагола, семантический признак силы, контролируемости за приложением силы, пространство функциональных отношений.*

Направление в лингвистике, которое исследует семантическую структуру предиката глаголов через описание содержания и структуры его семантических ролей является наиболее продуктивным с точки зрения уточнения классификационной сетки предикатов [21; 15; 18]. В рамках этого направления семантическая роль трактуется как набор признаков, определяющих семантический тип предиката. Классификация семантического типа предиката по семантическим ролям вызывает значительные трудности в исследовании глагольной лексики, поскольку при выделении семантических ролей учитываются разные признаки: от самого общего значения глагола до более глубокой интерпретации стадияльной структуры денотата предиката (более подробно о стадияльной структуре предиката см.: [22; 18]).

Для описания функционирования глаголов различных лексико-семантических групп используется ключевое понятие силы, приложение силы, контролируемости за приложением силы [16; 20; 1; 3; 22; 6; 10; 5; 17; 18; 7]. Так, для английских глаголов зрения разрабатывается понятийный аппарат, в основу которого положено понятие «силы» [18]. Сила, исходящая из органов зрения, может проявляться по-разному: во-первых, это физическая энергия взгляда, которая собственно обозначается понятием «сила», во-вторых, это волевая сила, которая проявляет себя в виде инициативы на предшествующей стадии денотата предиката и контролируемости на остальных стадиях денотата предиката. Для каждого из выделенных семантических признаков (сила, приложение силы, контролируемость) были разработаны тесты, которые позволили установить наличие отдельного семантического признака на определенной стадии предиката. Например, отсутствие ограничения на употребление глагола в положительной императивной конструкции указывает на наличие контролируемости на начальной стадии денотата предиката, нормативность только отрицательной повелительной конструкции является показателем контролируемости на конечной стадии денотата предиката: *Ogle at her! Но: Don't ogle at her. Такой подход позволяет рассмотреть не только параметры предикативной ситуации, способствующие актуализации того или иного семантического признака, но и степени его проявления.

«Контролируемость» рассматривается как приложение субъектом волевых усилий в виде сознательного управления начинанием, продолжением, качественным изменением, прекращением «работы», направленной на поддержание существования, проявление, функционирование объекта [16; 17; 18; 20; 22; 1; 3; 19; 6; 10; 5; 19; 7]. Другими словами, если субъект может начать или прекратить действие, т. е. сознательно управлять своей деятельностью на различных стадиях, то в семантической роли субъекта присутствует семантика контролируемости.

Описание глагольной лексики группы покидания основывается на семантической теории анализа предикативных структур, разработанной в трудах О.Н. Селиверстовой [15; 16] и Т.Д. Шабановой [18; 19]. Метаязык исследования позволяет выявить параметры денотативной ситуации, требующие употребления того или иного глагола, и соответственно раскрыть особенности его семантической структуры. В число основных метапонятий входят:

X — субъект действия;

Y — объект, покидаемый субъектом действия;

Y_1 — объект действия, к достижению пространства которого направлено действие со стороны X -а;

ПРОСТРАНСТВО A — пространство вокруг X -а;

ПРОСТРАНСТВО B — пространство вокруг Y -а;

ПРОСТРАНСТВО C — пространство вокруг Y_1 ;

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ *Loc. Rel.* — отношения между X -ом и Y -ом локативного характера [8; 11; 12; 14; 15; 16];

ПРОСТРАНСТВО ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ *Loc.Func.Rel.* — пространство множеств, в котором возникают отношения между X -ом и Y -ом функционального характера [16];

СИЛА — семантический признак в структуре семантической роли Субъекта, при котором X намеренно прикладывает физическую силу для перемещения из ПРОСТРАНСТВА A в ПРОСТРАНСТВО B Y -а.

КОНТРОЛИРУЕМОСТЬ (за приложением силы) — семантический признак в структуре семантической роли Субъекта, при котором X *инициирует и контролирует весь процесс* приложения физической силы для перемещения из ПРОСТРАНСТВА A в ПРОСТРАНСТВО B Y -а.

Анализ значений глаголов группы покидания показал, что во всех выделенных словарных статьях в лексикографических источниках присутствует интегральный компонент «покидание X -ом ПРОСТРАНСТВА Y -а или его зоны B ». Например:

1. *The train **leaves** Chicago at 3 o'clock.* - Collins.

2. *Farmers are **deserting** their fields and coming here looking for jobs.* - Collins.

3. *Flights for Rome **depart** from Terminal 3.* - LDCE.

4. *We had to **abandon** the car and walk the rest of the way.* - LDCE.

Субъекты X в данных предложениях (*the train, farmers, flights, we*) покидают физическое трехмерное пространство B , принадлежащее Y -у (*Chicago, fields, Terminal 3, the car*), и движутся к Y_1 , находящемуся в ПРОСТРАНСТВЕ C .

Используя метаязык исследования, данные предложения семантически можно представить следующим образом: X оставляет Y и его ПРОСТРАНСТВО B и движется к Y_1 , находящемуся в ПРОСТРАНСТВЕ C . Объект Y_1 в примерах 1, 4, к достижению пространства которого направлено действие со стороны X -а и само ПРОСТРАНСТВО C , не актуализированы в предложениях. Данное значение глаголов, связанное с описанием процесса покидания трехмерного физического пространства в конкретных пространственных ситуациях, которые распределены на оси времени в виде его пофазового изменения, является прототипическим [2; 4; 9; 12]. Такое прототипическое значение является обязательным элементом семантической структуры глаголов лексико-семантической группы покидания и представляет собой базовую семантическую модель глаголов группы покидания, которая может быть охарактеризована следующей схемой: $leave+[(X \text{ out } Y \text{ (in } B) >> Y_1 \text{ in } C)]$.

Применительно к глаголам группы покидания «контролируемость» выражается в виде инициирования и контролирования X-ом процесса приложения физической силы для перемещения из ПРОСТРАНСТВА *A* в ПРОСТРАНСТВО *B* *Y-a*. Наличие/отсутствие признака «контролируемость» в составе семантической роли Субъекта *X* влияет на семантический тип предиката. Так, наличие признака «контролируемость» в структуре семантической роли Субъекта относит его семантической роли Деятеля, а предикаты – к типу «действие» (предложения 2, 4), отсутствие признака контролируемости свидетельствует о семантической роли Агентива в позиции Субъекта, меняющего предикат на «процесс» (предложения 1, 3).

Наличие/отсутствие контролируемости также доказывается экспериментально при помощи трансформации предложений с исследуемыми глаголами в положительную или отрицательную повелительные конструкции.

5. *Don't leave the house, please.*

6. *Try to leave the house, please.*

7. *Abandon the ship immediately!*

8. *Don't abandon the ship!*

9. **Depart this house, please.*

10. **Don't depart this house, please.*

11. **Desert this house, please.*

12. **Don't desert this house, please.*

Опрос носителей языка на основе 5-ти балльной оценочной шкалы (где 1 — unacceptable, 5 – acceptable, preferred) показал, что предложения 5, 6, 7, 8 звучат наиболее нормативно. Данные предложения получили наивысший балл (acceptable, preferred). Предложения 9, 10, 11, 12 были оценены информантами как marginally acceptable и unacceptable, получив оценки 2 и 1, соответственно. Ограничение на употребление глагола в положительной и отрицательной императивных конструкциях говорит об отсутствии признака контролируемости в семантической структуре субъекта как на начальной, так и на конечной стадии денотата предиката. Это означает, что в семантической структуре субъект не способен контролировать развитие ситуации на начальном и конечном стадиях.

Казалось бы, что ограничение на употребление императивной конструкции с глаголом *depart* и *desert* объясняется тем, что глаголы *depart* и *desert* являются процессом, а не действием. Однако, объяснение этого ограничения лежит не в области формальных признаков, а в области семантики. Так, трансформация предложений 9, 10, 11, 12 на замену актанта *house* на *your wife* приводит к изменению лексического значения и нормативности употребления подобных предложений. Данный факт указывает на то, что нормативность/ненормативность подобных конструкций кроется в семантике правостороннего актанта, который влияет на когнитивную конструкцию и делает возможным употребление данных глаголов в императивных конструкциях.

13. *Depart from your wife. She has been suffering a lot.*

14. *Don't depart from your wife. She will suffer greatly.*

15. *Desert your wife. She is not reliable.*

16. *Don't desert your wife. She will suffer greatly.*

При смене правостороннего актанта происходит изменение когнитивной конструкции, которое приводит к иному восприятию понятия ПРОСТРАНСТВО. Субъект *X*, покидая физическое трехмерное пространство *B* *Y-a*, также покидает ПРОСТРАНСТВО ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ личного характера, происходит разрыв функциональных отношений между X-ом и Y-ом. Следовательно, в предложениях 13, 14, 15, 16 понятие ПРОСТРАНСТВО не сводится только к восприятию объекта в физическом трехмерном пространстве, актуализируется семантика функциональных отношений между X-ом и Y-ом. Данные примеры являются иллюстрацией появления лексической модуляции глаголов *depart* и *desert* в структуре предиката глаголов семантического признака «ПОКИДАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ».

Итак, в результате проведенного исследования английских глаголов группы «покидание» нами было выявлено базовое интегральное значение, относящее данные глаголы к одной лексико-семантической группе. Оно связано с описанием процесса покидания трехмерного физического пространства в конкретных пространственных ситуациях и может быть сформулировано следующим образом: «покидание X-ом ПРОСТРАНСТВА Y-а или его зоны В». Семантическим типом предиката глаголов данной лексико-семантической группы может быть как действие, при наличии в семантической структуре Субъекта признака «контролируемость», так и процесс, при его отсутствии. Ограничение употребления рассматриваемых глаголов в императивных конструкциях как тестов на определение контролируемости и отнесенности к определенному семантическому типу предиката не всегда является показательным. Снятие ограничения на употребления глаголов в императивных конструкциях объясняется изменением когнитивной конструкции самих глаголов, сменой физического типа пространства на пространство функциональных отношений в правосторонней позиции актанта. При этом понятие ПРОСТРАНСТВО усложняется, и в семантической структуре предиката актуализируется признак «ПОКИДАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ».

Список литературы

1. *Амирова О.Г.*, Семантическая модель английских глаголов управления (на материале английских глаголов *govern, rule, manage, run*) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Амирова О. Г. – Уфа, 2002. – 191 с.
2. *Апресян Ю.Д.*, Лексическая семантика. Синонимические средства языка: [монография]. / Ю.Д. Апресян. - 2-е изд., перераб., доп. - М.: Языки русской культуры, 1995. - С. 48-53.
3. *Байбурина Р.З.*, Семантическая модель глаголов положительной оценки [Текст]: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Байбурина Р.З. – Уфа, 2006. – 24 с.
4. *Болдырев Н.Н.*, Когнитивная семантика: [монография] / Н.Н. Болдырев — М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. С 18-24.
5. *Валова Ю.В.*, Когнитивный потенциал английских глаголов возражения *decline, refuse, reject* [Текст]: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Валова Ю.В. – Уфа, 2013. – 24 с.
6. *Волкова Н.В.*, Метафорика переносного значения английских глаголов видения [Текст]: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Волкова Н. В. – Уфа, 2009. – 26 с.
7. *Диярова Л.А.*, Когнитивные основания семантических мутаций анималистической глагольной лексики английского языка [Текст]: автореферат дис. ... кан. филол. наук: 10.02.04 / Диярова Л.А. - Уфа, 2019. - 25 с.
8. *Дмитриева Р.Я.*, Когнитивные основания функционального и метафорического значения английских пространственных предлогов и наречий (на материале *up* и *down*) [Текст]: автореферат дис. ... кан. филол. наук: 10.02.04 / Дмитриева Р.Я. - Уфа, 2016. - 24 с.
9. *Кошелев Л.Д.*, Еще раз о структуре лексического значения // Семиотика и информатика [Текст]: 1998. - №36. С. 262-273.
10. *Кузьмина В.В.*, Семантическая модель английских мотивационных глаголов [Текст]: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Кузьмина Виктория Витальевна. – Уфа, 2012. – 157 с.
11. *Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н.*, Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках [Текст]. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1998. С. 251-260.
12. *Плунгян В.А.*, К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка: Языки динамического мира / Ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна: Междунар.ун-т природы, общества и человека, 1999. — С. 205-223.
13. *Пете И.*, Пространственность, предлоги, локальные отношения, картины мира и явления асимметричности // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2004 № 3. — М.: Издательство Московского университета, 2004. — С. 61–74.
14. *Рахилина Е.В.*, Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика [Текст]. - М: Языки славянских культур, 1998. № 36. - С. 274-323.

15. Селиверстова О.Н., Семантические типы предикатов в английском языке [Текст] / О. Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 86-216.
16. Селиверстова О.Н. Труды по семантике [Текст]. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
17. Хамзина К.Р., Типология когнитивных моделей в описании внешности человека [на материале английского языка] [Текст]: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Хамзина К. Р. – Уфа, 2013. – 201 с.
18. Шабанова Т.Д., Семантическая модель английских глаголов зрения: теоретико-экспериментальное исследование [Текст]: монография / Шабанова Т. Д. – М. – Уфа: Изд-во «Восточный университет», 1998. – 198 с.
19. Шабанова Т.Д., Сулейманова Д.М., Швайко В.Я., Волкова Н.В. Семантические модуляции в глагольной лексике английского и русского языков в единстве семантического, когнитивного и конструктивного подходов [Текст]: монография / Т.Д. Шабанова, Д.М. Сулейманова, Я.В. Швайко, Н.В. Волкова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 230 с.
20. Швайко Я.В., Семантическая модель английских глаголов обучения [Текст]: автореф. дис. ... кан. филол. наук: 10.02.04 / Швайко Я.В. – Уфа, 2006. – 24 с.
21. Fillmore, Charles J. The case for case. Universals in Linguistic Theory. E. Bach and R. Harms. New York, Holt, Rinehart, and Winston. - 1968.
22. Freed, A.F. The Semantics of English Aspectual Complementation [Text] / Alice F. Freed. – Dordrecht, London, 1979. – 172 p.
23. CED – Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 03.05.2019).
24. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 18.06.2019).

10.02.04

Г.Р. Еремеева канд. педагог. наук, Ф.Х. Исмаева канд. филол. наук, Е.В. Мальцева

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков,
Казань, guzeliksanova@rambler.ru

МЕХАНИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЬЯХ

Статья посвящена часто употребляемым механико-математическим терминам, встречающимся в англоязычных научных статьях. Рассмотрены, классифицированы, визуализированы различные механические термины на английском языке. В данной работе проведено исследование частоты употребления механико-математической терминологии преподавателей Казанского (Приволжского) федерального университета и частота употребления этой же терминологии в статьях, размещенных в интернет-ресурсе Scopus. В ходе эксперимента выявлено то, что частота употребления определенных механико-математических терминов преподавателями намного больше, чем их частота употребления в научных статьях.

Ключевые слова: лингвистика, английский язык, механико-математический, терминология.

Стремительно изменяется мир и сама жизнь. В неё входят новые технологии. А значит, изучение любого предмета становится интересней, когда понимаешь значение терминов. При этом уделяя внимание смысловому значению и происхождению того или иного специфического слова, процесс запоминания становится практически незаметным и дальнейшее правильное употребление этого слова не вызывает затруднений.

Многие механико-математические термины уже в своем названии «содержат определение», т.е. несут понятную смысловую нагрузку. Например, «Modelling», «Method». Но далеко не вся механико-математическая терминология оснащена смысловой нагрузкой. А как быть со словами, которые заимствованы из другого языка и звучат совершенно непонятно? «Vorticity», «Porosity», «Resulting accuracy» - для незнающего человека эти слова ничего не значат. Но если разобраться с этимологией данных слов, то все становится понятным.

В настоящее время проблема перевода технической терминологии является актуальной в связи с возрастающими объемами переводов и возникающими при переводе трудностями. Изучение специфики исходного текста крайне необходимо, так как без ее учета адекватный перевод целого ряда источников просто невозможен. Качество и результат перевода определяются особенностями исходного текста, поэтому взаимосвязь текста и перевода является одной из основных проблем теории перевода, к которой оправданно обращаются многие исследователи перевода, занимающиеся его специальными аспектами. **Актуальность исследования** обуславливается тем, что в технических университетах уделяется большое количество времени профессионально направленному модулю, в том числе техническому переводу и изучению технической терминологии.

Целью исследования является выявление частоты употребления механико-математической терминологии в англоязычных статьях из базы научных работ и публикаций – Scopus в сравнении с частотой употребления этой же терминологии преподавателями К(П)ФУ.

Для проведения исследования в статьях [5, 3, 4, 7] предварительно были выбраны 20 механико-математических терминов: Modelling (Моделирование), Continuity equations (Уравнение неразрывности), Non-dimensional (Безразмерный), Boundary condition (Граничное условие), Boundary element method (Метод граничных элементов), Finite volume method (Метод конечных объемов), Vorticity (Завихренность), Partial differential equation (ДУ в частных производных), Unstructured grid (Неструктурированная сетка), Heterogeneous media (Неоднородная среда), Two-phase flow (Двухфазный поток), Porosity (Пористость), Direct numerical simulation (Прямое численное моделирование), Particle flow (Поток твердых частиц), Thermal convection (Тепловая конвекция), Resulting accuracy (Результирующая точность), Specific heat (Удельная теплоемкость), Incompressible Newtonian fluid (Несжимаемая ньютоновская жидкость), Unit normal vector (Вектор единичной нормали), Coefficient of the drag (Коэффициент сопротивления).

С целью выяснения частоты употребления выбранной терминологии опрос прошли 3 преподавателя кафедры механики и математического моделирования Казанского (Приволжского) федерального университета. Были получены следующие результаты, которые представлены в табличной форме (Табл.1).

Таблица 1. Результаты опроса преподавателей.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	Modelling	Continuity equations	Non-dimensional	Boundary condition	Boundary element method	Finite volume method	Vorticity	Partial differential equation	Unstructured grid	Heterogeneous media	Two-phase flow	Porosity	Direct numerical simulation	Particle flow	Thermal convection	Resulting accuracy	Specific heat	Incompressible Newtonian fluid	Unit normal vector	Coefficient of the drag
1	*	*	*	*	*	*	*	*	*		*	*	*	*	*	*		*	*	*
2	*	*	*	*	*	*		*	*	*	*	*	*	*	*	*		*	*	*
3	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*		*	*	*	*	*	*
частота употребления	3	3	3	3	3	3	2	3	3	2	3	3	3	2	3	3	1	3	3	3

Далее, согласно эксперименту, выбранная терминология и частота ее употребления была проанализирована в научных статьях [1, 6, 2] в журнале «Experiment Thermal and Fluid Science» из базы данных Scopus, в котором был выбран фильтр по соответствующей научной области. Фильтрация была произведена по следующим областям: Mechanics of Materials, Mathematical Physics, Modeling And Simulation. Были получены следующие результаты, которые представлены в табличной форме (Табл. 2).

Таблица 2. Результаты поиска терминологии в статьях Scopus.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	Modelling	Continuity equations	Non-dimensional	Boundary condition	Boundary element method	Finite volume method	Vorticity	Partial differential equation	Unstructured grid	Heterogeneous media	Two-phase flow	Porosity	Direct numerical simulation	Particle flow	Thermal convection	Resulting accuracy	Specific heat	Incompressible Newtonian fluid	Unit normal vector	Coefficient of the drag
1		*	*	*				*			*		*	*	*	*	*			
2	*	*	*	*						*			*	*	*	*	*	*	*	
3	*	*									*		*	*	*	*			*	
частота употребления	2	3	2	2	0	0	0	1	0	1	2	0	3	3	3	3	2	1	2	0

Таким образом, были получены 2 группы: экспериментальная и контрольная (Табл. 3).

Таблица 3. Сравнение экспериментальной и контрольной выборок.

	Modelling	Continuity equations	Non-dimensional	Boundary condition	Boundary element method	Finite volume method	Vorticity	Partial differential equation	Unstructured grid	Heterogeneous media	Two-phase flow	Porosity	Direct numerical simulation	Particle flow	Thermal convection	Resulting accuracy	Specific heat	Incompressible Newtonian fluid	Unit normal vector	Coefficient of the drag
экспер.	3	3	3	3	3	3	2	3	3	2	3	3	3	2	3	3	1	3	3	3
контр.	2	3	2	2	0	0	0	1	0	1	2	0	3	3	3	3	2	1	2	0

Для чистоты эксперимента было проведено сравнение частот экспериментальной выборки с частотами в контрольной выборке. Экспериментальная выборка – частоты встречаемости терминологии у преподавателей К(П)ФУ, контрольная выборка - частоты встречаемости терминологии в статье, размещенных в интернет-ресурсе Scopus.

Существует обоснованный метод проверки выдвигаемых гипотез - это сравнение частот двух независимых выборок. Для сравнения полученных данных был выбран критерий Стьюдента, выдвинуты гипотезы о наибольшей частоте употребления терминологии преподавателями (H_0) и альтернативная гипотеза о наибольшей частоте употребления терминологии в различных статьях (H_1). Статистика критерия считается по формуле

$$t_{\text{эм}} = \frac{\bar{x} - \bar{y}}{\sigma_{x-y}}, \text{ где } \bar{x}, \bar{y} - \text{средние арифметические в экспериментальной и контрольной группах, } \sigma_{x-y} - \text{стандартная ошибка разности средних арифметических, которая находится}$$

из формулы:
$$\sigma_{x-y} = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2 + \sum (y_i - \bar{y})^2}{N_1 + N_2 - 2} \left(\frac{1}{N_1} + \frac{1}{N_2} \right)}, \text{ где } N_1, N_2 - \text{величины первой и}$$

второй выборки. Число степеней свободы вычисляется по формуле $k = N_1 + N_2 - 2$. Далее необходимо сравнить полученное значение $t_{\text{эмп}}$ с теоретическим значением $t_{\text{крит}}$ — распределения Стьюдента. Если $t_{\text{эмп}} < t_{\text{крит}}$, то гипотеза H_0 принимается, в противном случае нулевая гипотеза отвергается.

При проведении эксперимента у экспериментальной и контрольной групп были рассчитаны следующие значения:

1. Количество членов выборки: $N_1 = 20, N_2 = 20$
2. Средние арифметические выборки: $\bar{x} = 5.2, \bar{y} = 1.5$
3. Стандартные отклонения: $\sigma_x = 5.74, \sigma_y = 21$
4. Ошибки разности арифметических средних: $\sigma_{x-y} = 2.1$
5. Статистика критерия: $t_{\text{эмп}} = 0.59$

Сравниваем полученное в эксперименте значение $t_{\text{эмп}}$ с табличным значением с учетом степеней свободы. Табличное значение $t_{\text{крит}}$ равняется 2,024 (0,6) при уровне значимости = 5 %. Отсюда следует вывод, что принимается нулевая гипотеза (H_0) о наибольшей частоте употребления терминологии преподавателями.

Таким образом, в ходе эксперимента, было выявлено то, что частота употребления определенных механико-математических терминов преподавателями намного больше, чем их частота употребления в научных статьях. В будущем планируется дальнейшие исследования в данной области.

Список литературы

1. Bashira A.I. Single-phase forced convection heat transfer and pressure drop in circular tubes in the laminar and transitional flow regimes / M. Evertsa, R. Bennacera, J.P. Meyera // Experimental Thermal and Fluid Science-2019
2. Cioncolinia A. Micro-orifice single-phase flow at very high Reynolds number / S. Cassineri, J. Duff, M. Curioni, F. Scenini // Experimental Thermal and Fluid Science-2018
3. Nishad C.S. Flows in slip-patterned micro-channels using boundary element methods / A. Chandra, G.P. Raja Sekhar // Engineering Analysis with Boundary Elements-2016
4. Rao X. A mimetic Green element method / L. Cheng, R. Cao, X. Zhang, D. Dai // Engineering Analysis with Boundary Elements-2019
5. Rao X. Numerical simulation of two-phase flow in porous media based on mimetic Green element method / L. Cheng, R. Cao, W. Song, X. Du, Y. He, D. Dai // Engineering Analysis with Boundary Elements-2019
6. Samuel S.G. Natural convection heat transfer and boundary layer transition for vertical heated cylinders / Wade R. Mar-cum // Experimental Thermal and Fluid Science-2019
7. Walayat K. An efficient multi-grid finite element fictitious boundary method for particulate flows with thermal convection / Z. Wang, K. Usman, M. Liu // International Journal of Heat and Mass Transfer-2018

10.02.04

О.В. Звада канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, zoksana@inbox.ru

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТЕ СВОБОДА В КОНТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В данной статье предпринята попытка проанализировать концепт «свобода» на примерах из англоязычной художественной литературы. В современной науке концепт – это чрезвычайно широкое понятие, используемое в различных парадигмах знания. В лингвистических работах отсутствует единое определение термина «концепт». Учёные-когнитивисты (А.П. Бабушкин, Н.А. Болдырев, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова и т.д.) определяют концепт как речемыслительную единицу в сознании индивидуума, которая представляет собой целостное, нерасчлененное отражение действительности. Ученые, принадлежащие к культурологическому направлению (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.И. Шаховский) определяют концепт как ментальное образование, имеющее этносемантическую специфику. Концептуальный анализ – одно из перспективных направлений лингвистического анализа текста, прошедшее за последние десятилетия сложный путь.

Ключевые слова: *концепт, свобода, значение, концептуальный анализ, англоязычная художественная литература.*

В данной статье концепт рассматривается как ментальное образование, окрашенное национально-культурной спецификой. Ю.С. Степанов полагает, что концепт включает в себя следующие компоненты «1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже не актуальными, а историческими; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней словесной форме» [7]. С.А. Аскольдов, в свою очередь, считал, что концепт есть мысленное образование, которое замещает нам большое количество предметов одного и того же рода [1].

Целью данного исследования является определение семантического наполнения концепта *свобода* «liberty», выяснение особенностей функционирования языковых средств его объективизации, а также характеристика специфики рассматриваемого концепта.

Рассмотрим первый пример: «— I heard Reeves was here. What did he find out? Were you meaning to remain involved in the investigation, Mr. Kestrel? Your servant is now at liberty. Surely your principal motive lior concerning yourself with the murder has been removed.

— Yes, thought Julian, you've very neatly removed it» [8].

В данном примере свобода предстает как право, данное сверху, согласно Cambridge Dictionary, фраза «to be at liberty» — означает «иметь разрешение на какие-либо действия»; является ярким примером «негативным свободы», данной кем-то, но без личного выбора [9].

В представленном контексте в другом примере: «I'm not a racist and do not subscribe to any of the tenets of racism. In all honesty and sincerity it can be stated that I wish nothing but freedom, justice and equality: life, liberty, and the pursuit of happiness for all people. SHOT. Malcolm is bent over in prayer, lone figure in a huge mosque» [9]; «liberty» — это идеал, общечеловеческое право, стоящее рядом с правом жизни и правом следовать к своему счастью. Мы считаем, что в данном примере концепт «liberty» несёт многоплановое значение. «Liberty» противопоставляется расизму.

Следующий пример: «Liberty was staffed by Russian émigrés and defectors, hence offered vitriol more in character with its audience. An arc of jamming arrays had been built south of Moscow simply to block Radio Liberty, sometimes chasing the signal up and down the dial. Although full-time jamming had stopped, this was the first time since then that Arkady had heard the station» [8]. При анализе данного примера, мы вновь должны обратиться к истории. Здесь «liberty» — это название радиостанции, созданное русскими эмигрантами. Создание сооружений для создания помех и блокировки радиостанции, на котором, очевидно, велась пропаганда. «Liberty» — это идея, совокупность прав, за которую борются люди.

В следующем примере: «— I took the liberty of fixing the place up a little. I'll gladly restore it to original condition when I leave.

— Don't worry about it, «Azzie said» [8] — демонстрирует распространенную английскую идиому «to take a liberty of doing something», означающую «сделать что-то без согласия окружающих, что косвенно повлияет на них». В данной идиоме «liberty» приобретает новый подтекст, «позитивную концепцию свободы» и означает не право, данное индивидууму, а личностный выбор.

Используя метод концептуального анализа, в данном исследовании была проанализирована семантическая наполняемость концепта «liberty» на базе англоязычных художественных текстов.

По данным проведенного анализа художественных текстов, рассматриваемый концепт обладает высоким семантическим наполнением. В содержании англоязычных художественных текстов концепт «liberty» вербализирует понятия: свобода, равенство, право, ответственность, закон и многие другие. Семантическое наполнение рассматриваемого концепта характеризуется совокупностью словарных дефиниций и комплексом контекстуальных смыслов, обогащающих содержание концепта.

В данной статье была предпринята попытка рассмотреть лишь некоторые аспекты концепта и метода концептуального анализа. Справедливо полагать, учитывая вышеизложенный анализ, что *концепт* является содержательной единицей лингвистики, мыслительным образом с широким языковым полем, который образуется с жизненным опытом индивидуума и его культурой. Концепт является главной составляющей языковой картины мира. Языковая картина мира — это отображение реального мира в сознании человека, концептуальная система, вербализированная в языке. Вслед за Д.С. Лихачёвым, следует придерживаться мнения, что слова, их значения не существуют независимо, сами по себе, а также концепты этих значений, а находятся в определенном человеческом поле. У каждого человека есть своя картина мира, наряду с индивидуальным и культурным опытом имеется запас знаний и навыков, которыми и определяется богатство различных понятий [6].

Концепт «liberty» является многомерным смысловым образованием, обладающим широким семантическим пространством, входит в число общецивилизованных концептов западной культуры, и занимает важное место в англосаксонской языковой картине мира, концепт «liberty» — полисемант, означающий не столько свободу, как абстрактное понятие, сколько узаконенное право на свободу выбора образа жизни без давления со стороны.

Подобный дуализм приводит к разноплановому разделению концепта «liberty» на «позитивную и негативную свободы». Если «негативная концепция» свободы представляет собой определенную зону комфорта, где индивид имеет право свободы выбора, свобода как идеал, для реализации которого необходимы ограничения, «позитивная концепция» — это личная свобода реализовывать этот же самый идеал в зависимости от собственных интересов. Ограничения, нужные для реализации свободы как идеала, вводят в концепцию «liberty» понятия закона и права. Подобные противоречия видны в ходе концептуального анализа художественных произведений, где концепт «liberty» варьирует между своими «позитивными и негативными» аспектами.

Анализ концепта «liberty» отразил полисемантическое многообразие данного концепта, совокупность денотативных и коннотативных значений и дуализм свободы как философского понятия. Концепт «liberty» в художественном контексте включает следующие

характеристики: отсутствие стороннего давления (расовой дискриминации, нарушение личного пространства, общественное порицание или государственное вмешательство; личный выбор, «позитивная свобода»; узаконенное право на свободу, «негативная свобода»; нахождение вне тюремного заключения. Рассмотренный в данной статье концепт на примере англоязычных художественных текстов отображает все многообразие собственных семем, фигурирует в структуре лексических средств, а также идиоматических выражениях, таких как: «to be at liberty», «to take a liberty of doing something».

В.И. Карасик рассматривает концепт как явление, которое состоит из понятийного, образного и ценностного компонентов [4], и в данном исследовании было дано определение некоторых сущностных признаков концепта «liberty», а также установлены его важнейшие образные, понятийные и ценностные характеристики.

Список литературы

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / С.А. Аскольдов, под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 263-305.
3. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С.3-16
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: учеб. для вузов / В.И. Карасик. – М.: Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка: Известия РАН. Сер. лит. и яз. / – М. – 1993. – С. 3–9.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. – 1997. – С. 40 - 43
8. Corpus of Contemporary American English / URL:<https://corpus.byu.edu/coca/>
9. Merriam-Webster Dictionary / Liberty // definition. URL:<https://www.merriam-webster.com/dictionary/liberty>
10. Oxford English Dictionary / Liberty // definition. URL:<https://en.oxforddictionaries.com/english>

10.02.04

Л.Е. Корнилова канд. филол. наук

Дальневосточный федеральный университет,
Восточный институт-Школа региональных и международных исследований,
Кафедра романо-германской филологии,
kornilova.le@dvfu.ru

ЯПОНСКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ. ПРОБЛЕМЫ ОПОСРЕДОВАННОГО ПЕРЕВОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются проблемы адекватной передачи японских ксенонимов на русский язык через немецкий язык как язык-посредник, затрагивается вопрос о существующих системах латинизации и кириллизации японских заимствований и различиях этих систем, приводящих к возникновению переводческих дублетов, указываются перспективы обучения опосредованному переводу.

Ключевые слова: *перевод, опосредованный перевод, язык-посредник, переводная обратимость, японские ксенонимы, латинизация.*

Двусторонние отношения между Германией и Японией традиционно являются тесными и дружескими. Обе страны, будучи крупными промышленно развитыми странами (вторая и третья по величине экономика в мире), имеют общие интересы не только в сфере экономики, но и в сфере науки и культуры. Германия по-прежнему выступает крупнейшим торговым партнером Японии, в то время как Япония на протяжении многих лет является наиболее важным торговым партнером Германии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для России обе страны также остаются важными партнерами в различных областях, в том числе в области науки и культуры.

Учебные программы для дальнейшего обучения российских и японских специалистов, стипендиальные программы для российских, немецких и японских студентов, а также расширяющийся академический обмен между университетами и исследовательскими институтами России, Германии и Японии дополняют взаимоотношения этих стран.

Отношения между Японией и Германией можно проследить до периода Эдо (1603-1868). В течение этого времени немецкие врачи и исследователи, такие как Энгельберт Кемпфер и Филипп Франц фон Зибольд, работали на службе Голландской Ост-Индской компании в Японии. Они помогали распространять знания о Западе в Японии и по возвращении, сделали эту страну известной для широкой общественности в Европе. Филипп Франц фон Зибольд интересовался культурой, искусством и историей Японии, собирал карты, мифы, рисунки, литературные памятники и опубликовал свои труды о жизни этой страны, среди которых широко известна книга под названием «Ниппон» [9, с.138]. Так письменным путем в немецкий язык попали первые японские слова.

В 1859 году Прусское правительство направило в Японию дипломатическую миссию под предводительством графа Франца фон Ойленбурга. В 1861 году он успешно заключил с Японией договор о дружбе и торговле [1, с. 16]. В период Мэйдзи (1868-1912) Япония переняла много знаний из Германии, в частности, в области права, науки и искусства. Известно, что государственный деятель Ито Хиробуми использовал прусскую конституцию в качестве образца для формирования первой конституции Японии [1, с. 20].

С конца XIX века в Японии систематически преподают немецкий язык. Немецкий язык был очень важен в области права, медицины, науки, музыки и литературы в Японии. После окончания Второй мировой войны немецкий язык начал сдавать свои позиции. После того как университеты в Японии получили право выбирать второй иностранный язык в качестве обязательного предмета, число изучающих немецкий язык резко сокращается [2, с. 41]. Сегодня немецкий язык является вторым по важности европейским иностранным языком для ученых и студентов.

Поскольку немецкий язык является вторым по популярности иностранным языком в Японии и изучается в вузах нашего региона, то он может служить языком - посредником между народами России, Германии и Японии. Благодаря знаниям немецкого языка открывается возможность познакомиться с культурой Японии тем, кто не владеет японским языком, но знает немецкий язык.

Материалом для изучения и перевода становятся тексты различной тематики и направленности, в том числе и романы японских писателей. И в этом случае в качестве *lingua franca* используется немецкий язык, который служит языком посредником между двумя изначально чуждыми культурами и выступает средством создания промежуточного текста, между исходным текстом на немецком языке и переводным на русском языке. Перевод текста, уже послужившего в качестве переводного текста на другой переводной язык, называется опосредованным переводом [13, с. 244]. В процессе опосредованного перевода текст переводят сначала на немецкий, затем с немецкого языка на русский.

Самой большой проблемой в опосредованном переводе является то, что переводчик переводит японские ксенонимы [11, с. 20], языковые единицы, обозначающие элементы внешних культур, с немецкого языка, ориентируясь на традиционные немецко-русские корреляции. Поэтому переводчик на русский не всегда может распознать японское заимствование, которое имеет параллельную форму, заимствованное уже в русский язык напрямую. Это связано как с различиями в структурах наших языков, так и в путях их заимствования. Еще одной из проблем является влияние английского языка. Некоторые японские слова были переведены на русский с английского: *sushi* – суши (вместо суси), *sashimi* – сашими (вместо сасими), *tamagochi* – тамагочи (вместо тамаготи, *Mitsubishi* – Митсубиши (вместо Мицубиси), *Hitachi* – Хитачи (вместо Хитати) и другие [13, с.254]. На создание русских слов и словосочетаний для японских ксенонимов и антропонимов влияет также благозвучие японских слов на русском языке, например, *sushi* - суши вместо суси.

Опосредованный перевод японских ксенонимов может осуществляться несколькими способами: при помощи транслитерации или транскрипции, калькирования, то есть перевода частей исходной формы, и толкования значения исходной формы. Трудности перевода японских слов на немецкий язык возникают из-за различий между этими двумя системами, будь то немецкий и японский или русский и японский.

Востоковеды используют разные системы латинизации, но самыми известными считаются система Хэпбурна и система Кунрэй. В Германии, так же как и в других странах мира, самой популярной является система Хэпбурна. В Германии её используют как вспомогательное средство при изучении японского языка, в учебных изданиях, в немецко-японских словарях, при составлении путеводителей, а также для транскрипции японских названий в любой другой литературе о Японии [3, с. XIII].

В Японии система Хэпбурна также является более популярной, чем система Кунрэй ромадзи: её учат в школе, используют в учебниках, словарях, в паспортах, в надписях на указателях и почти всегда в изданиях на иностранных языках. Чисто японские системы Кунрэй ромадзи и Новая Ромадзи встречаются в основном в написании географических наименований, которые закрепляют традицию употребления гораздо сильнее, чем нарицательные существительные [13, с. 122].

Наиболее популярной и широко используемой системой кириллизации японских слов в русском языке является система Е.Д. Поливанова. Система Е.Д. Поливанова по своему устройству схожа с системой латинизации Кунрэй ромадзи: она научно обоснована и логична, но, тем не менее, может стать причиной неправильного понимания правил японского произношения. Именно из-за этого в настоящий момент нередко возникают споры среди учёных-востоковедов, и по этой причине мы можем наблюдать некоторые расхождения в записи японских слов кириллицей.

Согласно системе Поливанова в транслитерированном тексте исконно японские слова, записанные кандзи и хираганой, пишутся строчными буквами, а заимствованные слова, для которых японцы используют катакану – прописными. Некоторые слова японского

происхождения не соответствуют правилам системы Е.Д. Поливанова и пишутся в соответствии с языковой нормой. К таким словам можно отнести японские слова «иена», «гейша», «суши» или, например, географические названия: *Токио, Киото, Шикотан*.

Есть различные факторы, которые способствуют некорректной записи японских слов кириллицей. К примеру, некоторые переводчики не знают о системе Поливанова и поэтому, переводя тексты японских авторов с других языков, транслитерируют латинизации Хэпбурна. В случае кириллизации латинизированных по системе Хэпбурна японских слов применяются общепринятые правила транслитерации слов с английского языка. Таким образом «shi» может легко превратиться в «ши» (вместо нормативного си), «cha» в «ча» (вместо тя) «j» в «дж» и т.д.

В России при написании японских заимствованных слов кириллическими буквами чаще всего используется транскрипционная система Е. Д. Поливанова, однако, при переводе английских и немецких текстов на русский язык могут допускаться неточности в написании японских терминов. Например:

*Die Montierungen des **Dai-sho** waren – wie beim europäischen Degen und Linkehanddolch – als Garnitur ausgeführt. Während das Katana nur außer Haus getragen wurde, blieb das **Wakizashi** immer am Mann, nachts lag es neben dem Bett* [6, с. 168].

Рассмотрим термины *вакидзаси* (*das Wakizashi*) и *дай-сё* (*das Dai-sho*). Термин *вакидзаси*, представленный в тексте, имеет окончание «shi», которое характерно для системы Хэпбурна. В системе Кунрэй данный слог в письменном виде обозначается как «si». Термин *дай-сё* имеет окончание «sho», написание которого характерно для латинизации Хэпбурна, в то время как в системе Кунрэй тот же слог обозначается как «syo».

При рассмотрении перевода терминов японского холодного оружия был выявлен ряд неточностей при трансформации японских терминов из системы Хэпбурна в кириллицу. Согласно системе Е.Д. Поливанова японские термины *Dai-sho, Chokuto, Shoh-to, Ji* и *Shinogi-ji* должны выглядеть как *дай-сё, тёкуто, сё-то, дзи* и *синоги-дзи*, но в русскоязычном экземпляре книги Томаса Лайбле термин *Dai-sho* был переведен как *дай-шо, Chokuto – чокуто, Shoh-to – сох-то*, термины *Ji* и *Shinogi-ji* были переведены, как *йи* и *синоги-йи*. Сравнив перевод данных терминов с транскрипцией в системе Поливанова, можно сделать вывод, что при переводе терминов *Chokuto* и *Dai-sho* переводчик применил транскрипцию, которая соответствует системе Хэпбурна. Однако термины *Shoh-to, Ji* и *Shinogi-ji*, которые были переведены как *сох-то, йи* и *синоги-йи*, не соответствуют системам Хэпбурна и Поливанова, и это говорит о том, что переводчик опирался на другую транскрипционную систему, которая не отражает фонографический аспект данных терминов.

Перевод литературных текстов требует овладения различными аспектами языка (например, грамматикой, синтаксисом), а также развитыми стилистическими навыками и широкими общими знаниями. При переводе на русский язык следует находить способы понимания содержания, специфичного для данной культуры, и сохранения подлинной атмосферы оригинала, не перегружая текст экзотическими иностранными словами.

Рассмотрим перевод романа Ясуси Иноуэ «Сны о России». На немецком языке он называется «Der Sturm». Впервые этот роман автор статьи прочитала на немецком языке и не знала о существовании его перевода на русском языке. Первое желание перевести название романа прямыми словарными соответствиями «Буря» или «Шторм». После знакомства с русским переводом, стало интересно название этого романа на японском языке. Оказалось, что точный перевод дали русские переводчики, а немецкие переводчики адаптировали название для немецкоговорящих читателей. Далее наш интерес к биографии и творчеству Ясуси Иноуэ, позволил выяснить, что некоторые романы переведены только на русский язык, а другие только на немецкий язык. Напрашивается вывод: знание немецкого и русского языков позволит более полно познакомиться с творчеством этого писателя, прочитав переводы произведений этого писателя на немецком языке, либо на русском.

Ясуки Иноуэ родился 6 мая 1907 года в Асахикаве, Хоккайдо, и умер 29 января 1991 года в Токио. Он изучал искусство и историю в Кюсю, затем в Киото. В 1937 году он начал свою карьеру писателя. Одиночество и межличностные отношения определяют многие его произведения, в том числе исторические романы, очерки и поэзию. Его романы завоевали множество литературных наград и были переведены на многие языки. В Германии, а также в России он является одним из самых читаемых японских авторов.

Роман «Сны о России» популярен в Германии, но особенно он интересен и русским читателям, интересующимся историей России и Дальнего Востока. В основу романа легла реальная история из жизни японских рыбаков, унесенных бурей к берегам России.

При опосредованном переводе с японского через немецкий на русский язык могут возникнуть проблемы. Например, при воспроизведении японских звуков существуют разные европейские системы латинизации. Обычно переводчик называет используемую им систему латинизации. В переводе же данного романа система латинизации не указывается, однако при встрече в романе японских ксенонимов мы понимаем, что японские слова записаны в системе Хэпбурна. Например: *Kôdayû* (*Кодаю*) und *Shinshô-maru* (*Синсё-мару*, *Wakashi-maru* (*Вакаси-мару*), *Satsuma* (*Сацума*), *Ôsaka* (*Осака*) и многие другие. Гласные, как правило, краткие, длинные гласные помечены макроном (¯), часто вместо отсутствующего макрона используется диакритический знак (^).

Не все заимствованные слова на этапе вхождения в язык-реципиент в разной степени подвергаются ассимиляции. Так большинство японских заимствований в романе на немецком языке мало изменились с момента их включения (например, *die Wakashi-maru*, *der tachi-bugô*).

Усвоение заимствованных слов является медленным и сложным процессом, особенно когда два языка в контакте принадлежат к разным языковым группам, таким как японский и немецкий. Процесс влияния одного языка не является постоянным процессом, он происходит то сильнее, то слабее.

При переводе важно понимать роль японского ксенонима в предложении. Все слова в языке определенным образом грамматически оформлены, «поэтому, «приписывание» того или иного иноязычного лексического элемента к определенной парадигме, выражение – морфологическое или синтаксическое – рода, числа, падежа у существительных, наличие определенных суффиксов и флексий у существительных, характерных для заимствующего языка, является неотъемлемым актом заимствования» [12, с. 208].

Как утверждают многие исследователи, заимствуются чаще всего существительные, обозначающие специфические предметы, понятия или явления культуры. Это подтверждается и нашим материалом, в котором существительные составили 100 %.

Об освоенности заимствованных лексических единиц свидетельствует наличие у них формальных признаков грамматических категорий заимствующего языка и способность лексем изменяться в зависимости от роли в предложении. С формальной точки зрения синтаксические функции существительного – это функции подлежащего, именного сказуемого и дополнения.

Рассмотрим следующее предложение:

*Im Sommer des Jahres 1729 strandete am Kap Lopatka nach sieben Monaten auf hoher See die mit Wollstoffen und Papier beladete **Wakashi-maru**, die auf dem Weg von süd-japanischen **Satsuma** nach **Ôsaka** in einen Taifun geraten war*[4, с. 17].

Летом 1729 года к мысу Лопатка на Камчатке прибило японское судно «Вакаси-мару», которое с грузом хлопка и риса следовало из Сацумы в Осака. По дороге его застигла буря, и после семимесячных блужданий по океану судно пристало к камчатскому берегу (перевод автора).

Wakashi-maru является существительным женского рода, на что указывает окончание прилагательного *beladete* и относительное местоимение *die*, которое вводит придаточное определительное предложение после японского ксенонима *Wakashi-maru*. *Wakashi-maru* согласуется с глаголом *strandete* и выполняет функцию подлежащего в предложении.

Проблемой опосредованного перевода ксенонимов может стать невозможность переводной обратимости, при которой обеспечивается переход от переводного наименования к исходному. Рассмотрим перевод с японского языка на русский выше приведенного примера:

Летом 1729 года к мысу Лопатка на Камчатке прибило японскую бусу с семнадцатью японцами на борту. Судно называлось «Хайанку-мару» и следовало с грузом хлопка и бумаги из Сацумы в Осака[10].

В немецком переводе судно называется *Wakashi-maru*, а в русском переводе «*Хайанку-мару*». К сожалению, при отсутствии оригинала романа сложно сказать, какой вариант перевода верный.

Рассмотрим еще один пример: *Etwa fünf chō vor der Bucht warfen sie den ihnen verbliebenen Anker[4,с.30]. – В пяти mē [10] от берега они бросили в море то, что осталось от якоря* (перевод автора). В русском варианте: *Примерно в пятистах метрах от берега корабль бросил якорь.*

Неотъемлемой частью ассимиляции немецким языком японских заимствований на немецком языке является приобретение ими артикля и изменение по падежам. В немецком языке 4 падежа: именительный, родительный, дательный и винительный. Падеж указывает на синтаксическую функцию существительного в предложении. Анализ японских заимствований в данном романе показывает, что японские ксенонимы получают падеж в соответствии с синтаксической функцией, которую выполняет это слово.

Пример 2

*„Hier, sehen die nicht aus wie die Blätter der yomogi, wie sie auch in der Umgebung von Ise zu finden sind?“[4, с. 46] – Посмотри, выглядит как **чернобыльник**, который растет в окрестностях Исэ, — обратился он к Кодаяю.*

Пример 3

*„Zur gleichen Zeit kamen Kōdayū und Isokichi in Edo an, wurden dem machi-bugyō Ikeda Nagashige übergeben...[4, с. 344] - В это же время Кодаяю и Исокити прибыли в Эдо, их препроводили к **мачи-бугё**, городскому магистрату, **Икеда Нагасигэ**.*

Во втором примере артикль *der* и постпозиция ксенонима *der yomogi* в словосочетании *die Blätter der yomogi* указывает на его принадлежность слову *die Blätter* и на его род, женский род.

В третьем примере слово *machi-bugyō* употреблено с определенным артиклем *dem*, поскольку японских моряков передали конкретному городскому магистрату Икеда Нагасигэ, кроме этого артикль указывает на синтаксическую функцию данного слова в предложении – дополнения и его падеж – дательный.

Множественное число образуется при помощи дополнительных суффиксов, умлаута и изменения артикля. Суффикс и умлаут встречаются в комплексе или по отдельности. Единым является артикль множественного числа *die*, который приобретают все существительные во множественном числе независимо от их принадлежности к роду. В рассмотренном корпусе нет ни одного слова во множественном числе.

Очень важно осуществлять обучение опосредованному переводу студентов на занятиях по практике перевода. Япония является соседней страной России, около 650 км отделяют русский город Владивосток от Японии. Студенты Владивостока, изучающие немецкий язык, имеют возможность общаться с японцами на немецком языке, читать и переводить как специализированные тексты о Японии, так и произведения японских авторов на немецком языке. В этом случае студенты смогут углубить и улучшить свои языковые, профессиональные и межкультурные компетенции. Они также могут расширить свои знания о культуре соседней страны благодаря знаниям немецкого языка.

Список литературы

1. *Becker B.* Japan an der Spree. Deutsch-Japanische Beziehungen im Spiegel Berlin und Brandenburgs / B. Becker. – Berlin : Verwaltungsdruckerei, 1996. – 96 S.
2. *Globalisierung – Chancen und Risiken* / hrsg. von Dieter Beschorner. – Ulm : Deutsch-japanische Akademische Burse der Universität Ulm, 2002. – 164 S.
3. *Hadamitzky H.* Handbuch und Lexikon der japanischen Schrift / H. Hadamitzky. – Berlin / München : Langescheidt, 1995. – S. 11-15.
4. Inoue Yasushi *Der Sturm.* - Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2014. – 375 S.
5. *Iskos A.* Deutsche Lexikologie für pädagogische Hochschulen und Fremdsprachenfakultäten / A. Iskos, A. Lenkowa. – Leningrad : Staatsverlag für Lehrbücher und Pädagogik des Ministeriums für Bildungswesen der RSFSR. Leningrader Abteilung, 1960. – 269 S.
6. Laible Thomas *Das Schwert. Mythos und Wirklichkeit* / Thomas Laible. – Druck: Passavia Druckservice, Passau 2008. – 235 c.
7. *Lewin B.* Abriss der japanischen Grammatik auf der Grundlage der klassischen Schriftsprache / Bruno Lewin. - 3., verbesserte Auflage. – Wiesbaden : Otto Harrasowitz Verlag, 1990. – 273 S.
8. *Miller R.A.* Die japanische Sprache. Geschichte und Struktur / Roy Andrew Miller. // aus dem überarbeiteten englischen Original übersetzt von Jürgen Stalph in Verbindung mit Anita Brockmann, Annette Hack, Marc Löhr u. a. // Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien der Philipp-Franz-von-Siebold-Stiftung. – Band 4 – München : IUDICIUM Verlag GmbH, 1993. – 497 S.
9. Philipp Franz von Siebold. / hrsg. von der Deutsch-Japanischen Gesellschaft in Bayern. – München : Max Hueber Verlag, 1966. - 138 S.
10. Иноуэ Ясуси *Сны о России.* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=122305&p=1> (дата обращения: 10 мая 2019 г.)
11. *Кабакчи В.В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1998. – 228 с.
12. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : «Наука», 1968. – 208 с.
13. *Прошина З.Г.* Английский язык и культура Восточной Азии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 476 с.

10.02.04

**Е.Г. Котова канд. педагог. наук, Е.Б. Савельева канд. филол. наук,
Е.А. Линева канд. филол. наук, Т.Г. Юсупова канд. педагог. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английской филологии и переводоведения,
кафедра романо-германской филологии,
Орехово-Зуево, kotova070809@yandex.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ

В статье рассматриваются цветонаименования как системно организованное множество лексических единиц, отличающееся целостностью их восприятия, грамматической структурированностью, динамичностью в использовании широкой палитры лексем, открытостью и языковой гибкостью.

Ключевые слова: *цветонаименования, цветовая гамма, оттенки цвета, грамматические модели, тематические группы.*

Цветовая картина мира настолько богата и разнообразна, что лексическая группа «цветонаименования» часто является объектом исследований лингвистов. Нестандартность и уникальность обозначения цвета в языке, прежде всего, определяется ассоциациями, которые складываются в процессе восприятия окружающего мира в сознании человека. Цветообозначения в этой группе, безусловно, занимают ведущее место [1,2].

Модернизация косметологической индустрии напрямую связана с необходимостью изменения цветовых оттенков выпускаемой продукции. Не смотря на то, что косметические средства, такие как губная помада, тени для век, лак для ногтей изначально обладают богатой цветовой палитрой, стремление привлечь потенциальных покупательниц требует от маркетологов постоянного создания новых сочетаний лексических единиц. В языке моды значимо максимально конкретное присвоение названия детальным оттенкам цвета. Это ведет к активному использованию цветообозначений, зачастую не соответствующих их общепринятому употреблению, что приводит к объединению несовместимых понятий, например, тюльпанная лихорадка (англ. Peach Passion) – название губной помады розово-кораллового оттенка.

Известно, что главный цветовой код из шести/семи цветов имеет целый ряд оттеночных наименований, а именно:

а) сложные, с формантами ярко-, светло-, темно-, нежно-, уточняющие интенсивность окраски, например, *ярко-красный, нежно-розовый* ;

б) двусоставные цветообозначения, представляющие названия смешанных цветов или разноцветных объектов: *розово-пурпурный, коричнево-бордовый* [4].

В своей работе «Аспекты систематизации прилагательных-цветонаименований русского языка» Е.В. Крапивник разделяет цветонаименования на три типа:

1) автологические, передающие в реальном речевом употреблении цветовые качества окружающих предметов, не вызывающие в сознании носителей языка дополнительных ассоциаций и являющиеся стилистически нейтральными, например, *розовый, красный*;

2) металогические, использующиеся во вторичных значениях для номинации нецветовых характеристик явлений действительности, например, *вишнёвый, черничный, сливовый*;

3) тропеические, в содержание которых кроме денотата, соответствующего определенной цветовой субстанции, включается образно-декоративный или образно-символический компонент в виде коннотаций, конкретно-чувственных и символических ассоциаций, представлений-стереотипов, характерных для конкретной национальной общности, например, *страстный красный* и др. [3].

Пытаясь создать новые тона, современные маркетологи работают с оттенками цвета, плодотворно используя многозначность языковых единиц. Прилагательные цвета являются наиболее подвижными элементами в лексической системе языка, то есть они обладают способностью принимать на себя дополнительную семантическую нагрузку. Как показало проведённое исследование, из существующих цветонаименований губной помады наибольшим количеством переносных значений обладают слова, обозначающие красный и розовый цвета. Приведем примеры различных цветовых оттенков этого косметического средства из каталогов продукции фирм «Oriflame», «Avon» и «Faberlic» за 2019 год на примере розового цвета (19 наименований): натуральный розовый (Perennial Pink), застенчиво-розовый (Blushing), розовый нюдовый (Twinkle Pink), нежный розовый (Pure Pink), плюшевый розовый (Starburst Pink), пыльный розовый (Nude Mauve) и др.

Что касается структуры цветонаименований, то она может быть представлена следующими грамматическими моделями:

А) прилагательное + существительное, в которой второй элемент (существительное) может обозначать названия: 1) *цветов и растений*: пион (розовый) Peony Pop; роза (чайная) Nude Rose; фуксия (кремовая) Dream Fuchsia; орхидея (лиловая) Mad For Mauve и т.д. 2) *фруктов*: апельсин (красный) Bright Orange/Orange Suede; вишня (сладкая) Cherry Topped; папайя (спелая) Ripe Papaya и т.д. 3) *ягод*: клубника (нежная) Run On Rouge Up; малина (сладкая) Fierce Rose; чёрная смородина Berry Bliss; ягода (винная) Berry Cute и т.д. 4) *напитков*: вино (сливовое) Persistent Plum; шампанское (розовое) Pink Lemonade; какао (пряное) Mauve Crush; кофе (пряный) Plush Mauve и т.д. 5) *тканей*: бархат (вишнёвый) Endless Cherry; кашемир (розовый) Pink Cashmere; парча (розовая) Pink Satin и т.д. 6) *драгоценных и полудрагоценных камней*: рубин (королевский) Royal Ruby; гранат (красный) Red Garnet; амбра (золотистая) Lustrous Amber и т.д. 7) *явлений природы и частей суток*: закат (алый) Sunset Show; шторм (вишнёвый) Dark and Stormy; ночь (черничная) Purple Power и т.д. 8) *танцев, музыкальных произведений*: кумбия (тропическая); ноктюрн (лиловый); этюд (брусничны́й); румба (гранатовая) и т.д. 9) *сладостей, пряностей*: джем (брусничны́й) Cranberry Blush; крем (розовый) Rose Cream; мусс (ежевичный) So Blackberry; помадка (сливочная) Rose Embrace и т.д. 10) *чувств, состояний*: восторг (розовый) Pink Frenzy; флирт (розовый) Chit Chat; наслаждение (вишнёвое) Cherry Delight; страсть (сливовая) Passion-it и т.д. 11) *отвлечённых понятий*: иллюзия (сливовая) Plum Illusion; шёпот (лиловый) Mauve Whisper; сияние (медное) Couture Copper и т.д. 12) *материальных объектов*: браслет (гранатовый) Red Fever; поляна (земляничная) Coral Craze; призма (розовая) Prismatic Pink и т.д. 13) *ярких излучений и извержения энергии*: искра (натуральная) Sparkling Nude; блеск (фиолетовый) Violet Shine; вспышка (красная) Red Flash и т.д.

Б) прилагательное+прилагательное: розово-красный Berry Berry Nice; сиренево-розовый Frostiest Mauve; огненно-рыжий Redhead и т.д.

В) существительное + существительное: какао-поцелуй Cocoa Kisses; красавица – фиалка Gorgeous Violet; икона стиля Totally Twig и т.д.

Г) прилагательное: сиреневый Ideal Lilac; персиковый Peach Flatters; лиловый Mauve Matters; мегалиловый Mauve Over и т.д.

Д) существительное: ягода Pampered Berry; роза Pampered Rose; слива Pampered Plum; цитрус Sweet Citrus; фуксия Sweet Fuchsia и т.д.

Проанализировав тематические группы и грамматические модели цветонаименований губной помады, мы пришли к выводу, что самыми популярными у маркетологов являются грамматические модели [прилагательное + существительное] и [прилагательное + прилагательное]. Среди лексических единиц, входящих в состав модели в качестве второго элемента, наиболее частотными по использованию являются следующие существительные: роза, фуксия, вишня, слива, клубника, бархат, коралл, закат, фламенко и др. У них наблюдается наибольшее количество вариантов сочетаемости с прилагательным

(от 3 до 15 соответственно). Что касается морфологического состава цветообозначений, то следует отметить, что наблюдается отход от традиционной модели и её подмена названиями типа, «Я в тренде» (It Girl), «Рок-звезда» (Rock Star) и др.

Необходимо отметить, что по некоторым креативным названиям губной помады довольно трудно определить не только её оттенок, но и сам цвет. Исключение составляют, пожалуй, названия «Кофе с собой» (Beige Blush), «Розовая Валентинка» (Sweetheart) и «Сангрия» (Sangria). Также трудность в определении оттенка губной помады представляют такие названия, как «Тюльпанная лихорадка», «Цветущий пион», «Цветущий клевер», «Осенняя роза» и другие, так как перечисленные растения имеют широкую цветовую гамму. Обычному потребителю данной продукции трудно уловить разницу между «пламенным красным» или «страстным красным» в отличие от цепочки названий «холодный розовый» – «теплый ореховый» – «горячий красный», в значении которых прилагательные, передающие значения «тепло/холодно», призваны дополнять или уточнять определяющий цвет. Нередко в состав названия губной помады входит малознакомое слово, например, «карминный» или «нюдовый». Так как современные бьюти-тренды диктуются в основном западной модой, то в названии губной помады допустимо наличие английских слов, переданных на русский язык с помощью транслитерации, например, «сейшн» от англ. session – вечеринка (бордовый сейшн (Heratbreaker) и др. Что касается порядка слов в цветонаименовании при передаче на русский язык, то отмечаются случаи перестановки слов местами при сохранении начального значения, например, «Бежевый нюд» – «Нюдовый беж», а также написание оттенка через дефис или двумя отдельными прилагательными: «Нежно-розовый» (Silky Rose) – «Нежный розовый» (Pure Pink).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что цветонаименования оттенков губной помады представляют собой системно организованное множество лексических единиц, отличающееся целостностью их восприятия, грамматической структурированностью, динамичностью в использовании широкой палитры лексем, открытостью и языковой гибкостью.

Список литературы

1. Котова Е.Г., Савельева Е.Б. К вопросу о первоисточниках английской пословицы “All that glitters is not gold” Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2 (77). С. 92-96.
2. Котова Е.Г., Савельева Е.Б. Специфика цветообозначений в современном английском языке (на материале дискурса «мода») / Е.Г. Котова, Е.Б. Савельева. В сборнике: Диалог культур в глобализирующемся мире. Диалог культур и культура диалога. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). 2019. С. 205-208.
3. Кративник Е.В. Система прилагательных-цветонаименований русского языка в структурно-семантическом аспекте // Международный аспирантский вестник. «Русский язык за рубежом». 2011. № 1. С. 39–43.
4. Макеенко И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках: Универсальное и национальное: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. - Саратов, 1999. - 20 с.

10.02.04

¹М.Н. Кузнецова канд. педагог. наук, ²У.А. Казакова канд. психол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,

¹кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,²кафедра методологии инженерной деятельности,

Казань, 7mashulka@mail.ru, kazakova-ulyana@mail.ru

СПЕЦИФИКА ОЦЕНИВАНИЯ КАЧЕСТВА ПРОЦЕССА ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

В работе представлены результаты теоретического анализа реализации, мониторинга, оценивания процесса изучения иностранных языков студентами технического вуза. Авторами всесторонне рассмотрены все виды речевой деятельности (чтение, говорение, аудирование, письмо), необходимые будущим выпускникам технических вузов для эффективной профессиональной и научной деятельности в международной сфере. Особое внимание отводится сложности в верификации сформированности профессионально-коммуникативных компетенций обучающихся в связи поликомпонентным составом исследуемого образовательного феномена.

Ключевые слова: *языковая подготовка, оценка качества образовательного процесса, студенты вуза.*

В современных образовательных условиях особенно актуальной выступает проблема формирования профессионально-коммуникативных знаний, умений, навыков будущих выпускников технических вузов как конкурентно способных специалистов в производственном инновационном поликультурном международном пространстве. Решить данную проблему возможно через освоение обучающимися высшей (неязыковой) школы комплекса профессионально-личностных компетенций, необходимых для их дальнейшей интеллектуально-творческой самореализации и карьерного роста.

Процесс проектирования учебного курса по иностранному языку для студентов неязыковых вузов детерминирован целями образовательного процесса в вузе в целом: содержательный компонент учебного материала формируется от уровня осваиваемой образовательной программы (бакалавриат, магистратура, специалитет, аспирантура) профессиональной направленности обучающихся [1]. Следовательно, в качестве объектов оценивания следует выделить следующие: комплекс общекультурных, общепрофессиональных и специальных компетенций; профессионально-коммуникативные знания, умения и навыки в соответствии с осваиваемым видом речевой деятельности; уровень владения речевыми навыками (как в плане восприятия, так и в плане воспроизведения; профессионально-коммуникативный тезаурус); формируемые и совершенствуемые профессионально значимые качества личности речевой направленности (отсутствие психологического барьера в общении на иностранном языке, внутренняя интенция к изучению иностранных языков, мотивированность к пониманию и принятию другой культуры, стремление к международному научно-практическому взаимодействию с коллегами из других стран и т.п.).

Отталкиваясь от структуры формируемых языковых компетенций, объектом оценивания выступают степень владения студентами видами речевой деятельности: чтение, говорение, аудирование, письмо.

Владение навыками *чтения* предполагает: применение в профессиональной деятельности различных видов (способов) чтения: обзорное, ознакомительное, исследовательское; извлечение основного профессионально ориентированного контента, содержащегося в тексте (статья, презентация, аннотация к прибору, научный труд, реклама, инструкция и т.д.);

понимание аутентичного текста об инновационных проектных работах; идентифицировать в текстах на иностранном языке значимые даты, важные данные и показатели, а также мнения специалистов об их достоверности; адекватное понимание сущности исследуемого текстуального материала; целостное восприятие смысла читаемой информации; отбор необходимой информации из различных источников (интернет, научные труды, доклады, журнальные статьи, письма коллег и т.д.) [4, 6].

Данный вид контроля позволяет определить на сколько эффективно усвоена лексика по профессионально ориентированной тематике и в какой степени обучающийся способен решать коммуникативные задачи в практикуемой сфере деятельности. В данном случае речь не идет о дословном понимании аутентичного материала, важнее определить на сколько студент владеет навыками определения сущностного контента текстуального материала.

Навыки устной речи – *говорение* – представляется возможным оценить через следующие показатели умений: самопрезентация, а также лаконичное изложение цели и сути беседы или сообщения; рациональная постановка вопроса в ходе дискуссии; всесторонняя оценка ответов собеседников и оппонентов, обоснованное высказывание своего мнения; обобщения научных подходов и методологических принципов, новых фактов и событий профессиональной и научной деятельности; представление и обоснование плана собственного исследования; оценка научно-практического потенциала инновационных проектов коллег; оглашение резолюции по изученному исследованию или проекту, а также итогов по собственным разработкам [5].

Объектом оценивания в сформированности навыков владения данным видом речевой деятельности могут как монологическая, так и диалогическая речь. Это самый сложный для верифицирования способ речевого поведения в силу его субъективности как со стороны обучающихся, так и со стороны преподавателей. Особую трудность создают психологические и эмоциональные барьеры, возникающие в процессе межличностной коммуникации, а, следовательно, появляются сложности по оцениванию результатов [2].

В оценке комплекса навыков *аудирования* следует выделить следующие – понимание на слух: выступления коллег в рамках практикуемой профессиональной сферы; вопросы партнеров по межличностному профессиональному общению; основной идеи докладчика; смысл объявлений о предстоящих научных планах, перспективах профессиональной деятельности; мнений всех участников дискуссии; требований и комментариев организаторов или заказчиков технических проектов; фрагментов устной рекламы и др.

В процессе верификации владения навыками *письменной речи* оценке подвергаются следующие критерии: деловая переписка (как в электронном варианте, так в документальном), оформление запроса, приглашения, составление аннотации или инструкции; составление резюме о собственной научной и профессиональной деятельности; написание оценочной характеристики проектной деятельности коллег, функционирования какого-либо конкретного технического новшества; написание заявки на участие в конференции, профессиональном научно-практическом мероприятии; разработка рецензии, заключения или отчета по результатам исследования, рекомендаций по применению или совершенствованию научной разработки; создание научной статьи по разрабатываемой тематике [3].

В целом, следует отметить, что критерии оценивания сформированности профессионально-коммуникативных компетенций студентов неязыковых вузов разнообразны и сложны для объективной верификации в силу влияния субъективного фактора при их интерпретации. Одной стороны, важную роль имеет психофизиологические свойства личности испытуемого: коммуникабельность, мотивированность к профессиональному общению с коллегами, отсутствие/наличие речевого барьера, дикция, опыт межличностного научно-профессионального общения и др. С другой – сложность в реализации личностно ориентированного подхода со стороны преподавателей иностранных языков, которая заключается в необходимости нахождения баланса между стандартизированным оценочным фондом и индивидуальными особенностями каждого студента.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что проблема оценивания качества процесса изучения иностранных языков студентами технических вузов носит многогранный характер и обусловлена как объективными факторами (организация образовательного процесса, стандартизированность при оценивании результатов освоения компетенциями, сложность структуры изучаемого иностранного языка и т.д.), так и субъективными (специфика психологического типа личности студента, его интеллектуально-творческий потенциал, сложность в объективной верификации уровня сформированности профессионально-коммуникативных компетенций у обучающихся и т.д.)

Список литературы

1. Алексеев С.Л., Поникаров И.И., Казакова У.А. Интеграция гуманитарной и профессиональной подготовки студентов: проектный метод / Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т.17, №7 – С.341-345.
2. Алехин И.А., Казаков И.С., Казакова У.А. Педагогический инструментарий формирования компетенций в высшей школе / Мир образования – образование в мире. – 2018. – №1 (69). – С. 171-178.
3. Богоудинова Р.З., Казакова У.А. Инженерная педагогика в системе формирования надпрофессиональных компетенций линейного инженера / Инженерное образование – 2018. – №24. – С.45-50.
4. Казакова У.А., Тубальцева В.А. Иностранные языки как средство интеграции преподавателей высшей школы в процесс глобализации и интернационализации общества и образования / Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук – XI Международная научно-практическая конференция. – 2017. – №11. – С. 56-59.
5. Кузнецова М.Н., Казакова У.А., Тубальцева В.А. Английский язык как средство социально-профессиональной адаптации педагогов вузов к международной образовательной среде / Казанская наука. – 2019. – №6. – С.76-79.
6. Кузнецова М.Н., Казакова У.А. Иностранные языки как средство социально-профессиональной адаптации преподавателей высшей школы к международной образовательной среде / В сборнике: Категория «социального» в современной педагогике и психологии материалы 7-й всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием. отв. ред. А.Ю.Нагорнова Ульяновск, 2019. – С.187-191.

10.02.04

З.В. Маньковская канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(научный исследовательский университет)» Мытищинский филиал,
космический факультет, кафедра К5 «Лингвистика»,
Мытищи, mankovskaya57@mail.ru

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ПРОФЕССИЙ И ДОЛЖНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье представляются результаты анализа современных тенденций в образовании названий профессий и должностей в медиaproстранстве, выделяются принципы систематизации карьерных возможностей на основных сайтах сети Интернет, рассматривается явление унификации/универсализации как способ номинации профессий и должностей в условиях стремительных изменений на рынке труда и появления большого количества новых вакансий.

Ключевые слова: номенклатура специальностей, наименования со значением деятеля, суффиксация, словосложение, кластеры словосочетаний, универсализация названий профессий.

Современный рынок труда отличается большим разнообразием и мобильностью, поэтому в последнее время в сети Интернет появляется огромное количество сайтов на английском языке, которые предлагают новые вакансии для облегчения поиска работы.

Проблема изучения наименований со значением деятеля (лиц или названий профессий) уже давно привлекала внимание исследователей: наиболее заметными являются исследования с точки зрения типов номинации лица [3], зависимости от последних изменений в обществе и языке [2], сферы распространения [4, с.19-29], в гендерном аспекте [1, с.29-32].

Однако материалом исследования служили колонки с объявлениями о вакантных должностях в периодических журнальных изданиях.

Материалом настоящего исследования являются Интернет-сайты последних лет [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12].

Анализ названных сайтов позволяет установить основные особенности номинации видов деятельности/занятости для проведения лингвистического анализа современных тенденций словообразования и изучения принципов объединения в группы слов, обозначающих профессии для составления словаря названий профессий, отражающих последние изменения на рынке труда.

Само понятие «работа/занятость» представлено на сайтах вариантами: jobs, professions, vacancies/openings, careers, occupations, posts, positions, job offers/job titles, employment opportunities, recruitment, а словосочетания, которые обозначают обобщенное понятие «деятель» включают: candidates, applicants, job seekers, workers.

Предлагаемые на сайтах названия карьерных возможностей можно сгруппировать следующим образом: рабочие специальности: builder, welder; технические специальности: technician; сфера обслуживания: cosmetologist, hair dresser, porter; социальная сфера: care worker, community support worker, education disability inclusion adviser.

В выделенные группы названий видов занятости входят различные подгруппы, которые формируют кластеры словосочетаний: Во-первых, по сфере применения: services sector, construction sector, manufacturing, food; по принадлежности к умственному/физическому труду: manual manufacturing jobs; по способу оплаты: zero hour contracts, low-paid jobs.

Во-вторых, по популярности/престижности: popular jobs, rare/wide-spread jobs, high-impact jobs, top-ranked jobs; по востребованности: needed/demanded professions; по степени важности: replacement jobs, additional jobs; по времени распространения: past/modern/new/future jobs. В третьих, по степени занятости работника и особенностям графика работы: full-time, part-time jobs, flexible working patterns, short-term contract, night/day shift; по степени близости к месту проживания работника: remote jobs; по степени подготовленности работника к выполнению работы или наличию/отсутствию опыта работы: skilled/semi-skilled/unskilled jobs, fresher jobs, apprentice jobs, experienced jobs. И, наконец, по гендерному принципу: male/female jobs; по принципу стабильности для работника: permanent/temporary jobs; по территориальному признаку: domestic/local/foreign workers, overseas jobs; по оценке состояния здоровья работника и возможности его трудоустройства: disability-confident labour market. Вакансии также классифицируются по характеру выполняемой работы (tree-trimmer, porter, custodian).

Названия профессий претерпели значительные изменения в ходе истории. Первые названия профессий и видов занятости, зафиксированные в истории Древнего мира, заимствованные в современный английский язык, опознаются как названия, имеющие греческие/латинские корни. Заимствования из других языков и культур составляет также большое количество названий профессий. Их этимологический анализ позволяет выделить основные источники происхождения слов, обозначающих профессии: 1) слова греческого происхождения: archeologist, architect, programmer, historian; 2) латинские заимствования: degustator, actor, decorator, dentist; 3) французские заимствования: trainee, chef, beautician, engineer, soldier; 4) заимствования из немецкого языка: underwriter, bookkeeper.

Как мы видим, основным способом образования первых названий профессий является суффиксальный способ. Вторым по значимости и времени появления способом образования названий профессий является словосложение (type-writer, shoe-maker, bricklayer caretaker).

Как показывает анализ номенклатур специальностей, предлагаемых современным мировым рынком труда, суффиксальный способ образования не является основным. Ему на смену пришел способ, который отражает тенденцию современного рынка труда к унификации/универсализации названий. В связи с этим в английском языке появляются слова-основы, такие как clerk, specialist, agent, consultant, coordinator, analyst, operator, officer, associate, assistant, partner, staff, fellow, которые уточняются обозначениями: 1) сферы применения (marketing coordinator); 2) основной функции (shipping and receiving clerk), 3) целевой аудитории (HR officer), 4) решаемых вопросов (mission support specialist), 5) иерархических отношений в организации (Senior Fraud Analyst), 6) должностных обязанностей (collection agent), 7) уровня подготовки (skilled contractual staff).

Новая тенденция отражается в классификаторах профессий (например, для России – общероссийский классификатор профессий ОКПДТР 1995). Наличие таких классификаторов объясняется стремлением, с одной стороны, составить единый номенклатурный список должностей и выделить основные категории работников, а, с другой – указать на отраслевую спецификацию.

Указанные названия имеют не только сходные черты, то есть фактически являются взаимозаменяемыми, но и различия, которые позволяют использовать их более целенаправленно и точно.

Лексема «специалист» подчеркивает факт владения определенной областью знаний. Например, информационных технологий (Information Technology Specialist) или логистики (Logistics Specialist).

Номинация «technician» указывает на наличие технических знаний и умений работы с оборудованием Housing Program Technician (техник по ремонту и обслуживанию оборудования в жилищном хозяйстве), Calibration Technician (специалист по калибровке).

Есть несколько наименований, в которых акцентируется значение «подчиненности, несамостоятельности», например, assistant. Комбинаторика слова assistant довольно широка, однако, в первую очередь – это названия областей применения, таких как подготовка

персонала (Training Assistant), осуществление связей с другими отделами и организациями (Liaison Assistant или выражение подчиненности другому лицу (Executive Assistant). Еще одним примером, подчеркивающим фактор второстепенности должностной позиции, является слово *associate*, то есть помощник или заместитель, имеющий совещательный голос (Innovation/Client Associate).

В отдельных названиях должностей имеется сема руководящей роли работника. Такие названия, как *Administrator/Officer* (например, *Program Administrator/Safety and Security/HR officer*) указывают на выполнение управленческих функций и высокое служебное положение.

Таким образом, можно сгруппировать слова-основы для обозначения должностей по следующим параметрам: 1) наличие власти и ответственности (*administrator, officer*); 2) необходимость знаний и опыта, наличие научного подхода или исследовательской жилки (*specialist, analyst, generalist*) и, напротив, практических навыков (*technician*); 3) несамостоятельность, вспомогательная функция должности (*assistant, associate, clerk*); 4) представление чужих интересов (*representative, agent*), 5) координирующая функция (*coordinator*).

Описанные в данной статье новые тенденции обозначения профессий и должностей, обусловленные явлением унификации/универсализации, открывают, с одной стороны, большие возможности для расширения номенклатурного списка на основе словосложения как лингвистического механизма словообразования, а с другой – сужают использование привычных аффиксальных способов образования названия лиц по профессии.

Список литературы

1. Голубева С.С. Лексико-грамматические особенности номинации лиц по профессии с учетом гендерного аспекта в ряде естественных языков// Международный научно-исследовательский журнал «Филологические науки», Октябрь, Часть 3, 2016. – с. 29-32.
2. Прохорова С.Р. Особенности образования неологизмов со значением деятеля в современном английском языке//автореф. на соискание ученой степени канд. филол. наук, Спец. 10.02.04., М., 2005. – 20 с.
3. Рындина Н.В. Типология номинаций лица в современном английском языке//Автореф. на соискание ученой степени канд. филол. наук, Спец. 10.02.04., М., 2002. – 18 с.
4. Шилова Н.В. Формирование системы производных наименований лиц по профессии в английском языке//Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04, Владивосток, 2006. – 195 с.
5. www.bashzan.ru/professios/classifier
6. <https://www.careerbuilder.com/browse>
7. <https://www.indeed.com/jobs?q=Specialty+List&syaty+70>
8. <https://econjjobmarket.org>
9. <https://www.glassdoor.com/Jobs/LinkedIn-Jobs-E34865.htm>
10. <https://www.jobsearch.az>
11. <https://money.usnews.com/careers/best-jobs/rankings/the-100-best-jobswww.economicshelp.org/labour-markets/changes-uk-labour-markets/>
12. <https://studfiles.net/preview/6311138/page:2/>

10.02.04

О.Г. Шевченко канд. филол. наук

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
кафедра иностранных языков и переводоведения,
Петропавловск-Камчатский, shevchenkoog@mail.ru

О ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЗОНАХ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ ГРУПП – ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВРЕМЕНИ И МЕСТА

В статье рассматриваются вопросы прототипического анализа обстоятельств. С учетом прототипических характеристик описаны явления периферийного характера, совмещающие значения обстоятельств времени и места. Устанавливается зависимость между семантикой компонентов предложно-именных групп и их способностью выступать в роли периферийных элементов.

Ключевые слова: *прототип, периферия, обстоятельства времени и места, предлог, существительное.*

В центре современной лингвистической науки находятся вопросы организации языка как когнитивной способности, специфики познавательных процессов, особенности языковой картины мира и языкового сознания [2, с. 5]. Разрабатывая подобные проблемы, языковеды опираются на знания, полученные в других науках, в том числе и философии, в частности, для того, чтобы сформировать представление о том, как отражаются в языке пространственные и временные отношения. Согласно положениям философии, пространство и время являются формами существования материи, а также категориями отношений между человеком и воспринимаемым объектом [4, с. 117]. Эти категории, которые являются базовыми для восприятия мира и всей жизнедеятельности человека, неизменно привлекают внимание лингвистов.

Понятия пространства и времени тесно взаимосвязаны; исследователи отмечают, что эти концепты принадлежат к одной философской категории «локализация пространственного / временного события / действия». Эти два концепта имеют немало общих характеристик: протяженность, рядоположность, сосуществование отдельных элементов, связанность и непрерывность обозначаемого действия или события [7, с. 60]. Близость концептов пространства и времени проявляется, в частности, в том, что понятие пространства нередко используется для обозначения пяти типов пространств: физическое пространство; временное пространство, пространство множества; функциональное пространство; пространство ситуации или событийное пространство [8, с. 12]. Пространство представляет собой целостность, наиболее объемную по своим масштабам и самую важную для восприятия мира и всей жизнедеятельности человека, по причине чего оно имеет самые существенные последствия для человека [5, с. 159]. Пространство, которое находит свое отображение в языке, можно трактовать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или происходить действие либо событие [11, с. 10].

Важнейшим средством выражения пространственных и временных отношений в английском языке является обстоятельство. Как и другие грамматические категории, этот член предложения допускает интерпретацию с позиций прототипического подхода, который получил в настоящее время широкое распространение при изучении грамматических, в том числе и синтаксических, явлений.

В число прототипических характеристик обстоятельства входит признак конкретизации предикативного значения, иначе говоря, выражение в предложении характеристик события, количественных и качественных, а также условий его осуществления. Отмечается, что некоторые из этих характеристик, а именно локализованность во времени и пространстве,

выражаемые посредством обстоятельств, являются неотъемлемой частью события [6, с. 284]. Прототипом категории обстоятельства выступает наречие, которое проще всего идентифицируется как данный член предложения и проявляет относительную самостоятельность с точки зрения собственной семантики, а также семантики связанных с ним слов, и позиции в предложении [6, с. 285]. Обстоятельства, выраженные предложно-именными группами, оказываются ближе всего к прототипу категории этого члена предложения, причем исследователи, стремясь привлечь во внимание различные критерии, полагают, что среди семантических разрядов к таковым относятся обстоятельства времени; следующим разрядом по удаленности от прототипа выступают обстоятельства места [6, с. 289].

Значение предложно-именного сочетания прежде всего зависит от семантики предлога, который входит в состав данной группы [10, с. 102]. Причина этого заключается в том, что семантика предлогов-компонентов таких групп содержит информацию о пространственной и временной характеристике объектов и явлений, образующей рамку для существования или действия объекта [4, с. 117]. Немаловажную роль, безусловно, играет и семантика существительных, сопровождаемых предлогом. Анализ семантики предлогов, а также существительных дает возможность выявить особенности пространственного и временного восприятия и позволяет описать систему понятий, благодаря которым человек познает окружающий мир.

В системе значений предлогов особая роль принадлежит значениям пространственным. Исследователи полагают, что эти значения явились исходными в семантической структуре предлогов: первоначально предлоги обладали лишь значением места. Затем из пространственного значения развилось темпоральное [3, с. 538], и позже они послужили основой для развития других обстоятельственных, а также объектных и определительных значений.

Типичным примером этого является предлог *of*, который лингвисты нередко называют наиболее десемантизированным. «Этот предлог иногда используют как некий нуль, точку отсчета для построения шкалы, отражающей градацию выраженности лексического значения предлога» [9, с. 15]. Однако и его первоначальное значение, сформировавшееся еще в индоевропейском языке, было пространственным и нередко наблюдается в древнеанглийских текстах. Вместе с тем в дальнейшем в результате метафоризации и у этого предлога развиваются временные значения. Впоследствии происходит его грамматикализация и расширение функционирования для выражения разнообразных абстрактных смысловых отношений.

Предлоги времени и места имеют значительный удельный вес среди предлогов на современном этапе развития языков; им присуща большое разнообразие и чрезвычайно высокая частотность употребления [5, с. 159]. Ход исторического развития предлогов привел к тому, что в английском языке немало из них способны выражать как временные, так и пространственные значения, что еще раз подтверждает существование неразрывной связи между временем и пространством.

Известный исследователь английских предлогов Б. Н. Аксененко отмечает, что 48 английских предлогов выражают только значения места, 7 – только времени, а 30 способны передавать оба типа значений [1, с. 42]. Для предлогов последней группы важной оказывается семантика связанных с ним в предложении слов – существительного, а также глагола-сказуемого, поскольку именно окружение предлога позволяет судить о его значении.

Так, в состав обстоятельств времени, которые локализуют событие или действие во времени точечной или линейной направленности, входят существительные темпоральной семантики. Среди таких существительных, для которых временное значение является первичным, выделяют существительные с качественно- и количественно-темпоральным значением. Особенность качественно-темпоральных существительных – способность выражать темпоральную семантику относительно определенной временной вехи: *future*, *past*, *present*. Такие существительные выступают в роли исходно-опорного момента временного

локализатора. Назначение предлога заключается в том, чтобы расположить события в определенном временном отрезке. Количественно-темпоральные существительные передают значение протяженности во времени; при этом они выражают количественные отношения: *minute, hour, day, week, year* [10, с. 102].

Вместе с тем, в состав обстоятельств времени нередко входят и существительные, которые нельзя причислить к названным выше группам. Это могут быть существительные, изначально конкретные, но в ходе развития получившие значение деятельности, с которой данные предметы связаны. Идентифицировать такое сочетание как обстоятельство времени позволяет отсутствие артикля перед существительным, поскольку, к примеру, *before* обладает и темпоральным, и локальным значениями: *Before college, he was always around the office at five on Tuesday afternoon (J. Grisham)*. Отсутствие артикля позволяет трактовать и значение существительного *town* также как абстрактное, в результате чего на первый план выходит временное значение предлога и в следующем предложении: *We've been at Cowes and Deauville all the summer after town, and then up to Scotland (A. Christie)*. Предлогу *from* также присуща как временная, так и пространственная семантика; передавая темпоральное значение, он может сочетаться с конкретным одушевленным существительным: *"I'm so impulsive, always was, from a child" (A. Christie)*.

Существуют пограничные случаи, которые совмещают в себе и пространственное, и временное значения. К такому члену предложения уместно задать оба вопроса – «когда?» «где?»: *From the Airport to the Tio Hotel, her ears had been assailed by continuous and incessant noise (A. Christie)*. *He would have to talk to that little minx, and on the way home was as good a time as any (J. Lindsey)*. Предложные сочетания, которые содержат как конкретные, так и абстрактные существительные, относятся к пограничной зоне между двумя типами обстоятельств – времени и места [12, с. 125-127].

Предлог *at* широко функционирует в составе обстоятельств и времени, и места. Если существительное, которое он вводит в предложение, обозначает пространство, физически оформленное (*at the market*), на первый план выступает локальное значение предлога; в случае наличия существительного событийного, предполагающего участие объекта в некоторой деятельности (*at the wedding, at lunch*), проявляется временное значение предлога, и в этом случае мы имеем дело с пограничным случаем [8, с. 21].

Таким образом, понятия прототипа и периферии применимы не только при описании и сопоставлении второстепенных членов предложения, но и при характеристике различных разрядов одного и того же члена предложения – обстоятельства.

Список литературы

1. Аксененко Б.Н. Предлоги английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.
2. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2.
3. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 3-е изд-е, испр. – М.: Высшая школа, 1986.
4. Галстян С.А. Предлог в контексте пространственно-временного континуума (на материале испанского языка) // Пространство и время. – М., 2015.
5. Елтанская Е.А. Семантика английских пространственно-динамических предлогов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2006.
6. Кобрина Н.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учеб. пособие / Н.А. Кобрина, Н.Н. Болдырев, А.А. Худяков. – М.: Высшая школа, 2007.
7. Конева Н.Ю. Лингвокогнитивное моделирование системы предлогов и наречий английского языка в рамках концепта «время» // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 1. – 2010.
8. Логинова Е.Г. Концептуальное соотношение пространства и времени в семантике английских предложных сочетаний: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2004.
9. Пескова Н.А. Расширение функционального потенциала предлога в диахроническом аспекте // Иностранные языки в высшей школе. Выпуск 3 (34). – Рязань, 2015.
10. Рахматуллина Д.Э. Роль предлога в темпоральных предложно-именных группах с семантикой следования в английском языке // Вестник Вятского государственного университета, 2009.
11. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2010.
12. Шевченко О.Г. К вопросу о прототипических свойствах предложно-именной группы как второстепенного члена предложения // Казанская наука. № 5. – Казань: Казанский Издательский Дом, 2014.

10.02.04

Т.А. Юрова канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
Институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
Tatyana-Yurova@rambler.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КОГНИТИВНОГО СОЗНАНИЯ

В статье отражен ряд результатов авторского исследования лингвокультурной эволюции когнитивного сознания сквозь призму иноязычных слов с актуализированным значением, встречаемых в электронных текстах российских газет.

Ключевые слова: заимствования, актуализированное значение, культурно-языковые приоритеты, лингвокультурная переориентация, ценностно-когнитивные представления.

Активизация когнитивной деятельности современного человека напрямую связана с все набирающим скорость увеличением информационного потока. Энергичный когнитивный труд оказывает влияние на речемыслительные навыки, привычки, знания. Они меняются, а вместе с ними меняются и ценностные ориентиры русской мировоззренческой действительности. В качестве ценностного показателя русской понятийной языковой системы выступает иноязычная лексика.

Существование сегодняшнего российского общества в системе общемировых координат стимулирует эволюционный характер пополнения русской языковой системы заимствованными лексическими единицами в целом и иноязычными словами с актуализированным значением в частности. Под актуализированным значением иноязычных слов понимается значение с трансформированной функциональной значимостью.

И если проблему изучения заимствований нельзя назвать новой, то вопросы смены культурно-языковых приоритетов, лингвокультурного переориентирования, на наш взгляд, требуют более тщательного и полного раскрытия. Данное положение может быть рассмотрено в качестве обоснования актуальности проведения исследования.

Цель статьи заключается в выявлении заимствований с актуализированным значением, с измененной функциональной значимостью, появившихся в результате лингвокультурного переориентирования, смены ценностных приоритетов.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предлагается проанализировать лингвокультурную эволюцию когнитивного сознания на примере иноязычных слов с актуализированным значением, встречаемых в электронных текстах российских газет.

Принимая во внимание, что смысл понятий «язык» и «культура» остается остродискуссионным и часто обсуждаемым в языкознании, будем придерживаться утверждения о том, что язык является важнейшим средством общения, обмена мыслями, взаимного понимания в человеческом обществе, а культура выступает в виде совокупности достижений общества в области просвещения, искусства, науки и других областях духовной жизни [6]. Оба феномена лежат в основе мировоззренческой и метальной организации этноса. Язык, являясь характерным базисом культуры, способствует постижению культурных стандартов и социальных миссий, вне которых невозможно существование человека в социуме. Будучи отражением культуры, язык несет на себе отпечаток действительного мира, в котором живет индивид, является выразителем ментальности, умонастроения, мировосприятия. Посредством языка передается доктрина ценностей и норм, традиций и обычаев народа.

Культура живет и эволюционирует в языковом облаке, однако языковое облако не определяет содержание культуры [2]. Она определяется историей, достоянием, доставшимся от предков, образом жизни этноса. Не что иное, как культура обуславливает выбор языковых средств всех уровней, способствующих передаче языковых сообщений.

В результате соприкосновения разнообразных культур на свет появляется продукт в форме лексических заимствований. На этапе обмена информацией и глобализации культур возникает инновационная лексика, сигнализирующая о смене традиционных представлений о предметах и жизненных реалий.

В любом национальном сообществе защита национального языка, сохранение языковых основ, продвижение культуры и культурных преимуществ, накопленных за всю историю, являются первостепенными направлениями развития и самосовершенствования народности.

В качестве примера можно порассуждать о лингвокультурной ситуации во Франции. В 20 века после подписания Версальского договора Францией были утрачены передовые позиции на международной арене в плане существования в виде исключительного языка международного общения. Дальнейшие исторические коллизии, как Вторая мировая война, распад французской колониальной системы, который вылился в отказ бывших колоний говорить на французском языке, привели к дальнейшему ухудшению не только языковой, но и национально-культурной ситуации в целом.

Переходя к описанию результатов исследования, которое было проведено путем изучения текстов электронных версий российских газет посредством использования метода частичной выборки, можно утверждать, что в современном русском языке обозначалась тенденция актуализации значения иноязычных слов. Предположительно, появление подобного рода лексики – это результат искажения и разрушения смысла иноязычных слов, давно прижившихся в языке русского этноса [7], следствие лингвокультурной переориентации, замена укоренившихся русских метафизических когнитивных блоков на обновленные ценностно-когнитивные представления.

В качестве примера иноязычного слова с актуализированным значением может быть рассмотрено слово «драйв». Согласно определению, приведенному в словаре иностранных слов [4] драйв [англ. drive] – в теннисе – это один из основных ударов, придающих мячу вращение в направлении полета. Однако в современном русском языке данное иностранное слово имеет абсолютно трансформированное значение

Геннадий Карпонос: продолжаю испытывать и драйв, и кайф [1]

Из приведенного предложения видно, что произошла замена первоначального значения с кардинальной сменой представлений о вещах. В данном случае можно утверждать, что слово употреблено в значении – «энергия или бурный ее выплеск». Однако это не единственное актуализированное современное значение данного слова.

У торговой марки Guahoo есть хорошая практика – оценивать модели термобелья в формате тест – драйвов [3].

В конкретной ситуации в результате культурологического давления слово приобрело значение «тестирование товара».

Следующим иностранным словом, привлечшим наше внимание, оказалось слово «инсайд». Согласно единственному определению, приведенному в словаре, вышедшего в свет в 1949 году [4] инсайд [англ. Inside внутри] – игрок в футбольной или хоккейной команде, полусредний нападающий. Заимствование с давно известным значением в результате лингвокультурной эволюции получило совершенно новый семантический оттенок – «провокационный выброс информации на фондовом рынке для обеспечения получения финансовых или политических дивидендов».

По их данным, очередной выброс инсайда предвещал повышение агентством S&P кредитных рейтингов России.

Можно утверждать, что вышеприведенные примеры являются заимствованными лексическими единицами с трансформированной функциональной значимостью. Адаптированные, давно прижившиеся в русском языке заимствования меняют семантику коренным образом.

В последнее время в электронных текстах российских газет активно используется англицизм «it girl»

В ходе изучения лексики английского заимствования «it girl» было обращено внимание на первоначальное значение англицизма. Р Киплинг в своем коротком рассказе, напечатанном в 1904 году, впервые употребил это слово, описывая женскую привлекательность. Киплинг использовал «It» как эвфемизм для обозначения сексуальной привлекательности. Уточняя, что «It» - это чисто мужское качество, принадлежащее сильному характеру, а затем подчеркивая необходимость присутствия физического влечения, но не красоты [8].

Сегодня семантическая выраженность заимствования it girl изменилась, обозначив эволюционный сдвиг когнитивного сознания. Англицизм употребляется со значением «светская львица», характеризует девушку образованную, амбициозную, модно одетую, имеющую отличный вкус.

Кто такая it-girl, почему она не связана с IT-технологиями и правда ли, что она есть в окружении каждого из нас [5].

Таким образом, в ходе изучения заимствований с актуализированным значением, встречаемых в электронных версиях российских газет, было выявлено, что в современном русском языке в результате лингвокультурной эволюции когнитивного сознания наметилась тенденция изменения укоренившихся значений иноязычных слов. Данное явление может быть объяснено сменой культурно-языковых приоритетов или заменой давно сложившихся русских метафизических когнитивных блоков на обновленные ценностно-когнитивные представления о вещах.

Список литературы

1. Геннадий Карпоносов: продолжаю испытывать и драйв, и кайф. URL: <https://ria.ru/20101122/299398479.html> (дата обращения 1.10.19).
2. Кармин А.С. Основы культурологии. Морфология культуры. СПб.: Изд-во Лань, 1997. 512 с.
3. Олимпийский тест-драйв, прекрасный способ оценить термобелье Guahoo. URL: <https://guahoo.ru/interactive/testrajv/> (дата обращения 1.10.19).
4. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. 808 с.
5. Феномен it-girl в молодежной среде: ее хотят и ей завидуют. URL: https://vuzon.ru/article/all/607-fenomen_it-girl_?p=6 (дата обращения 2.10.19).
6. Энциклопедический словарь (в трех томах) / под ред. Б.А. Введенского. М.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», том2, 1954. 719с.
7. Юрова Т.А. Лексические новообразования в СМИ// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 12. Ч. 1. С.202-205.
8. Got it? The Gardian. URL:<https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2001/apr/21/weekend.lindsaybaker1> (дата обращения 2.10.19).

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

**Л.И. Антропова д-р филол. наук, Т.Ю. Залавина канд. филол. наук,
Л.С. Полякова канд. филол. наук, Ю.В. Южакова канд. филол. наук**

Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова,
кафедра иностранных языков по техническим направлениям,
Магнитогорск, tania_mgn@rambler.ru, alitier@mail.ru, lilitmgn@mail.ru, julia_south@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНЦЕПТА
«ДЕНЬГИ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ**

Рассматриваются лингвокультурные особенности паремиологических единиц на примере концепта «деньги» в французском языке. Описываются когнитивные структуры знаний, характерные для национального языкового сознания. Интерпретируются универсальные подходы к исследованию концепта и рассматривается классификация паремиологических единиц по семантическим признакам и ментальным фреймам.

Ключевые слова: теория концепта, лингвокультура, концепт „деньги“, паремии, фреймовая классификация.

Актуальность статьи определяется значимостью базовых репрезентаций концепта «деньги» в французских паремиях, существенных для национального языкового сознания. Научная новизна работы заключается в когнитивном и структурно-семантическом анализе концептуального понятия «деньги» и в интерпретации дифференциального значения паремиологических единиц. Новизна поддерживается также разработанной авторами классификации пословиц по определенным ментальным фреймам и сценариям.

Актуальность исследования поддерживается также антропоцентрическим характером современной лингвистики, сфокусированный на важном объекте изучения – человеке, его мыслительной деятельности и познании окружающей действительности. С целью выявления базового представления концептуального содержания понятия «деньги» и особенностей репрезентации концепта «деньги» в французской лингвокультуре из фразеологических двязычных толковых словарей были выявлены паремические единицы (около 100 единиц и 6 фреймов) с ключевым словом «деньги» – «argent», которые трактуются как «любые металлические или бумажные деньги, все денежные средства, включая валюту, недвижимое и движимое имущество» [9, 12].

В системе этнических ценностей данный концепт занимает далеко не последнее место, так как деньги репрезентируют необходимую составляющую, неотъемлемую часть жизни человеческого общества. Поэтому понятию концепта «деньги» как структурирующей сознание ментальной единицы отводится важное место в зарубежных и отечественных исследованиях [3, 5, 7].

В зарубежной когнитивной лингвистике по исследованию концептов можно выделить несколько направлений: изучение концепта в формате сценариев и стереотипных ситуаций-фреймов М. Минского [10], культурных схем или культурных моделей Г. Палмера [11]. Наряду с когнитивным подходом к изучению структур знаний следует отметить и развитие семантического подхода к рассмотрению паремий на материале народного фольклора [8]. В рамках упомянутого научного направления следует отметить труды французского семиолога Xatara [12]. Зарубежными лингвистами для решения лингвокультурологических и дидактических задач исследовался и прикладной характер поговорок и пословиц.

Отечественными учеными паремии как фразеологические устойчивые единицы активно изучаются на материале разных национальных языков (английский, немецкий, французский, итальянский и др.) [1, 2, 4, 5, 6]. Исследователи-лингвисты рассматривают пословицы как «образные краткие изречения» народной мудрости, которые пополняют фразеологический состав любого национального языка [4].

Выявлением «многокомпонентных концептов» плодотворно занимается А.П. Бабушкин, который идентифицирует актуальные "смыслы" фразеологических единиц на основе определенных фреймов-сценариев [1]. З.Д. Попова, И.А. Стернин понимают под концептом процесс познания окружающей действительности, в котором происходят порождение и трансформация концептов языковыми средствами [6]. Иную точку зрения на концепт высказывает С. Г. Воркачев, считая концепт культурно маркированным смыслом [2].

На основе анализа лексикографических источников и научных трудов по теории концептов мы полагаем, что концепт есть оперативная единица памяти, концентрирующая когнитивный опыт народа как активного субъекта познания с его эмоциональными и экспрессивными оценками. Используя когнитивно-семантический анализ словарных толкований понятия «деньги»/ «argent», нами установлено, что значение концепта «деньги» в французском языке актуализируется разным набором сем:

1) *накопление денег* – Un sou amène l'autre. – Один су приводит к другому; 2) *труд, работа* – L'argent ne pousse pas sous les arbres. – Деньги на деревьях не растут; 3) *бережливость/разумная трата* – Garde toujours dans la main un sou pour aujourd'hui et deux pour demain. – Тот без нужды живет, кто деньги бережет; 4) *жадность, скупость* – L'argent est un remède à tout mal, hormis à l'avarice. – Деньги – лекарство, панацея от всего, кроме скупости; 5) *власть* – Dieu règne au ciel, et l'argent sur la terre. – Бог господствует на небе, а деньги правят на земле; 6) *мимолетность* – Femme, vent, temps et fortune se changent comme la lune. – Деньги как женщина, ветер, время и богатство, которые меняются подобно луне.

Известно, что на лексико-фразеологическом уровне паремии отражают исторический, обиходно-эмпирический опыт этноса, связанного с традиционным отношением народа к деньгам: *L'argent ne pousse pas sous les arbres. – Деньги не растут под деревьями.* Для определения ценностной части концепта «деньги» нами учитывались именно те паремии французского языка, в которых говорится о положительной или отрицательной оценке денег. Было зафиксировано, что в качестве доминантных лексем-репрезентантов рассматриваемого концепта в номинации денежных средств выступают такие лексемы, как: "argent" – "franc", "sou" ("деньги" – "рубль", "копейка").

Фреймовый подход к изучению содержания ценностного компонента концепта «деньги» способствовал интерпретации метафорического образа реального мира и созданию классификации паремий по фреймам-моделям, маркированных положительной и отрицательной коннотациями:

"Деньги – накопление, движение" (Un sou amène l'autre. – Деньга деньгу родит. Один су приводит к другому), *"Деньги – труд, работа"* (L'argent est rond, il faut qu'il roule. – Деньги не в деньгах, а в делах. Денежки круглые – весь век катятся), *"Деньги VS жадность, скупость"* (L'avare ne tire pas plus d'avantage de son argent que s'il avait des pierres dans ses coffres. – Скупой человек получает пользу от своих денег, как от камней в сундуках), *"Деньги – разумная трата, бережливость, сохранение"* (Garde toujours dans la main un sou pour aujourd'hui et deux pour demain. – Всегда береги один су на сегодня, а два на завтра), *"Деньги – мимолетность"* (Femme, vent, temps et fortune se changent comme la lune. – Деньги как женщина, ветер, время и богатство, которые меняются подобно луне), *"Деньги – власть"* (Une main pleine d'argent est plus forte que deux mains pleines de vérité. – Руки, полные денег, сильнее, чем две руки, полные истины).

Подводя итог проанализированному материалу, установлено, что устойчивые поговорки как фразеологические знаки вторичной номинации обладают большим коннотативным потенциалом. Ценностное содержание концепта «деньги» актуализируют как дифференциальные семантические признаки, так и фреймовые модели. Фреймовые модели обладают более широкой понятийной основой для раскрытия значения концепта, так как они репрезентируют фоновые знания этноса о деньгах в конкретной лингвокультуре.

Список литературы

1. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – 2001. – С. 52–57.
2. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2003. – Т.17. – Вып. 2. – С. 268–276.
3. Залавина Т.Ю., Антропова Л.И. Вариантность глагольных фразеологизмов-репрезентантов концепта «порицание» в национальных языках / Т.Ю. Залавина, Л.И. Антропова // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 54–61.
4. Магировская О.В. Специфика языковой конфигурации знаний на уровне базового концептуального осмысления / О.В. Магировская // Когнитивные исследования языка.: Ментальные основы языка как функциональной системы. – 2013. – Вып. XIII. – С. 54–61.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 296 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
7. Antropova L.I., Polyakova L.S., Zalavina T.Yu., Yuzhakova Yu.V. Sociocultural Conditions of Language Variation in National Languages // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 455-456.
8. Dundes A. Interpreting folklore / A. Dundes. – Bloomington : Indiana University Press, 1980. – P. 70.
9. Encyclopédie Larousse – [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/argent/5167> (дата обращения 15.12.2019).
10. Minski M. A. Framework for Representing Knowledge. MIT-AI Laboratory Memo 306, 1979. – [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://web.media.mit.edu/minsky/papers/Fra-mes/frames.html> (дата обращения 15.12.2019).
11. Palmer G.B. Toward a theory of cultural linguistics / G.B. Palmer. – Texas : UT Press, 1996. – 360 p.
12. Xatara C. Les proverbes à la portée de tous / C. Xatara // Tous les chemins mènent à Paris Diderot. Colloque international de parémiologie, 29.06-2.07.2011. – Paris, 2011. – P.39 – 40.

10.02.19

Н.В. Еремкина канд. филол. наук, Е.Ф. Усманова канд. юрид. наук

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации,
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
кафедра менеджмента и индустрии питания, правовых дисциплин,
Саранск, Levchaeva79@mail.ru, usmanowa_ef@rambler.ru

СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЮРИСТА

В наше динамичное и очень требовательное время юрист для достижения поставленных целей должен обладать не только профессиональными знаниями и навыками, но и уметь правильно строить свое высказывание, убедительно отстаивать собственную позицию в конкретной ситуации, соблюдая этику общения и языковые требования (смысловую точность и ясность, правильность, логичность, уместность), которые способствуют не только деловому общению и созданию необходимых условий для гармоничного взаимодействия между участниками, но и создают необходимый эффект воздействия.

Ключевые слова: *культура речи, коммуникация, речевое воздействие, юрист, точность, ясность речи.*

«Современный этап развития общества, претерпевающий быстрые темпы изменения социально-экономических условий жизни, возрастание объемов информации, внедрение коммуникационных технологий вывел на одно из первых мест проблему культуры речи, являющуюся основой межличностных отношений в динамично изменяющемся мире, в котором каждый человек стремится быть успешным. Успех во многом зависит от самого человека: от уровня культуры устной и письменной речи; речеведческих понятий и совершенствования коммуникативно-речевых умений; способности производить первое впечатление (внешний вид – прическа, одежда и украшения, свидетельствуют об успешности)» [4, с. 322]. Первое впечатление о человеке, как правило, формируется на основании продемонстрированной собеседником речевой культуры, в связи с этим вопросы культуры речи приобретают особую актуальность и практическую значимость в профессиональной коммуникации юристов. Следует отметить, что в настоящее время конкурентоспособность и востребованность специалиста на рынке труда в значительной степени зависят от наличия правильной речи (устной и письменной), умения эффективно общаться, от владения способами и приемами речевого воздействия.

Известно, что речь в профессиональной деятельности юриста выступает не только как средство передачи информации, но и как способ воздействия в процессе общения. Воздействие – это привлечение внимания слушателей к предмету речи, с целью произвести на них желаемое впечатление, попытка изменить взгляды оппонентов; это способность влиять на правосознание людей, прививать им уважение к законам, убеждать их в справедливости и гуманности правосудия.

Психологи выделяют несколько типов воздействия: воздействие человека на человека, человека на группу лиц, человека на аудиторию и др. В профессиональной коммуникации юристов – это главным образом воздействие человека на человека и человека на группу и оно является эффективным лишь тогда, когда специалист владеет достаточными теоретическими знаниями, умеет правильно строить свое высказывание, убедительно отстаивать собственную позицию в конкретной ситуации и владеет высоким уровнем ораторского искусства. Однако, как показывает практика, юристов прежде всего интересуют вопросы правового содержания нормативного или процессуального акта, анализ же языка (речевого мастерства), как правило, остается без соответствующей лингвистической основы, и сводится к точности, доходчивости и выразительности.

«Речевое мастерство – это умение, соблюдая языковые нормы, для выражения мыслей и отношения из возможных вариантов выбирать наиболее удачный» [4, с. 323]. А поскольку юристу в своей профессиональной деятельности приходится сталкиваться с самыми разными событиями и явлениями в современной действительности, то ему необходимо эти события и явления верно оценить не только с точки зрения права, но и с точки зрения языка, принимать по ним аргументированные решения и убеждать в корректности своей точки зрения обращающихся к нему людей. В связи с этим, даже незначительное отступление от языковых норм в профессиональной коммуникации юриста недопустимо, ибо оно может привести к неадекватной реакции со стороны собеседников. Как отмечает Н.В. Левчаева «умение грамотно и сжато преподнести информацию, своевременно и правильно реагировать на изменения настроения и мысли собеседника (-ов), способствует не только адекватному взаимодействию отдельных людей, но и консолидации общества в целом» [4, с. 323].

Таким образом, знание законов языка и логики, умение правильно строить свою речь, убедительно отстаивать собственную позицию в конкретной ситуации при соблюдении этики общения, обеспечивают необходимый эффект воздействия и становятся профессиональным оружием юриста.

Среди средств речевого воздействия в профессиональной коммуникации юриста особое место занимает точность словоупотребления, которая «играет важную роль при выражении норм права, при обозначении действий обвиняемого или подсудимого, при обосновании квалификации преступления» [5, с. 152]. Точность речи позволяет адекватно воспринимать содержание высказывания, т.е. «точность предполагает, что все вещи в речи называются «своими именами». [3, с. 105]. Добиваясь точности, необходимо не только правильно употреблять слова, но и следить за тем, чтобы их сочетание не противоречило смыслу высказывания, ибо одно неправильно выбранное слово, неудачное выражение, неоправданный повтор может извратить мысль, создать двоякость толкования фразы, придать нежелательную стилистическую окраску, сделать трогательное смешным, а значительное лишить содержания и привести к судебной ошибке.

«Говоря о точности как о достоинстве речи, нельзя не связывать её с ясностью. Ясность в речи юриста достигается глубоким знанием материала, четкой композицией речи, логичностью изложения, убедительностью аргументов. Ясность речи означает отсутствие затруднений при восприятии ее адресатом. Ясность речи связана с точностью речи, но не тождественна ей» [3, с. 105]. Речь становится непонятной вследствие неправильного либо неточного использования заимствованных слов и узкоспециальных терминов, например, «моему подзащитному инкриминируется...» и т.д.

Существенная роль в создании точности принадлежит клише. Клише – это готовый устойчивый оборот, речевой стереотип, благодаря которому в юридической речи создается стандартизированность. Использование клише в устной или письменной юридической речи является нормой официального общения. Клишированными принято считать устойчивые единицы языка, являющиеся необходимыми элементами нормативных и процессуальных актов, например, предъявить обвинение, принимать меры, состав преступления и т.д.

От клише следует отличать речевые штампы. Штамп – это шаблон, повторяемая форма выражения с потускневшей от частого употребления семантикой. Штамп возникает тогда, когда слово с обобщенным значением употреблено неправильно. Использование штампов ведет к нарушению лексических норм и свидетельствует о низкой речевой культуре специалиста.

Речь юриста, обладающая точностью и ясностью, будет способствовать гармоничному взаимодействию, оказывать необходимый эффект воздействия и эффективно выполнять функцию права.

В заключении следует отметить, что профессиональная коммуникация юриста должна строиться на серьезном лингвистическом фундаменте, в котором особая роль будет принадлежать культуре речи и средствам речевого воздействия. Юрист в первую очередь – специалист по правоведению, практический деятель в области права. А под правом в науке понимается совокупность устанавливаемых и охраняемых государством норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе. Поэтому, соблюдая нормы и правила, охраняя их в различных процессуальных актах, юрист в своей практической деятельности должен постоянно обращаться к основным лингвистическим понятиям, среди которых наиболее значимыми являются: язык, речь, норма и стиль. Знание норм современного русского языка и их умелое применение, владение правильной, точной, ясной, грамотной речью, является залогом успешной коммуникации юриста, повышает эффективность речевого воздействия, качество и воспитательное значение процессуальных актов, достоверность правовых актов и доступность их восприятия.

Список литературы

1. *Александров Д.Н.* Риторика: учебное пособие. – 3 изд. – М.: Флинта: Наука, 2000. – С. 624.
2. *Введенская Л.А., Павлова Л.Г.* Деловая риторика. Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2002. – 512 с.
3. *Левчаева Н.В.* Коммуникативные качества речи и их системные связи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2-1(80). – С. 103-106.
4. *Левчаева Н.В.* Литературный язык – основа культуры речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2-2(80). – С. 322-326.
5. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. – М., 2008. – С. 152.

10.02.19

С.Б. Какваева канд. филол. наук

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Махачкала, sabri82@mail.ru

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается категория эвиденциальности в лакском языке, которая представлена значительно богаче, чем это отмечено в научной литературе и которая по степени достоверности составляет иерархию: очевидные формы, категорические, аудитивные, эпический, цитатив. Большинство форм являются аналитическими, причём формальная часть может состоять из двух компонентов.

Ключевые слова: категория эвиденциальности, инферентивное значение, цитативное значение, дуративное деепричастие, эпический нарратив, клитика.

В исследованиях по дагестанским языкам отмечены особые глагольные формы, которые обозначались разными терминами: «утвердительные», «категоричные», «очевидные», «заглазные», П.К.Услар, Г.Б. Муркелинский, Г.Т.Бурчуладзе. Как отмечает В.А.Плунгян, до недавнего времени эвиденциальность казалась «экзотической» категорией, свойственной лишь ограниченному кругу языков. Однако исследования конца XX в. позволяют рассматривать эвиденциальные значения как полноправный элемент универсального грамматического набора [6, 321]. В 30-х годах XX в. Э.Сепир констатировал наличие в языках категории, которая «выражает источник и характер того знания. Что лежит в основе сообщения говорящего (есть ли это знание из личного опыта, или с чужих слов, или это есть умозаключение» [8,85]. Эти сведения не во всех языках грамматизируются. Однако выявлено наличие достаточного количества языков, в которых подобная информация встроена в систему грамматических форм глагола. К ним относятся и дагестанские языки. Но данная категория не выделялась в них в качестве грамматической категории. В лакском языке она была выделена в работах Р.Г.Эльдаровой.

Максимальная система эвиденциальных значений, как отмечает В.А. Плунгян, предполагает, прежде всего, различие источников информации о ситуации по двум признакам:

- 1) имел ли говорящий прямой доступ к ситуации («прямая» vs «косвенная» информация),
- 2) имел ли говорящий личный доступ к источнику информации о ситуации – не важно прямому или косвенному (этот признак различает «непосредственную» и «опосредованную» информацию) [6, 322].

Оба этих типа в разной степени могут быть грамматизированы в языках. Отмечается, что показатели косвенной эвиденциальности обычно имеют два блока значений: а) *инферентивное* – ‘говорящий наблюдал не саму ситуацию, а её результат’ и б) *цитативное* – ‘говорящий знает о ситуации от третьих лиц’.

В лакском языке можно отметить большее количество граммем эвиденциальности.

Маркированные формы категории эвиденциальности свойственна в основном индикативу, возможны они и в интеррогативе.

Базовые, немаркированные формы обозначают прямую информацию – это так называемые *очевидные* формы, выражающие наличие у говорящего личного доступа к ситуации: *чичлай ур* ‘пишет, и я это вижу’, *чичлай ия* ‘писал, и я это видел’, *чивчуна* ‘написал, и я это видел’ и т.д.

По степени достоверности информации к очевидным близки *категоричные* формы, выражающие высокую степень достоверности информации с точки зрения говорящего. Они отражают объективные знания о мире, о фактах, событиях, свойствах, отношениях, принятых всеми, в том числе и говорящим, как истинные. Такие формы свойственны научному стилю языка, встречаются также в пословицах. Например: (1) *Лакку мазрай цалчин грамматика чивчуссар* Абли Къаяевлул 'На лакском языке впервые грамматику написал Али Каяев'; (2) *Туккул дайссар, чал дукайссар* 'Осёл делает (работает), а конь поедает'. Категоричные формы образуются от причастий с суффиксом **-сса** при помощи предикативных аффиксов **-ра, -ру, -р(-ри)**. Данные аффиксы в категорических формах, на наш взгляд, имеют вневременное значение.

Аналитические формы дуративного вида образуются состоят из деепричастия того же вида и спрягаемых форм вспомогательного глагола **бур**: (3) *Патиматлул душ Московлив дуклай буссар* 'Дочка Патимат учится в Москве'.

Категоричность наиболее ярко выражена аналитических формах, в состав которых входит вспомогательный глагол **биклан** в личных формах **бивклссар (бивклссара, бивклссару)**, образованных от перфектного причастия **бивклсса** 'бывший': (4) *Дж. Коркмасов Сорбонна университетраву дуклай ивклссар* 'Дж. Коркмасов учился в университете Сорбонна' – сочетание дуративного деепричастия и вспомогательного глагола обозначает факт в прошлом, сохраняющий свою актуальность (достоверность) и в настоящем. Формы 1-го, особенно – 2 лица встречаются реже: (5) *На шяраву школалий дарсру дихълай бивклссара* 'Я в сельской преподавала уроки'. В формах 2 лица выражается больше предположение говорящего, чем утверждение: (6) *Ина дарс къалахълай ивклссара, муниятура махъун агъсса*. 'Ты (скорее всего) не учил уроки, поэтому и отстал'.

Косвенная опосредованная информация передаётся маркированными аналитическими формами глагола. Таких форм несколько:

а) *аудитив*, обозначающий информацию, известную говорящему из заслуживающих доверия источников: (6) *Патимат аспирантуралуву дуклай бусса бур* 'Патимат (насколько мне известно) учится в аспирантуре'; (7) *Арс нитти-буттачлан шяравун учлайсса ур* 'Сын (насколько я знаю) приезжает к родителям в село'; (8) *Бензиндалул баъри лавхъун бусса бур* 'Цены на бензин (насколько мне известно) поднялись'. Все формы аудитива являются аналитическими. В зависимости от вида глагола, в их образовании участвует дуративное деепричастие (6), итеративное причастие (7) и перфектное деепричастие (8). Вспомогательный глагол **бур** сам употреблён в аналитической форме причастие + личная форма (см. 6 и 8), образуя трёхкомпонентную аналитическую форму.

б) пересказательная форма (предлагаем термин *эпические* формы) при пересказе прочитанного или услышанного. Типичным компонентом таких форм является комплекс **бивклун бур**, представляющий сочетание перфектного причастия глагола **биклан** и спрягаемая форма глагола **бур** (букв. 'бывши был'). Обычно употребляется в форме 3 л. В перфектных формах обычно первый компонент вспомогательной части сокращается: (9) *Къужа вацллувун лавгун ивклун ур* → *Къужа вацллувун лавгун ур*. 'Старик пошёл в лес'. В формах других видов оба элемента вспомогательной части сохраняется, а смысловая часть выражается дуративным деепричастием или итеративным причастием соответственно: (10) *Къужа хъхъиричлан най ивклун ур* 'Старик шёл к морю'; (11) *Къужлул чавахъру бугъайсса бивклун бур* 'Старик ловил рыбу'.

Поскольку эти формы часто употребляются в сказках, легенда, их можно назвать эпическими. Эпические формы дискурсивно являются формами прошедшего времени, хотя употреблены формы типа **бур** (наст. вр.).

Следует обратить внимание на два типа нарративного текста: авторский нарратив и эпический нарратив. В *авторском нарративе* события представлены в прошедшем времени, но эвиденциально – в виде прямой (авторской) информации. В *эпическом нарративе* информация является косвенной – говорящий не наблюдал ситуацию. Эти особенности при переводе нивелируются, ср.: (12) *Къужа хъхъиричлан лавгуна* (авторский рассказ) –

(12¹) *Къужа хъхъиричІан лавгун ур* (пересказ) ‘Старик пошёл к морю’.

Эпические формы могут иметь и другое значение – инферентивное – ‘говорящий наблюдал не саму ситуацию, а её результат’: (13) *Хъхъурай гъарал лачІлай диркІун дур: аьрици хъартуну дур* ‘Ночью (оказывается) шёл дождь: земля мокрая’.

в) *цитативное* значение В.А.Плунгян определяет так: ‘говорящий знает о ситуации от третьих лиц’. Однако все значения, которые мы отнесли к аудитивным, отвечают этому определению. Собственно цитативное значение в лакском языке образуется при помощи клитики *тІар* ‘говорят’, которая переводит другие формы в разряд аудитивных: (14) *Къунну Ибрагъин хІалтІилуха увкІссар тІар* ‘Вчера, говорят, Ибрагим вернулся с заработков’; (15) *МикІлирай цулчІа къавтІун бивзуна тІар*. ‘Говорят, лиса станцевала на льду’. Клитика здесь не является вводным словом, как это обстоит в русском языке, и обособление его является ошибочным – вносит смысловой диссонанс, переводя текст из одного эвиденциального регистра в другой.

Таким образом, категория эвиденциальности в лакском языке представлена значительно богаче, чем это отмечено в научной литературе. По степени достоверности они составляют иерархию:

очевидные (прямая информация) > категорические (заглазная и категорическая) > аудитивные > эпический (с инферентивом) > цитатив. Если учесть и подзначения, то таких форм оказывается около семи. Большинство форм являются аналитическими, причём формальная часть может состоять из двух компонентов.

Список литературы

1. Аналитические конструкции в языках различных типов. – Изд-во «Наука», Москва-Ленинград, 1965
2. Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях. Аналитические конструкции в языках различных типов. – Изд-во «Наука», Москва-Ленинград, 1965 С.5-57.
3. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 3. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010 – с.384.
4. Сепир Э. Язык. – М., 1934 - 85 с.
5. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. 1У. Лакский язык. Тифлис, 1890 –422 с.

10.02.19

Е.В. Лимарова канд. филол. наук

Российский государственный социальный университет,
лингвистический факультет,
кафедра лингвистики и перевода,
Москва, lisalimarova@gmail.com

СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ И СПОСОБЫ ИХ ЭКСПЛИКАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ РЕЧИ Х. КЛИНТОН

В статье проводится анализ скрытых смыслов, имеющих место быть в рамках политического дискурса на примере предвыборной речи кандидата в президенты США Х. Клинтон. Рассматриваются основные способы экспликации скрытых смыслов, выраженных посредством лексических, синтаксических и стилистических единиц. Отдельно выделены ключевые стилистические приемы, позволяющие воздействовать на аудиторию.

Ключевые слова: *скрытый смысл, политический дискурс, коммуникация.*

В связи с повышением уровня открытости обсуждения вопросов и проблем социально-политической сферы современного мира в условиях возрастающей глобализации, точная языковая интерпретация которых зачастую является решающей, политическая коммуникация приобретает неоспоримо высокую роль. При этом, предметом активных обсуждений в рамках лингвистической науки зачастую становятся аспекты политического дискурса.

В связи с тем, что политический дискурс, как один из видов дискурса, является, напрямую связан с политическим сознанием общества в той или иной языковой и культурной среде, данная статья посвящена рассмотрению проблемы скрытых смыслов, как одного из аспектов политического дискурса, и способов их экспликации.

Проблеме политического дискурса в отечественной лингвистике посвящены работы таких ученых, как Э.В. Будаев, В.З. Демьянков, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и других. На основе анализа их трудов можно сделать вывод, что политические связи составляют характер политического дискурса. Отношения в рамках этих связей можно разделить на субординацию (подчинение) и координацию (согласование) [1, 2, 3, 7, 8].

Согласно утверждению Е.В. Куницыной, «политический дискурс является политически значимой коммуникацией в сфере политики, что соответствует его основной функции установления и рассмотрения власти; относится к институциональным формам общения, в основе которых лежат определенные социальные правила и ритуализованность функционирования» [4. С 33].

Ракурсу настоящей работы наиболее соответствует определение политического дискурса, предложенное О.В. Эпштейн: «Политический дискурс – это совокупность всех речевых актов, а также публичных правил, традиций и опыта, ситуативно детерминированных и выраженных в форме речевых образований, содержание, субъект и адресат которых относятся к сфере политики» [9. С 29].

В ходе анализа политического дискурса появляется возможность выявления намерений, отношений и интенций адресанта, заключенных как экспликативной, так и имплекативной информации. В связи с чем большую важность представляет точный анализ и интерпретация данной информации.

В настоящей статье предоставлен анализ скрытых смыслов в политическом дискурсе на материале предвыборной речи, баллотирующейся на пост президента США в 2016 году, Хиллари Клинтон.

В рамках данной работы предлагается использовать следующее определение понятия «скрытый смысл», выведенное И.А. Стерниным: «Скрытый смысл – это неявный смысл, открывающийся реципиенту текста не сразу, а в результате некоторой мыслительной операции, интерпретации воспринятых им языковых единиц, высказываний, текстовых фрагментов по определенным правилам» [6. С 9].

Роль скрытых смыслов в акте коммуникации заключается во влиянии адресанта на адресата. При этом, интенциональный код высказывания и его смысловая картина не могут совпадать, поскольку скрытый смысл декодируется через языковые средства, в то время как языковые средства отбираются для использования в соответствии с интенциями говорящего.

По мнению Е.В. Сидорова, «...средством и бытийной областью координации деятельности людей является речевая деятельность. Поскольку координация деятельности людей осуществляется знаковыми средствами, функцию речевой деятельности следует трактовать как знаковую координацию деятельности», а сама речевая деятельность выступает как «...частная, отдельная форма общей жизнедеятельности индивида, представляющая собой побуждаемую потребностью в знаковом управлении деятельностью, целесообразную, соотносимую с действительностью (речевой и неречевой), внутреннюю или внутреннюю и внешнюю активность индивида, совершаемую в виде речеспсихических действий и операций на основе ресурсов языковой системы, коммуникативной способности и коммуникативного опыта и сопровождающаяся их изменением» [5. С 127].

Языковое воздействие в рамках политического дискурса функционирует в области скрытых от адресанта целей, проявляясь в особой речевой организации текста, с целью воздействия на адресата, чтобы он принял решение, выгодное политику. Сила данного воздействия, а также прагматический эффект, обуславлены теми целями и намерениями, которые закладывает в политический текст говорящий. При этом, ресурсы персуазивности в политическом дискурсе обусловлены «действием различных когнитивных механизмов и связаны с выбором языковых единиц разных уровней языка» (лексики, грамматики, фонетики) [3. С 48].

Важно отметить, что персуазивный потенциал лексико-семантических единиц дискурсе представляет собой особенность политического дискурса. При этом, политический текст должен быть доступным аудитории, но при этом содержать в себе определенную терминологию политического характера в связи с необходимостью политического содержания, а также необходимостью вызвать определенную реакцию у реципиента.

Необходимо выделить грамматическую систему языка говорящего, обладающую разнообразными ресурсами воздействия на адресата, в которой актуализируются важные для автора высказывания смыслы, а также отражается экспрессивная функция текста.

В области средств стилистической выразительности необходимо отметить особый воздействующий потенциал эллиптических и параллельных конструкций, инверсии, обособления, риторических вопросов, антитезы, выбора коммуникативного типа предложения. Также могут иметь место ирония, политическая метафора, аналогия, контраст, повтор, пресуппозиция, импликатура, создание «семантического поля», комментарии и рефлексивы.

Свою предвыборную речь Х. Клинтон начинает со слов благодарности «Thank you! Oh, thank you all! Thank you so very, very much» [10] («Спасибо вам! Ох, спасибо вам всем! Большое вам спасибо, огромное») с использованием междометия «oh» («ох»), показывая слушающим признательность за поддержку и присутствие, смешанные с эмоциональным возбуждением, поскольку, междометия являются одним из средств экспрессивной функции текста.

Рядом высказываний, как например: «It is wonderful to be here with all of you» [10] («Как замечательно сейчас находиться со всеми вами»), «To be... with my family, with so many friends...» [10] («Быть... со своей семьей, со всеми друзьями...»), она ставит себя на один уровень с аудиторией, устанавливая с ней контакт, но при этом в имплицитной манере Клинтон показывает себя в позиции одного из ведущих политиков «...headquarters of the

United Nations, where I represented our country many times» [10] («... штаб Организации Объединенных Наций, где я представляла нашу страну много раз»). Важно отметить, что Клинтон признаёт появление новых вызовов и обвиняет в кризисе тех «кто находится на верхушке власти» («those at the top»), стараясь тем самым снова приблизить себя к «народу». Она идентифицирует себя с обманутым народом: «...we were told that...» [10] («... нам так сказали...»), «That bargain inspired generations of families, including my own» («Эта сделка вдохновляла целые поколения семей, в том числе и мою собственную»). Данный прием носит название «вхождение в народ», и главной его функцией является заставить аудиторию поверить в то, что адресант равен реципиенту и прошел через такие же трудности, и будет бороться за них всеми силами.

Очередным приёмом воздействия является попытка вызова воодушевления и гордости у народа за принадлежность к сильной нации, способной справиться с различными проблемами, при помощи анафоры: «At our best, that's what Americans do. We're problem solvers, not deniers. We don't hide from change, we harness it» [10] («Это то, что американцы делают лучше всего. Мы решаем проблемы, а не откладываем их в долгий ящик. Мы не скрываемся от вызовов, мы принимаем их»). Смысл использования анафоры заключается в демонстрации уверенного эмоционального настроя. Весьма эффективным приёмом воздействия на аудиторию, представляется сначала воодушевление и эксплицитное выражение о возможности осуществления всех планов, а потом раскрытие причины, без которой успешное решение проблем, встающих перед страной и обществом, становится невозможным. Здесь мы понимаем намёк, что всё наладится, если Клинтон выберут президентом. Употребляя риторический вопрос «What happened?» [10] («Что же произошло?»), который существует в сознании каждого рядового американца, и отвечает на него, представая частью американского народа, постоянно используя местоимение «we» («мы»).

Целевую аудиторию данного выступления представляет средний класс, претерпевающий различные трудности. В своей речи Х. Клинтон задает вопрос словно от всей аудитории, создающий эффект определенной эмоциональной напряженности: «When does my hard work pay off? When does my family get ahead?» [10] («Когда моя тяжелая работа будет оплачена? Когда моя семья выберется из этого?»), «When?» [10] («Когда?»), при этом она сама дает ответ на свой вопрос: «I say now» [10] («Я говорю: сейчас»).

Клинтон использует иронию, описывая политику республиканцев: «Now, there may be some new voices in the presidential Republican choir, but they're all singing the same old song...» [10] («Теперь в Республиканском хоре может быть и есть новые голоса, но они поют все те же старые песни...»). И в то же время она хочет сказать, что политика республиканцев не изменилась и соответственно является неэффективной и устаревшей.

Использование юмора так же способствует расположению аудитории: «And you're lucky I didn't try singing that» [10] («А вам повезло, что я не пытаюсь это спеть»), в то же время она таким образом противопоставляет себя тем, кто поёт всё те же «старые песни».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что скрытые смыслы могут быть декодированы посредством анализа различных средств языка, что и делает использование скрытых смыслов персуазивным приёмом в политическом дискурсе.

Благодаря ораторским приёмам, великолепному владению публицистической речью выступления Хилари Клинтон полны скрытого смысла, что характерно для политического дискурса. Механизмы формирования последнего в речи политика формируются при помощи единиц различных языковых уровней и надуровневых речевых образований, что помогает обнаружить в сущности скрытых смыслов дополнительное, оценочно выраженное содержание.

Список литературы

1. Будаев Э.В., Ворошилова М.Б., Дзюба Е.В., Красильникова Н.А. Современная политическая лингвистика: учебное пособие / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2011. 252 с.
2. Демьяненко В.З., «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 223 – 235.
3. Зарецкая Е.Н., Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1998. 470 с., С.48.
4. Куницина Е.В., Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты (на материалах предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы): дис. канд. ... филол. наук. Ставрополь, 2011. 249 с.
5. Сидоров Е.В., Проблемы речевой системности. – М.: Наука, 1987. 140 с., С.127.
6. Стернин И.А., Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж: «Истоки», 2011. 66 с., С.9.
7. Чудинов А.П., Политическая лингвистика. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.
8. Шейгал Е.И., Семантика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004, 324 с.
9. Эпштейн О.В., Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 209 с., С.29.
10. Предвыборная речь кандидата в президенты США Х. Клинтон. Видео [URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fvrUqcXhmiA>].

10.02.19

М.А. Низамиева канд. филол. наук, Д.Р. Рахимова канд. филол. наук

Казанский Государственный Архитектурно-Строительный Университет,
кафедра иностранных языков,
Казанский Национальный Исследовательский Технологический Университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
hhwalan@yandex.ru, dianaferdinandovna@yandex.ru

КОНЦЕПТ «МАТЬ» В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассмотрены особенности реализации концепта «мать» во фразеологическом фонде русского и французского языков. Лингвокультурологический анализ языкового материала позволил выявить ключевые национальные характеристики образа матери. Предложенный анализ реализации концепта во фразеологии является ценным при изучении языковых картин мира и культур изучаемых языков.

Ключевые слова: *концепт, понятие, смысловой компонент, культура.*

Современная парадигма языкознания предполагает антропоцентрический подход к изучению места человека в современном мире. В связи с этим лингвисты уделяют большое внимание изучению сложных лингвокультурных феноменов: концептов и концептосфер. В них содержится информация о ценностных установках народа носителя языка, поэтому их изучение является ценным для понимания представителей разных народов в мире сегодняшнего дня, стремящемся к глобализации и взаимопроникновению культур.

Фразеология содержит ярчайшие примеры специфики национального сознания, мироощущение, так как она является средством передачи опыта от поколения к поколению. Фразеологическая единица является частью человеческой культуры и лингвистической культуры человека. Р. Х. Хайруллина отмечает, что фразеология содержит результаты миропонимания, когнитивно-оценочной деятельности народа, отмечает логический, аксиологический и философский аспекты [8, с. 240].

Таким образом, пословицы фиксируют специфику миропонимания разных языковых групп, причем различия обусловлены в значительной мере экстралингвистическими факторами, такими как культурные особенности народа, его история, нравы, моральные и нравственные ценности, стереотипы.

Представим реконструкцию представлений об образе матери в пословицах, поговорках и фразеологических единицах, входящих во фразеологический фонд русского языка:

1) Фразеологические единицы, характеризующие мать, как воплощение заботливости, самого близкого и дорогого человека, который дает любовь, душевный комфорт, поддержку: Мать лучше всякого друга; Материнская молитва со дна моря выносит; При солнышке – тепло, при матери – добро; Птица рада весне, а дитя – матери; Слепой щенок и тот к матери ползет; У кого есть матка, у того голова гладка» [1, с. 51-52]; Около матки хорошо дитятке [3].

2) Фразеологические единицы, описывающие материнскую заботу о детях, отношение к детям: Материнские глаза слепы; Дитяtko за ручку – мамку за сердечко [1, с. 51-52]; Мать любит дитя, а кошка – котя [5, с. 78];

3) Фразеологические единицы, характеризующие отношение людей и в том числе детей к матери: Когда мать на земле обижают, Бог на небе плачет; Ласковый теленок двух маток сосет; Мать по дочке плачет, а дочь на танцах скачет; Мать сына кормит – сохнет, а он по ней не охнет; Сердце матери – в сыне, сердце сына – в степи [1, с. 52]; Мать кормит детей – сохнет, а они по ней не охнут [5, с. 138];

4) Аспект преемственности, наследственности: Какова мать, таковы и дочери; Кто похож на мать – того люди будут знать, а кто в отца – тот дикая овца; Ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца; От одной матки и сивый и пегий родится [1, с. 52-53];

5) Фразеологические единицы, выражающие аспект обучения, воспитания детей: Что с молоком матери не выпит, с коровьим не придет [1, с. 51-53];

6) Фразеологические единицы, выражающие пренебрежительное, насмешливое отношение к человеку, который слишком привязан к матери: Маменькина дочка – избалованная, изнеженная девушка, Маменькин сынок – избалованный, изнеженный мальчик или молодой человек; Держаться за мамину юбку – слишком долго оставаться зависимым от родителей, несамостоятельным, держаться за бабую юбку – быть в подчинении у женщины, в полной зависимости от нее [7, с. 145, 468, 138];

7) Фразеологические единицы, отмечающие аспект близости, родственной сущности явления: Всасывать (впитывать) с молоком матери – Усваивать, воспринимать с раннего возраста, с детских лет [7, с. 82];

8) Фразеологические единицы, содержащие сравнение с образом матери для обозначения аспекта первоисточника, происхождения: Лень (праздность ума) – мать всех пороков [4, с. 381]; Повторенье – мать ученья; Лень-матушка вперед тебя родилась (лень характеризуется, как состояние, присущее каждому человеку, такое же одинаковое и неотъемлемое для всех, как то, что каждый был рожден женщиной) [1, с. 48]

9) Фразеологическая единица со значением «голый», «обнаженный»: В чем мать родила – 1. нагишом, безо всякой одежды. 2. без денег, состояния, имущества [3, с. 239];

10) Фразеологические единицы с употреблением лексемы «мать», содержащие обозначение каких-либо эмоций, например, страха, угрозы:

Мать честная! – Восклицание, выражающее избыток каких-либо чувств: изумления, испуга, радости и т.п. [7, с. 239]; Мать сыра земля, говорить нельзя! – т.е. не дают, страшно [4, с. 381]; Показать кузькину мать – проучить, жестоко наказать кого-либо, всыпать кому-либо. Обычно как выражение угрозы [7, с. 334].

В паремиях и устойчивых единицах фразеологического характера французского языка представлены аспекты и семантические компоненты:

1) Создающие образ матери, как человека, дающего заботу, пропитание, тепло, приют, а также наличие покровительственного аспекта: *mère nourricière* (мать-кормилица), *mère poule* (мать-наседка), *mère des pauvres* (добрая женщина, щедро подающая милостыню), *mère des compagnons* (хозяйка гостиницы), *mère Gigogne* (матушка Жигонь, многодетная мать (по имени персонажа народного французского театра) [10].

2) выражающие преемственность, наследственность: *Sucer qqch. avec le lait* (всасывать, впитывать с молоком матери) [9 с. 30].

3) Сравнение с образом матери для обозначения аспекта первоисточника, происхождения: *La paresse est la mère de tous les vices* – лень – мать всех пороков [9, с. 682], *mère goutte* (лучше вино, первая часть) [10].

4) предоставления неких услуг, близкий к первому аспекту изучаемого концепта: *mere abbesse* (мать-настоятельница, хозяйка публичного дома), *mere d'occase* (сводня) [10].

5) отмечающие пренебрежительное, насмешливое отношение к человеку, который слишком привязан к матери: *fil à maman, à sa maman, le chéri à sa maman, fille à sa maman*, — маменькин сынок, маменькина дочка; *appeler sa maman; maman, bobo!* – звать мамочку (при боли); *une cuillerée pour papa, une cuillerée pour maman (une cuillerée (или une bouchée) pour papa, une cuillerée pour maman)* – ложечку за папу, ложечку за маму [10].

Также во французском языке есть употребление лексемы «мать» в восклицаниях: *Bonne mère!* – Мать честная! [10 с. 50].

Проведя анализ устойчивых единиц фразеологического характера и паремий русского и французского языка, в составе которых присутствует имя концепта «мать/ *mère*», мы можем сделать вывод о сходствах и различиях восприятия изучаемого концепта. Было установлено, что для русского национального сознания характерно представление матери как близкого,

10.02.19

Э.Г. Оздоева канд. филол. наук, С.А. Оздоева

Ингушский государственный университет,
Магас, oeset@mail.ru**СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматривается словоизменительная категория степени сравнения в ингушском языке. Отмечается наличие трех степеней сравнения, а также, что степень качества в исследуемом языке может выражаться и без сравнения. Некоторые качественные прилагательные не имеют степени сравнения, так как этого не позволяет их лексическое значение.

Ключевые слова: степени сравнения; имена прилагательные; ингушский язык; положительная, сравнительная и превосходная степени; формы сравнительной степени; большая и меньшая мера качества.

«Имя прилагательное – это часть речи, показывающая признак предмета и отвечающая на вопросы **мишта?** / **какой?** (о человеке, неразумном существе и предмете), **хьан?** / **чей?** (о человеке), **сен?** / **чей?** (о предмете или неразумном существе)» [8, с. 47]. Имя прилагательное в ингушском языке характеризуется наличием таких категорий как: число, класс, падеж, степени сравнения. Последняя из перечисленных категорий и является предметом нашего исследования. «Качественные прилагательные – это прилагательные, выражающие признак предмета, который может проявляться в большей или меньшей степени» [4, с. 136]. В ингушском языке отмечают наличие трех степеней сравнения: положительной, сравнительной, превосходной. В «Грамматике ингушского языка» З.К.Мальсагова, авторами «Современного ингушского языка», а также А.З.Гандалоевой в учебнике для студентов первого курса «Ингушский язык» выделяется три степени сравнения: положительная, сравнительная и превосходная [5, с.32; 10, с.87-90, 2, с. 91]. В учебнике «ХІанзара гІалгІай мотт / Современный ингушский язык» и И.А. Оздоевым в учебнике «ГІалгІай мотт» отмечается наличие двух степеней сравнения. Данными авторами положительная степень отмечается как начальная форма имени прилагательного [1, с. 105-107; 7, с. 107-108].

Степени сравнения – это «словоизменительная категория качественных прилагательных, наречий и предикативов, образуемая противопоставлением положительной, сравнительной и превосходной степеней, находящихся между собой в отношениях градуальной смысловой оппозиции. Исходной является положительная степень» [3, с. 367].

Положительная степень прилагательных обозначает качество предмета, которое может проявляться у него в большей или меньшей степени. При этом качество не сравнивается с аналогичным качеством других предметов. Как правило, положительная степень прилагательных выражает основное, постоянное качество предмета, например: *лакха саг* - «высокий человек», *хоза йулиг* - «красивая девочка», *беа кхера* - «тяжелый камень», *боккха кхор* - «большая груша», *зІамига кІаьнк* - «маленький мальчик», *мела хий* - «теплая вода», *вІаьхий саг* - «богатый человек», *мерза хий* - «сладкая вода», *миста Іаж* - «кислое яблоко» и т.д. Положительная степень не выражает сравнения, но с нею сравниваются сравнительная и превосходная степени, в чем проявляется ее важность.

«По мнению многих ученых, в выражении морфологических значений участвуют и синтаксические, и словообразовательные, и сами морфологические средства. Следовательно, грамматические значения выражаются следующими способами: аффиксацией, внутренней флексией, служебными словами, порядком слов, ударением, интонацией. И главное место

здесь принадлежит аффиксам» [9, с. 81]. Суффикс *-ɣla* является единственным способом образования сравнительной степени имен прилагательных и наречий в ингушском языке. «Имя прилагательное в сравнительной степени обозначает большую или меньшую меру свойства или качества» [5, с. 32]. Различают две формы сравнительной степени: простую и сложную. Простая форма выражена синтетическими прилагательными, образуется посредством присоединения к положительной форме суффикса *-ɣla*: *мора+ɣla* – «коричневее», *лакха+ɣla* – «выше», *дира+ɣla* – «соленее», *шера+ɣla* – «шире», *сийрда+ɣla* – «светлее», *лаьржа+ɣla* – «чернее». Сложная форма образуется аналитическим путем, т.е. присоединением к сравнительной степени вспомогательных слов, выраженных наречиями со значением меры и степени. Происходит этот процесс двумя способами: а) прибавлением к прилагательному слов *геттара* – «много (слишком)», *члоаɣla* – «очень». Например: *геттара лакха* – «слишком высокий», *члоаɣla клоарга* – «очень глубокий»; б) прибавлением к сравнительной степени слов *массарел* – «всех», *кхычарел* – «чем кто-либо другой» или *массадолчул* – «всего». Например: *кхычарел дайɣla* – «легче других», *массарел хозаɣla* – «красивее всех», *кхычарел кьахетамеɣla* – «добрее всех», *массадолчул массаɣla* – «быстрее всех». Наряду с этим могут быть использованы служебные слова со значением *тоьал* – «достаточно», *мел лов*, *мел эш* – «сколько угодно» с той же семантикой, которая характерна для разговорной речи. В ингушском языке аналитическую превосходную степень со словами *эггара* – «самый», *члоаɣla* – «очень» можно образовать от любого качественного прилагательного.

Изменение по степеням сравнения не является неизменным признаком всех качественных прилагательных. Многие из них не имеют степеней сравнения в силу своего лексического значения. Например: *верзан* – *нагой*, *бларза* – *слепой*, *астаɣla* – *хромой*.

Что касается превосходной степени имен прилагательных ингушского языка, то она означает самую высокую степень качества, которым обладает предмет. В СИЯ – 2012 (Современный ингушский язык) отмечены два основных значения превосходной степени: «высшая (суперлатив) и абсолютная высшая (элатив)» [10, с. 89].

Как было отмечено выше, для выражения усиленного качества в ингушском языке применяются различные морфологические средства. Вопрос усиления и ослабления качества в ингушском языке до недавнего времени вообще не рассматривался, хотя в свое время эту тему в своей работе затронула Л.Д.Мальсагова [6, с. 142]. Более подробно категория степени качества рассматривается в СИЯ – 2012, где авторы выделяют: «модератив, интенсив и экватив» [10, с. 91]. Для выражения превосходной степени качества в ингушском языке используется слова «эггара, массарел», присоединяемые к определению в сравнительной степени. Для выражения усиленного качества без сравнения, применяются лексемы *члоаɣla* – «очень» и *геттара* – «много», *са воша члоаɣla дика саг ва* – «мой брат очень хороший человек», *са воша геттара дика саг ва* – «мой брат очень хороший человек».

Относительные прилагательные не образуют степени сравнения, ибо отношения не мыслятся качественно, и не сочетаются со словами типа *члоаɣla* – «очень», *эггара* – «самый», не образуют кратких форм и не вступают в антонимические отношения.

В ингушском литературном языке также встречается недостаточная степень имен прилагательных, где большая или меньшая степень качества выражается при помощи средств оценочно-интенсивного характера. Например: *лоха* – «низкий» – *лохо* – «низковатый», *баьцара* – «зеленый» – *баьцаро* – «зеленоватый», *лажаɣla* – «желтый» – *лажаɣло* – «желтоватый», *лаьржа* – «черный» – *лаьржо* – «черноватый», *клай* – «белый» – *клайɣло* – «беловатый». Все эти имена прилагательные являются лексемами, образованными от основы прилагательного с прибавлением суффикса *-o*, обозначающего неполноту качества.

В ингушском языке прилагательные остаются без каких-либо изменений в форме положительной степени, но в сравнительной степени к ним прибавляется суффикс *-ɣla*, а в превосходной степени к ним прибавляются самостоятельные лексемы *члоаɣla* – «очень», *эггара* – «самый». Отличительной особенностью сравнительной степени прилагательных ингушского языка является то, что при ее образовании прилагательное остается без

изменения, а входящий в них сравниваемый предмет, имеющий низшую степень качества, ставится в форме сравнительного падежа. Что касается сравнивающего предмета, то он всегда употребляется в именительном падеже. Например: *Са воша сол зIамагIа ва* - «Мой брат моложе меня», *Аминат Хъавайл лохагIа я* - «Аминат ниже Хавы». Такое же явление наблюдается и в других кавказских языках.

Таким образом, рассмотрев категорию степени сравнения в ингушском языке, можно отметить следующее: 1. В ингушском языке способностью иметь степени сравнения обладает большинство качественных прилагательных. Не обозначая собственно качества предметов, относительные прилагательные не образуют степеней сравнения; 2. В исследуемом языке отмечается наличие трех степеней сравнения: положительной, сравнительной, превосходной; 3. Степени сравнения имен прилагательных обнаруживают разнообразный и неповторимый арсенал средств выражения. В добавление ко всему этому, в исследуемом языке развита система выражения различных степеней качества без сравнения, то есть система маркеров субъективно-оценочного характера. При этом формы дополнительной оценки образуются суффиксальным способом и описательным путем.

Список литературы

1. Ахриева Р.И., Оздоева Ф.Г., Мальсагова Л.Д., Бекова П.Х. ХIанзара гIалгIай мотт. Грозный, 1972. - 265 с.
2. Гандалоева А.З. ГIалгIай мотт. Магас, 2009. -220 с.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. -486 с.
4. Латырова Х.Ю., Эстоева Х.Я., Оздоева Э.Г. Качественные имена прилагательные в ингушском и русском языках // Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях: сборник статей Международной научно-практической конференции (4 февраля 2019г, г. Тюмень). В 2 ч. Ч.2 / -Уфа: OMEGA SCIENCE, 2019. – С. 135-137.
5. Мальсагова Л.Д. Качественные имена прилагательные в чеченском и ингушском литературных языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Грозный, 1972.
6. Мальсагов З.К. Грамматика ингушского языка. Издание 2-е. -Грозный, 1963. -159 с.
7. Оздоев И.А. Ингушский язык. -Грозный, 1986.- 208 с.
8. Оздоева Э.Г. Свободные и зависимые формы имени прилагательного в ингушском языке // Вузовское образование и наука. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Магас: ИнгГУ; Махачкала: АЛЕФ, 2018. –С.47-50.
9. Оздоева Э.Г., Гагиева Р.Ш., Куркиева Л.Ш. Средства выражения имени прилагательного в ингушском языке // Роль и место информационных технологий в современной науке: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (17 августа 2019г, г. Уфа). -Уфа: OMEGA SCIENCE, 2019. -С. 81-83.
10. Современный ингушский язык. Морфология. -Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. -558 с.

10.02.19

Э.Г. Оздоева канд. филол. наук, С.А. ОздоеваИнгушский государственный университет,
Магас, oeset@mail.ru**АНТОНИМИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ИНГУШСКИХ ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ**

В данной статье рассматриваются антонимичные отношения качественных имен прилагательных в ингушском языке. Отмечается, что имена прилагательные-антонимы могут употребляться и в сравнительных конструкциях; выделяются синтетические и аналитические формы степеней сравнения антонимов-прилагательных. В отношении антонимии могут вступать прилагательные с различными лексическими значениями.

Ключевые слова: *антонимия, имена прилагательные, ингушский язык, качественный признак, степени сравнения.*

Антонимия ингушского языка не раз являлась предметом исследования ингушских лингвистов [1; 2; 3; 7; 8]. «В антонимах содержится ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений действительности, качеств и признаков» [3, с. 151].

В ингушском языке больше других частей речи в отношении антонимии вступают наречия и качественные имена прилагательные, так как «имя прилагательное в ингушском языке – очень богатая своими формами часть речи» [4, с. 49].

«Для появления антонимии необходимо наличие качественного признака в значении слова, который можно градуировать и доводить до противоположного» [6, с. 101]. Следовательно, в ингушском языке больше всего антонимов у качественных прилагательных: *иййла – йлайха* – «холодный - горячий», *тенна – глийла* – «сильный - слабый», *дика – во* – «хороший - плохой», *лакха – лоха* – «высокий - низкий», *клай – лаьржа* – «белый – черный», *цлена – блеха* – «чистый - грязный».

«В ингушском языке имеют место быть имена прилагательные, формы которых по внешнему облику совпадают с наречиями и ряд из них может быть употреблен в роли наречий» [5, с. 82]. Например, *хоза зиза* – «красивый цветок» - имя прилагательное, *хоза яздаьд* – «красиво написал» - наречие.

В ингушских прилагательных отсутствует формальное выражение признаков класса и числа (хотя падеж можно определить по окончанию косвенных падежей *-ча*). Здесь они определяются по существительному, которое с ними согласуется: *моажса басар* – «оранжевая краска», *моажсача басара* – «оранжевой краски», *моажса басараши* – «оранжевые краски» и т.д. Следовательно, чтобы подобрать слово с противоположным значением к прилагательному, необходимо использовать существительное, которое с ним сочетается: *нийлха хьу* – «редкий лес» - *листа хьу* – «частый лес»; *кадай клайнк* – «шустрый мальчик» - *мекъа клайнк* – «ленивый мальчик», *зламига саг* – «молодой человек» - *воккха саг* – «старый человек», *шира дош* – «архаизм» - *керда дош* – «неологизм». Особенно это касается таких прилагательных, как *зламига*, *воккха*, *шира*, которые в зависимости от контекста имеют по несколько значений. Например, *воккха саг* – «старик», *воккха хьаким* – «большой начальник»; *зламига саг* – «молодой человек», *зламига цла* – «маленький дом», *шира маькх* – «черствый хлеб», *шира зама* – «прошлый век», *шира дош* – «архаизм».

Антонимы в ингушском языке, выражая качественный признак, образуют степени сравнения и употребляются в характерных сравнительных конструкциях. Сравнительная степень в ингушском языке образуется двумя способами:

1) синтетическая форма - при помощи суффикса *-ɣl / -ɣla*, например: *лакха* – «высокий» - *лакхаɣl / лакхаɣla* – «выше» – *лоха* – «низкий» - *лохаɣl / лохаɣla* – «ниже»; *дика* – «хороший» – *дикаɣl / дикаɣla* – «лучше»; *во* – «плохой» – *воɣl / воɣla* – «хуже»;

2) аналитическая форма сравнительной степени - путем употребления существительных и местоимений в сравнительном падеже, например: *Адамал дикаɣla кӀаьнк вац* – «Нет мальчика лучше Адама»; *Цул воɣla саг хургвац* – «Нет человека хуже него». Такой способ образования сравнительной степени свойственен преимущественно ингушским прилагательным.

В отношении антонимии могут вступать следующие семантические группы имен прилагательных:

1) цвет: *кӀай* - *Ӏаьржа* – «белый - черный», *баьде* – *сийрда* – «темный - светлый». Например: *КӀайча кхашта, дуккха чуртамаш даɣлача доккхача кашамашта юхеɣлолла боаɣлаш хинна бийсанара бӀаьха никъ тӀехъаикахъа бисар* – «Осталась позади ночная длинная дорога, которая шла мимо **белых пашен**, больших кладбищ с многочисленными памятниками» - *Бутт хьалбаьлар. Цунна кӀалɣлолла чакхъювлаш я кегаенна кӀай морхаш, шоашта юкхеɣлолла Ӏаьржа сигленаш а гуш* – «Взошел месяц. Под ним проходят белые облака, сквозь которые видно **черное небо**»;

2) вес: *деза* – *дай* – «тяжелый - легкий». Например: *Беза корта ба Ӏовдалча сага бар* – «У дурака **тяжелая голова**» – *Яй бедаргаи миho дӀайихъар* – «**Легкие перышки** сдуло ветром»;

3) объем, размер: *йоккха* – *ɣламига* – «большой – маленький», *йӀаьха* - *лоаца* - «длинный - короткий», *сома* - *йиткъа* – «толстый - тонкий». Например: *Багара бага ухаца дешо ɣламигача хӀамах лоам хетийт* – «Пройдя из уст в уста, **маленькая сплетня** вырастает с гору» - *Боккхача дезала юкхе кхийнар нахаца дикаɣla тов* – «Выросший в **большой семье** уживчив»;

4) температуру, физическое качество: *йӀайха* – *ийила* – «горячий - холодный», *йикъа* – *коача* – «густой - жидкий», *кӀаьда* – *чӀоаɣla* – «твердый - мягкий», *лаьɣla* – *чӀоаɣla* – «тихий - громкий». Например: *Даьхен хьаьна лаьтта оахаш, чоабол хьо тракторо* – «Трактор едет, вспахивая **плодородную землю** Родины» - *Яькха аренаи удобрени теха тоайир агронома* – «Агроном удобрил **неплодородные земли**»;

5) слова, выражающие пространственные отношения. Например: *лакхера* - *лохера* – «нижний – верхний», *гаргара* - *гаьнара* – «близкий – далекий», *аьтта* – *аьрда* – «правый - левый», *кӀылбаседа* - *кӀулбихъе* – «северный – южный», *нийлха* – *листа* – «частый - редкий», *хьалхара* – *тӀехъара* – «начальный - последний». Например: *Арара во – найц валар, цӀаɣлаара во* – нус ялар: *шаккхе а ши бала ба* - «Умер зять – **горе вне дома**, умерла сноха – **домашнее горе**: то и другое – беда»;

6) качество предмета: *тиша* / *къаьна* - *керда* / *къона* – «старый - новый», *цӀена* – *бӀеха* – «чистый – грязный», *дика* - *во* – «хороший – плохой», *кӀаьда* - *чӀоаɣla* – «мягкий – твердый», *дареɣla* - *деза* – «дешевый – дорогой», *шера* - *готта* – «широкий – узкий», *ира* – *аьрхla* – «острый - тупой», *къахъа* – *мерза* – «горький - сладкий». Например: *Къаьнадар хоастаде, къонадар эца* – «**Старое** восхваляя, **новое** бери»;

7) метеорологическая характеристика: *екхан* - *йоачан* – «сухой – дождливый», *ийила* - *йӀайха* – «холодный - теплый», *екъа* – *тӀуна* – «сухой – влажный (сырой)». Например: *Аьхки Ӏийне иллар, шийлача Ӏай жуьвра кад беа ихав* – «Кто летом в тени лежал, тот **холодной зимой** чашку кукурузной муки просил» – *Ийже кхоачаи латт ахкан бӀайха малх* – «**Жаркое** летнее **солнце** подходит к зениту»;

8) оценка человека: *мекъа* - *кадай* – «медленный – быстрый», *къахетаме* - *къиза* – «добрый – злой», *лакха* - *лоха* – «высокий - низкий», *хьаькъале* - *Ӏовдала* – «умный – глупый», *мекъа* - *къахъегаме* – «ленивый – трудолюбивый», *ɣлийла* – *тенна* – «худой - толстый», *ɣложа* – *кӀаьда* / *безаме* – «грубый - ласковый», *камаьриша* – *цӀаьрмата* – «щедрый - скупой», *майра* – *зовза* – «смелый - трусливый», *унахцӀена* – *уне* – «здоровый - больной». Например: *Вай ца даьр дикача тӀехъено дергда; вай даьр воча тӀехъено*

дохоргда – «Хорошее потомство продолжит начатое нами, а плохое потомство его разрушит».

Исследуемый материал показывает, что не ко всем именам прилагательным возможно подобрать антонимы, выраженные той же частью речи. Например, к слову *меца* – «голодный» в качестве антонима подбирается только причастие *виза* – «наевшийся / сытый»;

9) время, возраст: *ахкан* - *Іан* – «летний – зимний», *къаьна* - *къона* – «старый - молодой», *тиша* - *цІена* – «старый – новый». Например: *ВоккхагІча сага сий де, зІамагІча сага хьехам бе* - «**Старшего** чти, **младшего** поучай»;

10) характеристику отношений социального порядка: *вІаьхий* – *къе* – «богатый – бедный», *деза* – *дарегІа* – «дорогой – дешевый», *лоархІаьме* – *лоархІамза* – «уважаемый - неуважаемый», *эздий* – *доастама* – «благородный - ничтожный» [5, с.29]. Например: *БІаьхийча нахах йоалаь саг геттара мекъа хул* – «Невестка из **богатого дома** бывает ленивой» - *Дешах даьре хуларе, къе нах хургбацар* – «Если бы слово превращалось в шелк, **бедных людей** не было бы».

Многие антонимы, выраженные прилагательными, посредством соединения образуют сочинительные сложные слова. Например, *дика-во* – «состояние, которое постигает человека (радость, счастье, горе)», *лакха-лоха* - «размер»; *мерза-къахъа* – «вкус».

Итак, в исследуемом языке антонимизируются в основном качественные прилагательные. Так как существительные, наречия и прилагательные в ингушском языке совпадают по форме, определяя антонимические отношения, нужно учитывать их контекст.

Проведенный анализ показывает, что антонимия прилагательных в ингушском языке представлена богато; для определения морфологических признаков прилагательных-антонимов необходимо использовать контекст. В отношении антонимии вступают прилагательные с различными лексическими значениями.

Список литературы

1. Ахриева Р.И., Оздоева Ф.Г., Мальсагова Л.Д., Бекова П.Х. ХІанзара гІалгІай мотт. Грозный, 1972. - 265 с.
2. Гандалоева А.З. К вопросу об антонимии в ингушском языке // Сборник научных трудов ингушского государственного университета. Вып. 1. –Магас, 2002. -С. 104-109.
3. Оздоева Э.Г. Семантическое поле антонимов в ингушском языке // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Вузовское образование и наука», ИнГГУ, Магас, 2014. –С.150-153.
4. Оздоева Э.Г. Свободные и зависимые формы имени прилагательного в ингушском языке // Вузовское образование и наука. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Магас: ИнГГУ; Махачкала: АЛЕФ, 2018. –С.47-50.
5. Оздоева Э.Г., Гагиева Р.Ш., Куркиева Л.Ш. Средства выражения имени прилагательного в ингушском языке // Роль и место информационных технологий в современной науке: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (17 августа 2019г, г. Уфа). -Уфа: OMEGA SCIENCE, 2019. -С. 81-83.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Пресс, 1996. – 536 с.
7. Тариева Л.У., Дударова Л.М., Мальсагова М.Д. Семантические типы антонимов // Всероссийская научно-практическая конференция «Вузовское образование и наука»: сб. материалов / Ингушский государственный университет. –Магас, 2016. -С.37-41.
8. Тариева Л.У. Русско-ингушский словарь антонимов. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. - 224 с.

10.02.19

Цуй Юйфэй

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Высшая школа перевода (факультет),
Москва, victoria-yufei@mail.ru

СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ПЕРСОНАЖА В РАССКАЗЕ КИТАЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЧЖАН АЙЛИН И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей работе рассматриваются языковые средства описания женского образа в художественном рассказе китайской писательницы Чжан Айлин «Вожделение». Женский образ Чжан Айлин изучается на основе семантического анализа, уделяя внимание прецедентному имени. Автор показывает, что те имена, которые входят в когнитивную базу китайской языковой картины мира, становятся частью китайской культуры и способствуют дальнейшему развитию китайского языка.

Ключевые слова: *текст, лингвистические особенности, китайская художественная литература, прецедентное имя, женский образ, перевод.*

Язык, как средство коммуникации, является не только инструментом мышления и познания, но и отражением развития общества. «Текст» (лат. textus), означающий «ткань, сплетение, соединение», представляет собой произведение крупного масштаба, объединенное по смыслу последовательностью знаковых единиц, основными свойствами которого являются связанность и цельность [1, с. 6; 2, с. 8, 51]. Текст является сложной формой сохранения социо-культурной информации, запечатленной в истории определённого народа. Художественный текст представляет собой сложный языковой знак, в котором реализуются языковые единицы всех уровней: от фонемы до предложения. Художественные тексты создавались языковыми личностями, благодаря чему стиль одного художественного текста отличается от другого типа текстов. По мнению Л.А. Манерко, «художественный текст существует как результат коммуникативной деятельности человека. Произведение живёт и существует не только в определённую эпоху, связано с определённым лингво-культурным сообществом, но и взаимодействует со многими экстралингвистическими компонентами в рамках конкретной ситуации и среды, тем более напрямую является отражением творчества конкретного писателя — языковой личности» [6, с.111].

Одним из важных современных понятий филологии является понятие прецедентности. Прецедентность представляет собой процесс отражения национальной культурной традиции в тексте через процесс исторических событий, лиц и образов, которые имеют отношение к мифологии и произведениям устного и письменного народного творчества. В нашей работе мы опираемся на понятие «прецедентное имя», которое Д.Б. Гудков относит к индивидуальному имени. Оно связано 1) с широко известным текстом, относящимся к числу прецедентных в русской литературе (как «Обломов», «Тарас Бульба»); 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван, Сусанин*); 3) имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Моцарт, Ломоносов*) [3, с.108].

Данная работа посвящена изучению языковой специфики прецедентного женского имени на примере Ван Цзячжи в художественном рассказе «Вожделение», написанном китайской писательницей Чжан Айлин. Имя современной писательницы Чжан Айлин известно не только в Китае, но и на Западе, где обычно её называет Эйлин Чанг. Помимо этого, в своей статье сравниваются лингвистические особенности оригинала и его перевода на английский язык.

Следует отметить, что прецедентных мужских имён в китайской литературе намного больше женских, однако в творчестве Чжан Айлин впервые в современной китайской художественной литературе раскрываются именно женские образы. У Чжан Айлин достаточно много произведений, в каждом из которых есть как минимум один яркий женский образ. Писательница умело описывает психологию и детали женских характеров. Например, Бай Люсу – персонаж книги «Любовь, разрушающая города», обладает противоречивым характером, совмещая в себе элементы слабости и твёрдости. Гу Маньчжэнь – героиня романа «Полжизни», отличается самостоятельностью и оптимизмом, всегда готова принести себя в жертву семье, а характер её старшей сестры Гу Маньлу сильно меняется, в связи с переживаниями.

Некоторые из образов Чжан Айлин сейчас входят в когнитивную базу китайской культуры, которая является «хранилищем тех культурных предметов, которые в наибольшей степени... детерминируют систему их социального поведения» [3, с.83]. По мнению Д.Б. Гудкова, они представляют собой «структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества...» [3, с.92].

Рассказ «Вожделение» был написан писательницей Чан Айлин в 50-ые годы XX-ого века, но он был опубликован через 30 лет на английском и в переводе называется «Lust, caution». Имя главной героини становится известно в 2007-ом году, когда по этому рассказу был снят фильм, который прославил главных артистов – Лян Чаовэй, Тан Вэй, Ван Лихуни и других китайских актёров.

Героиня рассказа Чан Айлин «Вожделение» – очаровательная Ван Цзячжи – хочет только любви и тихого счастья. Но она живёт в тяжёлые времена Китая – в 30-ые годы XX-ого века, когда группа патриотично настроенных студентов хотят убить предателя – господина И. Он хитёр и острожен, но при этом любит проводить время с красавицами. Ван Цзячжи должна исполнить роль такой красавицы–приманки в плане студентов. Но Ван Цзячжи влюбилась в господина И, помогает ему спастись, не выполнив задачу. В результате такого решения все участники были убиты, включая и наивную героиню. Невозможно винить Ван Цзячжи, виновато лишь время, так безжалостно подшутившее над судьбой описанных героев.

Описание отрывков рассказа «Вожделение», в которых представлена главная героиня Ван Цзячжи, проводится на основе сопоставления оригинального китайского текста, семантического анализа и прагматического воздействия на читателя. Проанализируем некоторые отрывки, которые перевела Джулия Ловелл:

1. 稍嫌尖窄的额, 发角也参差不齐, 酷烈的光与影不知道怎么倒给那秀丽的六角脸更添了几分秀气 [7, с.1]. The harsh artificial light laid bare the elegant lines of her hexagonal face, its beauty somehow accentuated by the imperfectly narrow forehead, by the careless, framing wisps of hair [8, с.11].

Прежде всего во фразе описывается окружающая атмосфера по “酷烈的光与影”, передаваемая английским словосочетанием “the harsh artificial light”, указывая на существующую напряжённость резкого искусственного света. Переводчик добавляет слово *artificial* – «искусственный» для того, чтобы показать, что такой свет не естественный. Но в тексте рассказа встречается иероглиф “影” – «тень»: слово “shadow” опускается в английском переводе, что ещё раз указывает на то, что наша героиня находится в тяжелой ситуации. Кроме того, в оригинале ещё раскрываются некоторые необычные черты внешности героини, описываемые как в оригинале выражениям – “尖窄的额” “the imperfectly narrow forehead”: «заостренный и узкий лоб» является прямым значением на русском, и на английском “the sharp, narrow forehead”. Но на самом деле, в английском переводе лексема *imperfectly*, указывающая на несовершенство внешности героини в понимании переводчика, в оригинальном тексте отсутствует. Сочетание слов “发角参差不齐” указывает на то, что волосы на висках располагаются в беспорядке, что передано словосочетанием “the hairs on the temples are uneven”. Для носителей английского языка не совсем ясным является семантика фразы “the careless, framing wisps of hair”: небрежные локоны волос.

Следует заметить, что переводчик подменил значение фразы, что читателем не замечается, переводчик считает, что те особые внешние черты делают героиню красивой. Но автор в оригинале подчеркнула, что именно «свет и тень» подчеркнули её красоту, что делает её внешность не очень привлекательной. Китайские писатели считают важным описать персонажа через окружающую обстановку, что придаёт дополнительные черты герою. Мы можем наблюдать переводческую ошибку. По мнению Л.Н. Латышева, «переводческие ошибки можно подразделить на два основных вида: языковые и функционально-содержательные ошибки, ко вторым ошибкам относятся существенные недочёты в передаче исходного содержания, отрицательно сказывающиеся на воспроизведении его смысла». По степени отрицательного воздействия на качество оригинала в переводе они подразделяются на «искажения», «неточности» и «неясности» [5, с.221]. В данном случае, наблюдается неточность в переводе.

Кроме того в оригинале на китайском языке фиксируется двойное отрицание в предложении, имеющем положительное значение, которое переведено английским местоимением *somehow*, которое достаточно точно передаёт необходимое положительное значение. В тексте читателям предлагается живая картинка того, что человек, находящийся в неприятной ситуации и у которого есть некоторые непривлекательные внешние черты, но окружение почему-то придаёт красоту нашей героине.

2. 一种失败的预感, 像丝袜上的一道裂痕, 阴凉地在腿肚子上悄悄往上爬 [7, с.9]. *She felt a kind of chilling premonition of failure* [8, с.18].

Данная фраза интересна на китайском языке тем, что в ней используются сравнение и олицетворение. Сначала рассмотрим буквальный перевод этого предложения на русский язык: «Предчувствие неудачи, как трещина на чулках, которая спокойно поползла вверх в темноте по икре ноги». Но в английском переводе переводчик пользуется словом *chilling*, заменяя объект сравнения «...как трещина на чулках...», и он пропустил часть олицетворения. В дословном значении подлежащим является «Предчувствие неудачи / the premonition of failure», а сказуемое – «трещина на чулках / a crack in stockings», т.е., происходит сравнение чувства неудачи с трещиной “裂痕”, которая поползла “爬”, как действие человека, что относится к олицетворению. Вероятно, перевод как «она предчувствует страшную неудачу (в порученном деле – убийство господина И)» выражает основное значение. На самом деле, мы не сможем назвать данный перевод нулевым переводом, потому что олицетворение указывает на оттенки эмоции, для чего переводчик решил сразу добавить результат «страшно / chilling» после чтения.

Для читателей, не знакомых с китайским языком, трудно воспринять смысл исходного рассказа при дословном переводе. Выполненный семантический перевод, который был предпринят, теряет чувствительную мелодику и красоту иероглифов оригинала, так как с литературной точки зрения лучше было бы добавить буквальный перевод в комментариях, или просто использовать описательный перевод.

В анализируемом предложении Ван Цзячи ждёт господина И, она хочет выполнить поставленную перед ней задачу, но не замечает, что уже влюбилась в своего врага. Это предложение предваряет мысль о том, что любовь и задача Ван Цзячи обречены на поражение, так как её история – трагедия, на которую указывает смысл английской фразы *chilling premonition of failure*.

Рассмотрим следующий пример: 3. 在这小楼上难免觉得是高坐在火药桶上, 马上就要给炸飞了, 两条腿都有点虚软 [7, с.16]. ...upstairs in this little shop, she was sitting on top of a powder keg that was about to blow her sky-high. A slight tremble was beginning to take hold of her legs [8, с.27].

Перевод сохраняет мысль, переданную во фразе “in this little shop”, но по контексту мы знаем, что этот дом является магазином ювелирных изделий. Кроме того, в китайском предложении фиксируется метафора: объектом метафоры является пороховая бочка, которая из контекста воспринимается как «тяжёлая ситуация». Словосочетание *slight tremble* «легкая дрожь» также отсутствует в оригинале произведения, так как “两条腿虚软” выражает то,

что «ноги мягкие и слабые», в русском языке называется «ноги ватные», так как становится понятно из контекста, что она боялась: человек становится бессильным из-за переживания. Подобный перевод называется функциональной заменой из лексико-семантической трансформации [4, с.106]. Описанная ситуация произошла перед попыткой убийства. Вместе с господином И она беспокоится о своей положении, и не знает, что господин И её тоже любил.

В рассказе Ван Цзячжи описывается как трагический образ, она является обыкновенной девушкой, которая мечтает о счастье, любви и обычной жизни. Но в смутное время все эти желания являются «предметами роскоши», как дорогие вещи, а в обычное время – «предметами необходимости», как товары широкого потребления. Об этой героине чрезвычайно много говорят, оценивают и сочувствуют ей. Описание образа Ван Цзячжи включает следующие характеристики: простая, чистая, любит Родину, стремится к своему счастью, защищает свою любовь, но является мягкосердечной. Хотя Ван Цзячжи не выполнила свою задачу, но её любят. Она родилась не в мирное время. В её судьбе виновато потрясение общества, так как жизнь любого человека не должна разрушаться из-за войны.

Стоит отметить, что прецедентные женские имена имеют значение для исследований по той причине, что они связаны с соответствующими фоновыми знаниями. Эти имена стали частью культуры и ментальности нации. Знание прецедентных имён имеет важное значение для изучения языка и для понимания китайского менталитета, что оказывается полезным для культурных контактов между людьми. Благодаря переводам с китайского языка, представители других национальностей могут лучше понять особенности культуры и литературы китайского народа.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Лотос, 2003. 178 с.
2. Гальперин Н.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: 1981. 141 с.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
4. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English <=> Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. СПб.: Союз, 2001. 320 с.
5. Латышев Л.К. Курс перевода. М.: Международные отношения, 1984. 247 с.
6. Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах. Вестник МГУ. Серия 22: Теория перевода. 2013 г. №1. с. 100-118.
7. Чанг Айлин. Вожделение (отдельное приложение на китайском языке). 26 с.
8. Chang Eiling. Lust, Caution: (The story and the play of electronic version), translated by Julia Lovell. New York: Pantheon books, 2007. 139 с.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

С.В. Копырюлин

«ГАЛЛИПОЛИЙСКИЕ РАССКАЗЫ» Н.З.РЫБИНСКОГО:
ТЕМАТИКА И ОБРАЗНО-МОТИВНАЯ СИСТЕМА*Ключевые слова и фразы: литература русского зарубежья, Галлиполи, писатели-галлиполийцы, Н.З.Рыбинский, цикл.**В статье малоизвестные «Галлиполийские рассказы» Н.З.Рыбинского рассматриваются как единый цикл. Их объединяет общая тематика, связанная с историческим феноменом Галлиполийского сидения, а также сходство доминирующих образов и мотивов: турецкого полуострова Галлиполи, русских офицеров, веры, тоски по Родине, замкнутого пространства и других.*

О.В. Игнатьева

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В ЖУРНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
КАК ФАКТОР НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ НА РЕЧЕВУЮ
КУЛЬТУРУ СОЦИУМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНЫХ СМ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)*Ключевые слова: агрессивное медиаповедение, феноменология вербальной медиаагрессии, этико-речевая норма, журналистский текст.**Статья посвящена изучению феноменологии речевой медиаагрессии. Дана оценка агрессивному медиаповедению как нарушающему общепринятые этико-речевые нормы, приводящему к деструкции в коммуникативном взаимодействии СМИ и их адресата. Продемонстрированы результаты лингводианостики вербальной агрессии в дискурсе средств массовой информации (на примере печатных изданий Ульяновской области).*

О.В. Игнатьева

СПОРТ КАК ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ*Ключевые слова: концепт «спорт», спортивный контент, спортивная журналистика.**В работе нашли отражение результаты изучения структурно-функциональных особенностей отечественной спортивной прессы. Определены социальные доминанты спортивной журналистики. Дана оценка спорту как социокультурному феномену. На основании результатов контент-аналитического исследования материалов газет «Советский спорт» и «Спорт-Экспресс» выявлена специфика представления спортивного контента в печатной периодике России.*

Аль-хадитхи Басим Хашиа Абдулраззак

ПРАГМАТИКА ОБРАЩЕНИЙ РЯДА МАТЬ, МАМА, МАМ...
В ЖИВОЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ*Ключевые слова: лексическая семантика, прагматика, термина родства, обращение.**В статье рассматривается структура и прагматическая семантика имен родства открытого лексического ряда: мать, мама, мам, ма, мамаша, маманя, мамуся, мамусенька, мамулечка, мамусик, мамусичек, маман, мамочка, матушка, маменька, мамка, мамк... Выделяется 5 основных прагматических зон семантики обращений: временная, возрастная, социальная, гендерная и культурно-языковая. Отмечается, что прагматической семантики обращений важен как при обучении русских, так и иностранных студентов.*

Л.У. Бикмаева, Е.А. Петрова, И.И. Файзуллина

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЛЕКЦИОННОГО ЗАНЯТИЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ
ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ*Ключевые слова: коммуникативно-прагматический аспект лекционного занятия, культура речи, языковая компетенция, функциональные стили речи.*

S.V. Kopyriulin

N.Z.RYBINSKIY'S "GALLIPOLI'S SHORT
STORIES": TOPICS AND IMAGES*Keywords: Russian literature abroad, Gallipoli, Gallipoli writers, Rybinskiy, cycle.**The article examines little-known Rybinskiy's "Gallipoli's short stories" as a cycle. They united by topics and connected with Gallipoli standing's historical phenomenon, and also the resemblance of the dominating images and motives: Turkish Gallipoli Peninsula, Russian officers, faith, Motherland's boredom, enclosed space and so on.*

O.V. Ignatieva

VERBAL AGGRESSION IN JOURNALISTIC TEXTS AS A
FACTOR OF NEGATIVE INFLUENCE ON SPEECH
CULTURE OF SOCIETY (ON THE MATERIAL OF PRINTED
MASS MEDIA IN ULYANOVSK REGION)*Keywords: aggressive media behavior, phenomenology of verbal media aggression, ethical-speech norm, journalistic text.**The article is devoted to the study of the phenomenology of speech media aggression. Aggressive media behavior is assessed as violating generally accepted ethical and speech norms, leading to destruction in the communicative interaction of the media and their addressee. The results of linguistic diagnostics of verbal aggression in the discourse of mass media are demonstrated (on the example of printed publications of the Ulyanovsk region).*

O.V. Ignatieva

SPORT AS A SUBJECT-THEMATIC DIRECTION OF
MODERN DOMESTIC JOURNALISM*Keywords: the concept of «sport», sports content, sports journalism.**The paper reflects the results of studying the structural and functional features of the national sports press. The social dominants of sports journalism are defined. Sport is evaluated as a socio-cultural phenomenon. Based on the results of content analysis of the materials of the Newspapers "Sovetsky sport" and "Sport-Express", the specificity of presenting sports content in printed periodicals in Russia was revealed.*

Al-hadithi Basim khashea Abdulrazzak

PRAGMATICS OF APPEALS OF A NUMBER OF MOTHERS,
MAMA, MAM... IN THE LIVING MODERN RUSSIAN
SPEECH*Keywords: lexical semantics, pragmatics, kinship terms, conversion.**The article deals with the structure and pragmatic semantics of kinship names of an open lexical series: mother, mother, mam, ma, mamasha, mamanya, mamusya, mamusenka, mamulechka, mamusik, mamusichek, mamam, mummy, matushka, mamenka, mamka, mamk... There are 5 main pragmatic zones of semantics of appeals: time, age, social, gender, and cultural-language. It is noted that the pragmatic semantics of appeals is important both for teaching Russian and foreign students.*

L.U. Bikmaeva, E.A. Petrova, I.I. Fayzullina

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF THE
LECTURE LESSON ON THE DISCIPLINE "RUSSIAN
LANGUAGE IN BUSINESS DOCUMENTATION*Keywords: communicative-pragmatic aspect of a lecture lesson, speech culture, language competence, functional styles of speech. The article discusses the methodology for conducting a lecture*

В статье рассматривается методика проведения лекционного занятия не только с позиции системно-структурного подхода, но и в коммуникативно-прагматическом аспекте. Цель исследования – разработка коммуникативно-прагматических и теоретических основ построения системы профессионально-ориентированного преподавания речевой деятельности и определение оптимальных путей ее реализации.

А.Г. Гилемшина

РАЗРАБОТКА ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА АРАБСКОГО, РУССКОГО, ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: параллельные корпуса, русский язык, татарский язык, арабский язык, корпусная лингвистика, разработка корпусов.

Статья рассматривает опыт создания корпусов текстов русского, татарского и арабского языков как базу для потенциального построения параллельного корпуса этих языков. При этом приводятся результаты обзорного изучения доступных корпусов указанных языков и анализируются возможные проблемы и трудности, связанные с построением параллельного корпуса. Также даются некоторые практические рекомендации по разметке и аннотированию параллельного корпуса русского, татарского и арабского языков.

Г.Г. Зайнуллин

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРАБСКИХ ПАРЕМИЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: арабские паремии, паремиология, прагматическая лингвистика, арабско-русский перевод, перевод паремиологических единиц, арабские пословицы и поговорки.

Статья рассматривает различные паремиологические единицы (пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения), берущие начало в текстах арабской художественной литературы, с точки зрения проблемы перевода таких паремий на русский язык. Уделяется внимание паремиям, представляющим собой цитаты из Корана, хадисов и стихотворных произведений арабских авторов. Вопрос нахождения эквивалентов таких паремиологических единиц в русском языке или их перевода на русский язык иными способами представлен с позиций прагматической лингвистики.

И Лицюнь

МЕТАФОРА В МОДНЫХ СЛОВАХ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: модное слово, метафора, семантическое переосмысление, китайский язык, русский язык.

В статье рассматриваются модные слова и один из основных семантических процессов, характерных для модных слов, – метафорическое переосмысление, представленное в современном русском и в современном китайском языке. Актуальность настоящей статьи определяется исследованием феномена языковой моды, который является предметом обсуждения в русскоязычной научной среде. Оригинальность статьи заключается в том, что автор опирается на собственные наблюдения и сопоставляет русский и китайский языки. Анализ проводится на основе классификации типов метафор, представленной в научной литературе. Автором приводятся примеры по результатам исследования на двух языках. Исследование модных слов не только очень актуально в настоящее время, но и перспективно в аспекте: когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, прагматики и социолингвистики. Статья представляет интерес для специалистов и может быть использована в работах по изучению данной темы.

lesson not only from the position of a system-structural approach, but also in a communicative-pragmatic aspect. The purpose of this study is to develop communicative-pragmatic and theoretical foundations for building a system of professionally-oriented teaching of speech activity and determine the optimal ways to implement it.

A.G. Gileshina

DEVELOPMENT OF THE PARALLEL CASE OF THE ARABIC, RUSSIAN, TATAR LANGUAGES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Keywords: parallel corpora, Russian, Tatar, Arabic, corpus linguistics, development of corpora.

The article considers the experience of creating corpora of Russian, Tatar and Arabic texts as the basis for the potential development of a parallel corpus of these languages. The author presents the results of a review of freely available corpora of the aforementioned languages and analyzes the possible problems and difficulties related to the creation of such parallel corpus. In addition to that, the researcher provides some practical recommendations on annotating the parallel corpus of Russian, Tatar and Arabic.

G.G. Zaynullin

PRAGMATIC FEATURES OF ARABIC PAREMIAS ORIGINATING FROM LITERARY WORKS AND THE PROBLEM OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Keywords: Arabic paremias, paremiology, pragmatic linguistics, Arabic-Russian translation, translation of paremiological units, Arabic proverbs and sayings.

The article considers various paremiological units (proverbs, sayings, aphorisms, idioms) originating in the texts of Arabic fiction, from the point of view of the problem of translating such paremias into Russian. The paper focuses on the paremias that are quotes from the Qur'an, hadiths and poetic works of Arab authors. The question of finding the equivalents of such paremiological units in Russian or translating them into Russian in other ways is presented from the standpoint of pragmatic linguistics.

Yi Lique

METAPHOR IN BUZZWORDS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Keywords: buzzword, semantic reinterpretation, metaphor, Chinese language, Russian language.

The article deals with buzzwords and one of the main semantic processes affecting buzzwords – metaphorical reinterpretation of fashion words, which is activated in the vocabulary of modern Russian and Chinese languages. The purpose of the article is to analyze the use of buzzwords not in the context of their dictionary meanings, but in the context of semantic reinterpretation. Speakers of modern Russian and Chinese have a common experience and perception, on which the identity of metaphorical reinterpretation of some buzzwords is based. The relevance of this article is determined by the study of the phenomenon of language fashion, which is the subject of discussion in the Russian-speaking scientific community. The originality of the article is that the author relies on his own observations and compares the Russian and Chinese languages. The classification of different types of metaphors in the context of their semantic reinterpretation is given. The author gives examples based on the results of the study in two languages. The study of buzzwords is not only very relevant at the present time, but also promising from the point of view of various aspects: cognitive linguistics, linguoculturology, pragmatics, etc. The Article is of interest to specialists and can be used in works on the study of this topic.

Г.К. Исмаилова, А.Р. Нурутдинова
РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЖАРГОНИЗМЫ ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
СРЕДЫ В ИНТЕРНЕТЕ

Ключевые слова: лексика, жаргонизмы, Интернет, пользователь, русский, английский.

Популярность сегодняшних Интернет - коммуникаций стала причиной заметного возрастания количества пользователей Сети. Находясь в Сети в течение долгого времени, молодое поколение придумывает собственный язык Интернет – коммуникации, который не может не вызывать интереса с лексикологического аспекта. Просторы виртуального мира стали частью жизни миллионов людей во всем мире. Современная молодежь как наиболее подвижная и переимчивая возрастная группа образует значительную часть общего количества пользователей. Объектом данной работы является жаргон, используемый подростками и молодыми людьми, при общении в рамках русскоязычных и англоязычных веб-сайтов.

А.В. Кривицкая
ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ» В
ЭРГОНИМАХ ПИТЕЙНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН

Ключевые слова: эргоним, тематическое поле, эргонимический термин.

В работе представлены наиболее распространенные в республике Башкортостан эргонимы питейных заведений, относящиеся к тематическому полю «Употребление алкоголя».

О.О. Петрова
ВИДЫ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ
В ЛИРИКЕ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

Ключевые слова: лексическая метонимия, модели метонимических переносов значений, субстантивная метонимия, адъективная метонимия, синкретизм значений.

Данная статья посвящена обзору метонимических переносов в поэзии Игоря Северянина. Автор отмечает наиболее характерные модели метонимии для языка лирики поэта Серебряного века, иллюстрируя их многочисленными примерами. Более частотной в стихотворениях И. Северянина выступает субстантивная метонимия. Менее представлена адъективная метонимия. Кроме того, автор отмечает случаи синкретизма метонимии с прямым или метафорическим значением. Данная статья может быть полезной как для специалистов в области языкознания, так и для литературоведов.

Д.Г. Акубекова
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР В
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: аббревиация, перевод, профессионально-ориентированный текст, контекст.

В статье рассматриваются вопросы перевода аббревиатур в профессионально-ориентированных текстах. Представлены возможные способы переводческих трансформаций для адекватной передачи содержания иноязычного текста.

И.В. Белкина, Е.В. Машкова, Ю.Н. Яценко
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПАМЯТЬ» ГЛАГОЛАМИ
ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: концепт, концептуальный анализ, концептуальная метафора, мнемические процессы, системный уровень, функциональный уровень, концептуальный признак.

Настоящая статья посвящена анализу лексико-семантических особенностей глаголов английского языка, вербализующих концепт «память». В фокусе внимания находятся глаголы движения, способные на функциональном уровне, в рамках предложения-высказывания, номинировать процессы воспоминания, сохранения, забывания и запоминания.

G.K. Ismagilova, A.R. Nurutdinova
RUSSIAN – LANGUAGE JARGON FROM THE ENGLISH –
SPEAKING ENVIRONMENT ON THE INTERNET

Keywords: lexis, jargon, the Internet, user, Russian, English. The popularity of today's Internet communications has caused a noticeable increase in the number of Web users. Having been on the Internet for a long time, the young generation comes up with their own language of Internet communication, which cannot but arouse interest from the lexicological aspect. The vastness of the virtual world has become the part of the lives of millions of people around the world. Modern youth as the most mobile and intermittent age group forms a significant part of the total number of users. The object of this work is the jargon used by adolescents and young people when communicating in the framework of Russian-language and English-language websites.

A.V. Krivitskaya
THEMATIC FIELD "ALCOHOL CONSUMPTION" IN
ERGONYMS OF DRINKING ESTABLISHMENTS OF THE
REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Keywords: ergonom, thematic field, ergonomically term. The paper presents the most common in the Republic of Bashkortostan ergonyms drinking establishments related to the thematic field "alcohol Consumption".

O.O. Petrova
TIPIES OF METONYMIC TRANSFERS IN THE POETRY
OF IGOR SEVERYANIN

Keywords: lexical metonymy, models of metonymic value transfers, substantive metonymy, adjectival metonymy, syncretism of values.

This article is devoted to the review of metonymic transfers in the poetry of Igor Severyanin. The author notes the most characteristic models of metonymy for the language of the lyric poet of the Silver age, illustrating them with numerous examples. More frequent in I. Severyanin's poems is the substantive metonymy. Adjectival metonymy is less represented. In addition, the author notes cases of syncretism of metonymy with a direct or metaphorical meaning. This article can be useful both for specialists in the field of linguistics and for literary critics.

D.G. Akubekova
TO THE ISSUE OF ABBREVIATIONS TRANSLATION IN
PROFESSIONALLY-ORIENTED TEXTS

Keywords: abbreviation, translation, professionally oriented text, context.

The article deals with the translation of abbreviations in professionally oriented texts. Possible ways of translation transformations of the content of a foreign language text are presented.

I.V. Belkina, E.V. Mashkova, Y.N. Yatsenko
VERBALIZATION OF THE CONCEPT "MEMORY" BY THE
ENGLISH VERBS OF MOTION

Keywords: concept, conceptual analysis, conceptual metaphor, mnemonic processes, system level, functional level, conceptual feature.

This paper deals with the semantic analysis of the English verbs which verbalize the concept "MEMORY". The focus of attention is on the verbs of motion, which can nominate mnemonic processes on the functional level.

Р.Е. Богачев, Е.Н. Мусаелян, И.Э. Федюнина
ОТРАЖЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ РУН В
ИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: руническое письмо, символическое значение, исландский язык.

В статье рассматривается вопрос символического значения некоторых знаков рунического алфавита древних германцев. Анализируется их репрезентация в древнеисландском языке, а так же вербализация и изменение значений этих знаков в системе современного исландского языка.

М.Е. Букеева
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА
«САЙТ» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ТЕХНИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: дискурс, жанр, гибридность, специализированная лексика, коммуникация.

В статье рассматривается немецкоязычный технический дискурс, который реализуется посредством жанра «сайт». Анализ сайта свидетельствует о многоуровневой жанровой гибридности. Она вызвана многозадачностью и многофункциональностью, которые необходимы производителю. Гибридность жанра прослеживается в лексико-семантических и стилистических особенностях, демонстрирующих соединение черт нескольких видов дискурса для создания единого эффективного продукта коммуникации.

В.Д. Грищенко, О.А. Юдина
АФФЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКИ РЕКЛАМНЫХ
ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Ключевые слова: рекламные тексты, прагматический потенциал лексики, эмоциональное воздействие.

В работе представлены результаты анализа лексических единиц рекламных текстов туристической тематики; рассматриваются методы эмоционального воздействия с помощью лингвистических средств; исследуется прагматический потенциал различных пластов лексики в текстах туристической рекламы.

А.С. Даутова
МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ГРУППЫ «ПОКИДАНИЕ»

Ключевые слова: семантическая структура глагола, семантический признак силы, контролируемости за приложением силы, пространство функциональных отношений. В статье освещается метаязык описания семантической структуры английской глагольной лексики. Особое внимание уделяется разработке метаязыка исследования английских глаголов лексико-семантической группы «покидание» (leave, depart, desert, abandon). В число основных метапонятий вошли: Субъект действия X, Объект действия Y, Пространство A X-а, Пространство B Y-а, «сила», «контролируемость». Авторы определили, что наличие/отсутствие признака «контролируемость» в семантической структуре Субъекта действия X влияет на семантический тип предиката английских глаголов группы «покидание», а актуализация признака «ПОКИДАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ» в семантической структуре предиката глаголов модулирует их прототипическое значение.

Г.Р. Еремеева, Ф.Х. Исмаева, Е.В. Мальцева
МЕХАНИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЬЯХ

Ключевые слова: лингвистика, английский язык, механико-математический, терминология.

Статья посвящена часто употребляемым механико-математическим терминам, встречающимся в англоязычных научных статьях. Рассмотрены, классифицированы, визуализированы различные механические термины на английском языке. В данной работе проведено исследование

R.E. Bogachev, E.N. Musaelian, I.E. Fidyunina
THE SYMBOLIC MEANING OF RUNES IN THE ICELANDIC
LANGUAGE

Keywords: runic inscriptions, the symbolic meaning, the Icelandic language.

The article deals with the question of the symbolic meaning of some runic characters of the ancient Germanic alphabet, their representation in the Old Icelandic language, as well as the verbalization and change of the meanings of these characters in the system of the modern Icelandic language.

M.E. Bukееva
LEXICAL-SEMANTIC FEATURES OF GENRE «SITE» IN
GERMAN TECHNICAL DISCOURSE

Keywords: discourse, genre, hybridization, communication, lexis. The article describes the German technical discourse realized through the genre of "site". Analysis of the site shows multilevel genre hybridization. It is caused by multitasking and multifunctionality, which are necessary for the manufacturer. The hybrid nature of the genre becomes obvious in the lexical-semantic and stylistic features demonstrating the combination of features of several types of discourse to create a single effective product of communication.

V.D. Grishenko, O.A. Yudina
AFFECTIVE CHARACTER OF THE LANGUAGE IN
TOURIST ADVERTS

Keywords: adverts, pragmatic potential of the language, emotional effect.

The paper presents the results of the analysis of the language used in the tourist adverts; studies the ways of emotional impact of some lexical means; deals with the pragmatic potential of the vocabulary of advertising texts.

A.S. Dautova
METALANGUAGE FOR THE DESCRIPTION OF THE
SEMANTIC STRUCTURE OF THE ENGLISH VERBS OF
LEAVING

Keywords: verb semantics, semantic feature, force, control over the application of force.

The article is devoted to the metalanguage for the description of the semantic structure of the English verbs "leave, depart, desert, abandon". A particular attention is paid to the development of a metalanguage for the semantic structure analysis. The main meta concepts include: X - the Subject of the action, Y - the Object of the action, X's Space A, Y's Space B, "force", "control". The authors determined that the presence / absence of "control" in the semantic structure of X affects the semantic type of the predicate and actualization of the semantic feature LEAVING THE SPACE OF THE FUNCTIONAL RELATIONS modulates the lexical meaning of the verbs.

G.R. Eremeeva, F.Kh. Ismaeva, E.V. Maltseva
MECHANICAL AND MATHEMATICAL TERMS IN
ENGLISH ARTICLES

Keywords: linguistics, English language, mechanical-mathematical, terminology.

The article is devoted to frequently used mechanical and mathematical terms that are found in English-language scientific articles. Various mechanical terms in English are reviewed, classified, visualized. The frequency of use of mechanical and mathematical terminology in Scopus articles was examined in

частоты употребления механико-математической терминологии преподавателей Казанского (Приволжского) федерального университета и частота употребления этой же терминологии в статьях, размещенных в интернет-ресурсе Scopus. В ходе эксперимента выявлено то, что частота употребления определенных механико-математических терминов преподавателями намного больше, чем их частота употребления в научных статьях.

О.В. Звада

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТЕ СВОБОДА В КОНТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Ключевые слова: концепт, свобода, значение, концептуальный анализ, англоязычная художественная литература.

В данной статье предпринята попытка проанализировать концепт «свобода» на примерах из англоязычной художественной литературы. В современной науке концепт – это чрезвычайно широкое понятие, используемое в различных парадигмах знания. В лингвистических работах отсутствует единое определение термина «концепт». Учёные-когнитивисты (А.П. Бабушкин, Н.А. Болдырев, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова и т.д.) определяют концепт как речемыслительную единицу в сознании индивидуума, которая представляет собой целостное, нерасчлененное отражение действительности. Ученые, принадлежащие к культурологическому направлению (Н.Д. Арутюнова, А. Везбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.И. Шаховский) определяют концепт как ментальное образование, имеющее этносемантическую специфику. Концептуальный анализ – одно из перспективных направлений лингвистического анализа текста, прошедшее за последние десятилетия сложный путь.

Л.Е. Корнилова

ЯПОНСКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ. ПРОБЛЕМЫ ОПОСРЕДОВАННОГО ПЕРЕВОДА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: перевод, опосредованный перевод, язык-посредник, переводная обратимость, японские ксенонимы, латинизация.

В статье рассматриваются проблемы адекватной передачи японских ксенонимов на русский язык через немецкий язык как язык-посредник, затрагивается вопрос о существующих системах латинизации и кириллизации японских заимствований и различиях этих систем, приводящих к возникновению переводческих дублетов, указываются перспективы обучения опосредованному переводу.

Е.Г. Котова, Е.Б. Савельева, Е.А. Линева, Т.Г. Юсупова СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОНАИМНОВАНИЙ

Ключевые слова: цветонаименования, цветовая гамма, оттенки цвета, грамматические модели, тематические группы.

В статье рассматриваются цветонаименования как системно организованное множество лексических единиц, отличающееся целостностью их восприятия, грамматической структурированностью, динамичностью в использовании широкой палитры лексем, открытостью и языковой гибкостью.

М.Н. Кузнецова, У.А. Казакова

СПЕЦИФИКА ОЦЕНИВАНИЯ КАЧЕСТВА ПРОЦЕССА ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Ключевые слова: языковая подготовка, оценка качества образовательного процесса, студенты вуза.

В работе представлены результаты теоретического анализа реализации, мониторинга, оценивания процесса изучения иностранных языков студентами технического вуза. Авторами

comparison with the frequency of use of the same terminology by lecturers at KFU. The experiment revealed the fact that the frequency of use of certain mechanical and mathematical terms by lecturers is much greater than their frequency of use in scientific articles.

O.V. Zvada

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF LIBERTY IN THE CONTEXT OF ENGLISH-LANGUAGE FICTION

Keywords: concept, liberty, implication, conceptual analysis, English-language fiction.

This article attempts to analyze the concept of «liberty» using examples from English-language fiction. In modern science, a term «concept» is an extremely broad idea used in various paradigms of knowledge. In linguistic works there is no single definition of the term «concept». Cognitive scientists (A. p. Babushkin, N. A. Boldyrev, I. A. Sternin, E. S. kubryakova, etc.) define the concept as a unit of operational consciousness, acting as an integral, undivided reflection of the fact of reality. Concepts reflect the content of knowledge, experience, results of all human activity in the formation of mental construction of various phenomena and objects of the surrounding world and appear in the form of certain units of knowledge. Scientists belonging to the cultural direction (N. D. Arutyunova, A. Vezhbitskaya, S. G. Vorkachev, V. I. Karasik, D. S. Likhachev, Yu.s. Stepanov, V. I. Shakhovsky) define the concept as a mental education that has an ethnosemantic specificity. Conceptual analysis is one of the most promising areas of linguistic analysis of the text, which has passed a difficult path over the past decades.

L.E. Kornilova

JAPANESE MODERN LITERATURE IN GERMAN. PROBLEMS OF INTERMEDIARY TRANSLATION AND FUTURE PROSPECTS

Keywords: translation, intermediary translation, lingua franca, translation convertibility, japanese loans, Roman writing. The article discusses the problems of the intermediary translation of Japanese loans from German as a lingua franca to Russian, addresses the issue of the existing systems of Latinization and Cyrillization of Japanese borrowings and the differences between these systems that lead to the emergence of translation doublets, and points out the future prospects for teaching intermediary translation.

E.G. Kotova, E.B. Saveleva, E.A. Lineva, T.G. Yusupova STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF COLOUR NAMES

Keywords: color names, color gamut, color shades, grammatical models, thematic groups.

The article deals with color names as systemically organized set of lexical units, characterized by the integrity of their perception, grammatical structure, dynamism in the use of a wide palette of lexemes, openness and language flexibility.

M.N. Kuznetsova, U.A. Kazakova

SPECIFICITY OF QUALITY ASSESSMENT OF THE PROCESS OF LANGUAGE TRAINING OF STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITIES

Keywords: language training, assessment of the quality of the educational process, university students.

The paper presents the results of theoretical analysis. All types of speech activity (reading, speaking, listening, writing), necessary future graduates of technical universities for professional and

всесторонне рассмотрены все виды речевой деятельности (чтение, говорение, аудирование, письмо), необходимые будущим выпускникам технических вузов для эффективной профессиональной и научной деятельности в международной сфере. Особое внимание отводится сложности в верификации сформированности профессионально-коммуникативных компетенций обучающихся в связи поликомпонентным составом исследуемого образовательного феномена.

З.В. Маньковская

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ПРОФЕССИЙ И ДОЛЖНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: номенклатура специальностей, наименования со значением деятеля, суффиксация, словосложение, кластеры словосочетаний, универсализация названий профессий.

В статье представляются результаты анализа современных тенденций в образовании названий профессий и должностей в медиaprостранстве, выделяются принципы систематизации карьерных возможностей на основных сайтах сети Интернет, рассматривается явление унификации/универсализации как способ номинации профессий и должностей в условиях стремительных изменений на рынке труда и появления большого количества новых вакансий.

О.Г. Шевченко

О ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЗОНАХ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ ГРУПП – ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВРЕМЕНИ И МЕСТА

Ключевые слова: прототип, периферия, обстоятельства времени и места, предлог, существительное.

В статье рассматриваются вопросы прототипического анализа обстоятельств. С учетом прототипических характеристик описаны явления периферийного характера, совмещающие значения обстоятельства времени и места. Устанавливается зависимость между семантикой компонентов предложно-именных групп и их способностью выступать в роли периферийных элементов.

Т.А. Юрова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КОГНИТИВНОГО СОЗНАНИЯ

Ключевые слова: заимствования, актуализированное значение, культурно-языковые приоритеты, лингвокультурная переориентация, ценностно-когнитивные представления.

В статье отражен ряд результатов авторского исследования лингвокультурной эволюции когнитивного сознания сквозь призму иноязычных слов с актуализированным значением, встречаемых в электронных текстах российских газет.

Л.И. Антропова, Т.Ю. Залавина, Л.С. Полякова, Ю.В. Южакова
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Ключевые слова: теория концепта, лингвокультура, концепт „деньги“, паремии, фреймовая классификация.

Рассматриваются лингвокультурные особенности паремииологических единиц на примере концепта «деньги» в французском языке. Описываются когнитивные структуры знаний, характерные для национального языкового сознания. Интерпретируются универсальные подходы к исследованию концепта и рассматривается классификация паремииологических единиц по семантическим признакам и ментальным фреймам.

Н.В. Еремкина, Е.Ф. Усманова

СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЮРИСТА

Ключевые слова: культура речи, коммуникация, речевое воздействие, юрист, точность, ясность речи.

В наше динамичное и очень требовательное время юрист для достижения поставленных целей должен обладать не только

scientific activities in the international sphere. Particular attention is paid to the difficulties in verifying the formation of professional-communicative competencies of students in connection with the multicomponent composition of the studied educational phenomenon.

Z.V. Mankovskaya

LINGUISTIC WAYS OF JOBS AND TITLES NOMINATION IN MODERN MEDIA SPACE

Keywords: nomenclature of specialties, names of the doer of the action, suffixation, word composition, word clusters, universality as a means of jobs and titles nomination.

The article presents the analysis of modern tendencies in jobs and titles nomination in present day media space. The main principles of systematizing names of career opportunities in the Internet are identified. The concept of universality is regarded as a means of jobs and careers nomination in the time of rapid changes on the world labour market and emerging new job vacancies.

O.G. Shevchenko

ON THE PERIPHERAL ZONES OF PREPOSITIONAL GROUPS USED AS ADVERBIAL MODIFIERS OF TIME AND OF PLACE

Keywords: prototype, periphery, adverbial modifiers of time and of place, preposition, noun.

The paper deals with some problems of the prototypical analysis of the adverbial modifier. Taking into account prototypical features, the author dwells upon some peripheral phenomena which combine temporal and spatial adverbial meanings. The interdependence between the semantics of the elements of prepositional phrases and their ability of belonging to the periphery is explored.

T.A. Yurova

LINGUISTIC AND CULTURAL EVOLUTION OF THE COGNITIVE CONSCIOUSNESS

Keywords: borrowings, the actualized value, cultural and linguistic priorities, linguistic and cultural reorientation, value-cognitive representations.

The article reflects a number of results of the author's study of the linguistic and cultural evolution of cognitive consciousness through the prism of foreign words with the actualized meaning found in the electronic texts of Russian newspapers.

Л.И. Антропова, Т.Ю. Залавина, Л.С. Полякова, Ю.В. Южакова

REPRESENTATION OF LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF CONCEPT "MONEY" IN PROVERBS

Keywords: concept theory, linguistics and culture, concept "money", proverbs, frame classification.

The paper presents linguocultural peculiarities of the concept "money" on the material of French proverbs. Cognitive knowledge structures, specific to national language conscience, are being described. Universal approaches to concept investigation are interpreted; the classification of proverbs on semantic features and frames is given.

N.V. Yermkina, E.F. Usmanova

MEANS OF SPEECH IMPACT IN PROFESSIONAL COMMUNICATION OF A LAWYER

Keywords: speech culture, communication, speech impact, lawyer, accuracy, clarity of speech.

In our dynamic and very demanding time, in order to achieve our goals, a lawyer must possess not only professional knowledge and

профессиональными знаниями и навыками, но и уметь правильно строить свое высказывание, убедительно отстаивать собственную позицию в конкретной ситуации, соблюдая этику общения и языковые требования (смысловую точность и ясность, правильность, логичность, уместность), которые способствуют не только деловому общению и созданию необходимых условий для гармоничного взаимодействия между участниками, но и создают необходимый эффект воздействия.

С.Б. Какваева

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: категория эвиденциальности, инферентивное значение, цитативное значение, дуративное дееспричастие, эпический нарратив, клитика.

В статье рассматривается категория эвиденциальности в лакском языке, которая представлена значительно богаче, чем это отмечено в научной литературе и которая по степени достоверности составляет иерархию: очевидные формы, категорические, аудитивные, эпический, цитатив. Большинство форм являются аналитическими, причём формальная часть может состоять из двух компонентов.

Е.В. Лимарова

СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ И СПОСОБЫ ИХ ЭКСПЛИКАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ РЕЧИ Х. КЛИНТОН

Ключевые слова: скрытый смысл, политический дискурс, коммуникация.

В статье проводится анализ скрытых смыслов, имеющих место быть в рамках политического дискурса на примере предвыборной речи кандидата в президенты США Х. Клинтон. Рассматриваются основные способы экспликации скрытых смыслов, выраженных посредством лексических, синтаксических и стилистических единиц. Отдельно выделены ключевые стилистические приемы, позволяющие воздействовать на аудиторию.

М.А. Низамиева, Д.Р. Рахимова

КОНЦЕПТ «МАТЬ» В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: концепт, понятие, смысловой компонент, культура.

В статье рассмотрены особенности реализации концепта «мать» во фразеологическом фонде русского и французского языков. Лингвокультурологический анализ языкового материала позволил выявить ключевые национальные характеристики образа матери. Предложенный анализ реализации концепта во фразеологии является ценным при изучении языковых картин мира и культур изучаемых языков.

Э.Г. Оздоева, С.А. Оздоева

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: степени сравнения; имена прилагательные; ингушский язык; положительная, сравнительная и превосходная степени; формы сравнительной степени; большая и меньшая мера качества.

В статье рассматривается словоизменительная категория степени сравнения в ингушском языке. Отмечается наличие трех степеней сравнения, а также, что степень качества в исследуемом языке может выражаться и без сравнения. Некоторые качественные прилагательные не имеют степени сравнения, так как этого не позволяет их лексическое значение.

Э.Г. Оздоева, С.А. Оздоева

АНТОНИМИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИНГУШСКИХ ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Ключевые слова: антонимия, имена прилагательные, ингушский язык, качественный признак, степени сравнения.

skills, but also be able to correctly build his statement, convincingly defend his own position in a specific situation, observing communication ethics and language requirements (semantic accuracy and clarity, correctness, logic, relevance), which contribute not only to business communication and the creation of the necessary conditions for harmonious interaction between participants, but also create the necessary effect of exposure.

S.B. Kakvaeva

ANALYTICAL FORMS OF THE EVIDENTIALITY CATEGORY IN LAK

Keywords: category of evidences, inferential meaning, citative meaning, deductive participle, epic narrative, clitic.

The article discusses the category of evidences in Lak language, which is much richer than what is noted in the scientific literature and which, in terms of reliability, makes up a hierarchy: obvious forms, categorical, auditory, epic, citation. If we take into account the meanings, then there are about seven such forms. Most forms are analytical, and the formal part may consist of two components.

E.V. Limarova

POLITICAL DISCOURSE HIDDEN MEANINGS AND WAYS OF THEIR EXPLICATION ON THE MATERIAL OF ELECTION SPEECH BY H. CLINTON

Keywords: hidden meaning, political discourse, communication. The article analyses the hidden meanings occurring in the framework of political discourse based on the example of the pre-election speech of US presidential candidate H. Clinton. The work considers basic methods of hidden meanings explication expressed through lexical, syntactic and stylistic units and highlights the key stylistic techniques allowing to influence the audience.

M.A. Nizamieva, D.R. Rakhimova

CONCEPT "MOTHER" IN THE RUSSIAN AND FRENCH PHRASEOLOGY

Keywords: concept, notion, semantic component, culture. The features of realization of the concept "mother" in the phraseology of Russian and French languages. Linguoculturological analysis of the language material revealed the key national characteristics of the image of the mother. The suggested analysis of the concept in phraseology is valuable when studying cultural picture of the Russian and French speaking world.

E.G. Ozdоеva, S.A. Ozdоеva

DEGREES OF COMPARISON OF NAMES OF ADJECTIVES IN THE INGUSH LANGUAGE

Keywords: degree of comparison; adjectives Ingush language; positive, comparative, and superlatives; forms of comparative degree; larger and smaller measure of quality; synthetic and analytical form.

The article examines the inflectional category of the degree of comparison in the Ingush language. It is noted that there are three degrees of comparison, and also that the degree of quality in the language being studied can be expressed without comparison. Some qualitative adjectives do not have a degree of comparison, since their lexical meaning does not allow this.

E.G. Ozdоеva, S.A. Ozdоеva

ANTONYMOUS RELATIONS IN INGUSH ADJECTIVES

Keywords: antonymia, adjective names, Ingush language, qualitative sign, comparison degrees. This article discusses the antonymic relations of qualitative

В данной статье рассматриваются антонимичные отношения качественных имен прилагательных в ингушском языке. Отмечается, что имена прилагательные-антонимы могут употребляться и в сравнительных конструкциях; выделяются синтетические и аналитические формы степеней сравнения антонимов-прилагательных. В отношении антонимии могут вступать прилагательные с различными лексическими значениями.

Цуй Юйфэй

СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ ПЕРСОНАЖА В РАССКАЗЕ
КИТАЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЧЖАН АЙЛИН И ИХ
ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: текст, лингвистические особенности, китайская художественная литература, прецедентное имя, женский образ, перевод.

В настоящей работе рассматриваются языковые средства описания женского образа в художественном рассказе китайской писательницы Чжан Айлин «Вожделение». Женский образ Чжан Айлин изучается на основе семантического анализа, уделяя внимание прецедентному имени. Автор показывает, что те имена, которые входят в когнитивную базу китайской языковой картины мира, становятся частью китайской культуры и способствуют дальнейшему развитию китайского языка.

adjectives in the Ingush language. It is noted that adjectives-antonyms can also be used in comparative constructions; synthetic and analytical forms of degrees of comparison of antonyms-adjectives are distinguished. Adjectives with different lexical meanings can be used as antonyms.

Cui Yufei

THE WAY OF DESCRIPTION OF FEMALE PRECEDENT
NAME (FOR EXAMPLE WANG JIAZHI) FROM CHINESE
FICTION BY ZHANG AILING

Keywords: text, linguistic features, Chinese literature, precedent name, female image, translation.

This work describes the linguistic means of a female image in the Chinese fiction story "Lust, caution" by the Chinese writer Zhang Ailing. The female image of Zhang Ailing is studied on the basis of semantic analysis with a focus on the precedent name. The author shows that those names, which are included in the Chinese cognitive base, become part of Chinese culture, and they contribute to the further development of the Chinese language.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№1 2020

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 05.02.2020

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 05.02.2020

12,4 усл.печ.л. 14,1 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3230.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»